

ИСТОРИЯ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ. ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Материалы XX Всероссийской научной конференции

Красноярск, 28 ноября 2025 г.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»

Осенняя научная сессия
«Система педагогического образования –
ресурс развития общества»

**ИСТОРИЯ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ.
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ
КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА**

Материалы XX Всероссийской научной конференции

Красноярск, 28 ноября 2025 г.

Электронное издание

Красноярск
2026

ББК 63.3(0)
И 907

Редакционная коллегия:

А.Г. Канаев (отв. ред.)

Е.Л. Зберовская

Е.С. Меер

И 907 **История мировых цивилизаций. Духовно-нравственные ценности как фактор развития общества: материалы XX Всероссийской научной конференции. Красноярск, 28 ноября 2025 г. [Электронный ресурс] / отв. ред. А.Г. Канаев; ред. кол.; Электрон. дан. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2026. – Систем. требования: РС не ниже класса Pentium I ADM, Intel от 600 MHz, 100 Мб HDD, 128 Мб RAM; Windows, Linux; Adobe Acrobat Reader. – Загл. с экрана.**

ISBN 978-5-00102-770-6

ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-00102-770-6

(Осенняя научная сессия
«Система педагогического образования –
ресурс развития общества»)

© Красноярский государственный
педагогический университет
им. В.П. Астафьева, 2026

От редакции

28 ноября 2025 г. на историческом факультете Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева состоялась юбилейная XX Всероссийская научная конференция «История мировых цивилизаций». В нынешнем году она была посвящена роли духовно-нравственных ценностей в развитии общества, что придало конференции междисциплинарный характер, объединило представителей разных гуманитарных наук. Работа конференции проходила в рамках Осенней научной сессии КГПУ им. В.П. Астафьева «Система педагогического образования – ресурс развития общества».

Конференция вызвала интерес у исследователей многих российских регионов. Активное участие в ней приняли и ученые из Республики Узбекистан. Свои научные доклады представили преподаватели, аспиранты и студенты высших профессиональных учебных заведений, учителя общеобразовательных учреждений, а также сотрудники учреждений дополнительного образования и культуры, представители негосударственных организаций.

Работа конференции проходила в очном и дистанционном форматах на площадках пяти секций. Участники обсуждали самые различные проблемы, связанные с современным философским осмыслением проблем морали и ценностей; духовно-нравственным воспитанием в системе современного образования; ролью традиционных духовно-нравственных ценностей в истории России и зарубежных стран, а также отражением духовно-нравственных ценностей в художественной литературе и искусстве.

Организаторы конференции уверены, что представленные материалы вызовут интерес у широкого круга специалистов различных общественных наук.

КУЛЬТУРНЫЙ КОД РОССИИ И ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ

THE CULTURAL CODE OF RUSSIA AND TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES

Л.И. Григорьева

L.I. Grigoreva

Культурный код, духовные ценности, православие, соборность, общинность, жертвенность.

Рассматриваются понятие «культурный код» и его основные аспекты. Показывается, что восстановление российского культурного кода является основой национальной независимости. Анализируется аксиологическое ядро российского культурного кода.

Cultural code, spiritual values, Orthodoxy, conciliarity, community, sacrifice.

The concept of “cultural code” and its main aspects are considered. It is shown that the restoration of the Russian cultural code is the basis of national independence. The axiological core of the Russian cultural code is analyzed.

Современный этап истории России ознаменовался кардинальным политическим поворотом, связанным с восстановлением национально-культурной самобытности, укреплением исторических корней, питающих жизненные силы нации, восстановлением аксиологического ядра традиционных духовных ценностей народов России. В связи с этим в сфере гуманитарных наук особое внимание стало уделяться понятиям «культурный код» и «традиционные духовные ценности». После десятилетий сложнейших испытаний, связанных с рисками утраты национального суверенитета в экономической, политической и культурной жизни, наша страна вновь возвращается к укреплению своей

независимости во всех важнейших сферах существования. В этой связи государство вновь акцентирует особую роль философско-мировоззренческого ядра личности, непосредственно связанного с понятием «культурный код» нации.

За последние годы был опубликован ряд указов Президента РФ, в которых названные цели были обозначены предельно четко: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309; «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»; Указ Президента РФ от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». И особо необходимо выделить Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Во всех названных документах подчеркивается и закрепляется безусловный приоритет национально-государственных интересов и роль, которую в этом играет мировоззренческое, духовно-нравственное наследие, сформированное веками становления и развития уникальной российской цивилизации.

Исходно понятие «культурный код» проистекает из семиотики, которая постулирует его как систему передачи значений посредством определенных знаков и символов, кодирующих фундаментальные смыслы и транслирующих их через века и поколения [1]. Прежде всего это национальный язык, его лексика, строй, звучание, особенности наименований и обозначений сущего, структурирующие внешний и внутренний мир носителя языка в определенную стройную мировоззренческую систему: «В начале было Слово». С развитием социума культурный код оформляется в мифологию,

далее – в религиозные верования, тексты, философию, сложную феноменологическую систему традиционных для данного народа символов, сакрализуемых в качестве овеществленных проекций абсолютных надличностных духовных ценностей. Особенности формирования и эволюции культурного кода нации обуславливаются прежде всего путями его национально-исторического развития. Классическое собирательное определение понятия дал философ и психолог Клотер Рапай: «Культурный код – ключ к пониманию данного типа культуры; уникальные культурные особенности, доставшиеся народам от предков. Это закодированная в некоей форме информация, позволяющая идентифицировать культуру. Культурный код определяет набор образов, которые связаны с каким-либо комплексом стереотипов в сознании. Это культурное бессознательное, не то, что четко говорится или осознается, а то, что скрыто от понимания, но проявляется в поступках. Культурный код нации помогает понимать ее поведенческие реакции, определяет народную психологию» [2]. Культурный код как система базовых понятий и символов, устанавливающих мотивы и смыслы человеческого поведения. Это «архетипическая конструкция цивилизации», – пишет отечественный мыслитель А.Ю. Вьюнов [3]. Не отвлеченно-абстрактный, но деятельно-конкретный смысл вкладывается в понятие культурного кода нации большинством исследователей данного концепта. Наиболее ярко и предметно это было сформулировано Сергеем Переслегиным: «В сущности, культурный код отвечает на два простых вопроса: как и зачем жить (нам, вместе, здесь, на этой территории)? Как и зачем умирать? Культурный код можно определить как правила выживания и развития некоторой социальной группы в определенном месте. Культурный код положен в основу образовательного канона, который определяет, чему в обязательном порядке должны научиться все живущие на данной территории» [4].

Культурный код не является чем-то застывшим и застывшим, он постоянно развивается, обогащается, является живой тканью и живой душой народа-носителя. Но при этом лишь сохранение ядра духовно-мировоззренческого, аксиологического характера является залогом существования данного уникального культурного кода и данной нации. В противном случае народ ожидает ассимиляция с носителем тех культур, чей культурный код придет на смену его собственного. Особая опасность утраты национально-культурной идентичности, вплоть до исчезновения народа или нации, возникла уже в период колонизации западными странами многочисленных регионов земного шара. В настоящее время процессы всемирной глобализации отягощаются политикой глобализма. При внешнем сходстве звучаний данные понятия не являются идентичными. Естественные процессы всемирной экономической и культурной интеграции, сопровождаемые активными миграционными движениями, как правило, сохраняют в среде носителей их исконный культурный код. США, чья направленная политика глобализма, по мнению многих политологов, и идущие в фарватере их политики западноевропейские страны до последнего времени активно внедряли наднациональные ультралиберальные унифицирующие и обезличивающие мировоззренческие модели, фактически стремящиеся к уничтожению и нивелированию традиционных культурных кодов и духовно-нравственных традиций целых цивилизаций. Английский язык, «пепси, жвачка, рок-н-ролл», агрессивный и беспринципный индивидуализм, обогащение, личный карьерный рост, разрушение ценностей традиционной семьи, культ тела, гедонизма и безудержного потребительства – вот та система идеалов и ценностей, точнее, антиценностей, которая на рубеже XX–XXI вв. активно транслировалась и агрессивно внедрялась по всему миру. Ее последствия мы наблюдаем

и ощущаем в нашей стране до сегодняшнего дня. Эти последствия оказались разрушительными для государства и губительными для личности. Очень емко данная ситуация была показана и проанализирована в книге «Православная цивилизация в глобальном мире» выдающегося отечественного мыслителя А.С. Панарина [5]. Вывод предельно прост и конкретен: единственным условием для восстановления и сохранения российской цивилизации является возвращение к нашему исконному культурному коду и духовно-нравственным ценностям, составляющим его ядро.

Обратимся к современным концептам, рассматривающим культурный код России, его основания и особенности. На наш взгляд, наиболее емко особенности российского культурного кода были проанализированы и определены в статье Г.А. Чупиной и В.И. Шерпаева [6]. Ими были выделены три базовые черты, связанные именно с уникальностью российской цивилизации: 1. Духовный – идеал Соборности. 2. Социальный – идеал крестьянской общины. 3. Полиэтническая общность вер и культур. Говоря о «соборности», они указывают на тот факт, что Россия, издревле расширявшая свои территории, на протяжении всей истории включала в свою орбиту огромное количество разнообразных этносов, народностей и народов. «Точкой сборки», объединяющей эти разнообразные общности, по мнению авторов, ссылающихся на классические произведения выдающихся русских философов, становится прежде всего православие. «В процессе преодоления феодальной раздробленности и политической консолидации Руси-России православное вероучение, культовая практика, трудовые и семейно-бытовые традиции русских благодаря общности языка так или иначе закладывали национально-культурную общность народов России: не только тех, кто исповедовал православие, но и тех, кто связывал себя с иными конфессиями – исламом,

буддизмом, иудаизмом и т.д. Ведь православное христианство видит и Россию как Церковь, как общину общин» [6]. Соответственно, полиэтническая общность вер и культур органично входит в культурный код как практическая составляющая общей идеи соборности. При этом нужно отметить, что христианизация народов России в большинстве случаев оставалась добровольной и распространялась прежде всего посредством миссионерской деятельности при сохранении национальных языков и традиционного уклада жизни. Идеал собственно крестьянской общины подразумевал конкретное деятельное сообщество, основанное на коллективной ответственности и взаимной поддержке. На наш взгляд, можно выделить несколько ключевых идей духовно-нравственного аспекта российского культурного кода. К таковым могут быть отнесены следующие максимы:

- духовное превышает материального (телесного);
- коллективное превышает личного (соборность);
- правда превышает закона;
- милосердие превышает справедливости;
- жертвенность как высшая добродетель.

Первое положение говорит о том, что самое главное в нашей жизни, самое дорогое, самое священное не может быть оценено в материальном, денежном эквиваленте. Дороже всего на свете то, что нельзя купить или продать: вера, любовь, честь, верность, порядочность, искренняя дружба и уважение, доблесть и патриотизм. В отношении второй установки иллюстрацией также является вся история России. В русском языке нет слова, обозначающего утверждения личной победы в будущем. Наша лексическая форма может сказать только «мы победим» и никак иначе. Коллективное освоение новых земель, коллективное строительство экономики, коллективное отстаивание на поле боя свободы и независимости нашей страны, нашего государства – реалии

российской истории и современности. В связи с этим западные векторы личного материального преуспевания как мерила «богоизбранности» отдельного независимого индивида (по Веберу), спенсеровская теория жесткой конкуренции как главного двигателя прогресса, или столь популярные до сегодняшнего дня идеи эгоцентричного и великолепного капиталиста-одиночки в философии Энн Рэнд (на могиле которой установлено изображение доллара) остаются и по сей день антагонистами для нашего культурного кода. Еще одной особенностью российского менталитета является убеждение в том, что формальный закон не может быть безусловно справедливым. Народ говорит: «Закон как дышло: куда повернешь, туда и вышло!» Не формальная буква закона, но «правда» – истинная справедливость считается идеалом, воплощаемым в жизнь. Она проистекает из традиционного основания православного мироотношения, в котором положено, что милосердие и сострадание безусловно превыше формальных и сухих оснований закона и законников. И наконец, квинтэссенция российского культурного кода гласит: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя» (Ин.15). Жертвенность как высшая добродетель проистекает в православной культуре из новозаветных оснований, провозглашая ее как идеал, ведущий не к смерти, но к жизни вечной. В истории России, в классической русской литературе мы можем найти колоссальное количество примеров, эксплицирующих эти духовно-нравственные императивы. Яркими иллюстрациями их современного воплощения стали советские и постсоветские фильмы, столь любимые нашим народом. В современных условиях секулярного общества этот идеал раскрывается в книгах, песнях и стихах, шествиях «Бессмертного полка», памяти поколений, дани бесконечной любви и благодарности всем отдавшим свою жизнь за настоящее и будущее своей страны, своего народа.

Библиографический список

1. *Изотова Н.Н.* Культурный код: семиотический аспект // Culture and Civilization. 2020. Vol. 10. Is. 1A. С. 122–127.
2. *Рапай К.* Культурный код: как мы живем, что покупаем и почему / ред. Р. Пискотина; пер. У. Саламатова. 2-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2016. 168 с.
3. *Вьюнов Ю.А.* Русский культурный архетип: Страноведение России: учебное пособие. 4-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2022. 496 с.
4. *Переслегин С.* Цивилизация в людях и кодах // Изборский клуб [Электронный ресурс]. URL: <https://izborsk-club.ru/20672>, свободный (дата обращения: 03.12.2025).
5. *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. 492 с.
6. *Чутина Г.А., Шерпаев В.И.* Цивилизационная идентичность России: проблема культурно-генетического кода // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2015. № 4. С. 5–18.

ИЗУЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК СРЕДСТВО ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

STUDYING REGIONAL CULTURE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR AS A MEANS OF PATRIOTIC EDUCATION

Н.В. Ворошилова

N.V. Voroshilova

Великая Отечественная война, региональная культура, патриотическое воспитание.

Активизация воспитательной работы в школе и усиление внимания к патриотическому воспитанию актуализируют поиск эффективных средств их реализации. В статье на конкретно-историческом материале раскрывается потенциал использования истории культуры Красноярского края периода Великой Отечественной войны в формировании патриотизма у школьников.

The Great Patriotic War, regional culture, patriotic education.

The intensification of educational work at schools and increased attention to patriotic education have made it necessary to find effective means of implementing them. This article uses specific historical material to explore the potential of using the Krasnoyarsk Region's cultural history of the during the Great Patriotic War to foster patriotism among schoolchildren.

Усиление внимания к воспитательной составляющей образовательного процесса в современной школе, ключевой составляющей которой является формирование патриотизма молодого поколения, наряду с повышением роли регионального компонента в преподавании истории, актуализирует анализ воспитательного потенциала региональной истории, а также уточнение и конкретизацию понятия

«патриотическое воспитание». Активную работу в этом направлении ведут исследователи красноярских вузов [1].

Долгое время в отечественной педагогической теории и практике патриотическое воспитание трактовалось как *военно-патриотическое*, однако в последние годы возобладала расширительная трактовка этого понятия. В современных нормативных документах патриотическое воспитание понимается как основанное на воспитании любви к родному краю, Родине, своему народу, уважении к другим народам России; формирование российского национального исторического сознания, российской культурной идентичности [2]. Такая трактовка акцентирует внимание и на региональной, и на культурной составляющей патриотического воспитания, что позволяет предположить возможность широкого применения историко-культурного материала регионального уровня в его реализации. Одним из ключевых в этом плане может стать период Великой Отечественной войны, давший толчок культурному развитию Красноярского края на десятилетия вперед. Можно предложить ряд вариантов использования этого материала в образовательном процессе.

Реализации задач патриотического воспитания будет способствовать изучение боевого пути красноярских деятелей культуры – участников Великой Отечественной войны, что может быть осуществлено как в формате интеграции материала в курс «История родного края» в 7-м классе и «История России» в 10-м классе, так и в индивидуальной и групповой проектной деятельности (создание интерактивных карт, разработка маршрута виртуальных экскурсий по местам памяти художников, писателей – участников войны). Этот материал содержит примеры не только патриотизма и исполнения гражданского долга, но и верности профессии, которую демонстрировали деятели культуры в экстремальных фронтовых условиях (Е.С. Кобытев, Б.Я. Рязов, Г.К. Суворов и др.).

Важным для формирования как когнитивного, так и эмоционального компонента патриотизма школьников является использование в образовательном процессе самих художественных произведений авторов-красноярцев военной эпохи. Созданные красноярскими поэтами образы воинов-сибиряков (в поэме Г.К. Суворова «Сибиряк на Неве» [3], стихотворении И.Д. Рождественского «Сибиряки» [4]), образы сибирской природы, выступающие своеобразными помощниками человека в борьбе и связующей нитью между фронтовиками и их малой родиной, могут выступать и отражением, и одновременно средством формирования региональной идентичности. В то же время обращение красноярских авторов к объединительным сюжетам отечественной истории, образам-символам, считающимся частью культурного кода россиян, могут способствовать формированию общенациональной идентичности (например, стихотворение Б. Богаткова «О, Россия моя» [5]).

Важной составляющей патриотического воспитания, как отмечалось выше, является формирование не только любви к собственному народу, но и уважения к другим народам России. Общественная и культурная жизнь Красноярского края в годы войны является ярким примером широкого взаимодействия различных народов и культур. Литературные и фольклорные произведения этой поры позволяют продемонстрировать настроение и отношение к войне, вклад в Победу разных народов нашего многонационального региона и Сибири в целом (например, стихотворения К. Лисовского «Чарду», «Увачан едет на фронт» [6]). Воссозданию картины межкультурного и межнационального взаимодействия способствует и информация о деятельности эвакуированных в край культурных учреждений из других национальных регионов – Днепропетровского

и Одесского театров оперы и балета, образовавших Объединенный театр, Криворожского академического театра драмы и музыкальной комедии, Грозненского театра русской драмы и др. С эвакуацией связаны и яркие примеры вклада в культурную жизнь Красноярска военного периода потомков известных, знаковых для нашего региона фигур – поэта Л.Н. Черноморцева, племянника выдающегося художника Д.И. Каратанова, и поэта, редактора литературного вещания на радио А.П. Половникова – потомка знаменитого красноярского библиофила Г.В. Юдина.

Инструментом формирования патриотизма могут служить и достаточно неожиданные источники, имеющие отношение к теме культурной жизни Красноярского края изучаемого периода. Например, зарубежные кинопроизведения, демонстрировавшиеся на экранах советских кинотеатров в годы войны. Так, яркими и показательными примерами кинолент, воздающих дань уважения и восхищения мужеством советского народа в борьбе с нацизмом, стали художественный фильм «Песнь о России» (реж. Григорий Ратов, Ласло Бенедек, 1944) и документальная лента «Битва за Россию» (реж. Фрэнк Капра, 1943), снятые в США.

Проведенный анализ показал обширный и разнообразный потенциал изучения культуры Красноярского края в годы Великой Отечественной войны для формирования патриотизма молодого поколения в рамках реализации регионального компонента исторического образования и воспитательной работы со школьниками.

Библиографический список

1. Художественная культура Красноярского края 1941–1945 гг. как средство конструирования гражданской идентичности: монография / М.В. Воронова, Ю.А. Колпакова, С.А. Митасова [и др.]. Красноярск: СГИИ им. Д. Хворостовского, 2021. 180 с.

2. Федеральная рабочая программа воспитания. Приказ Министерства просвещения РФ об утверждении ФОП СОО от 23.11.2022 № 1014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405897653/?ysclid=mivbw6snwa519501347>, свободный (дата обращения: 21.11.2025).
3. *Суворов Георгий*. Слово солдата. Стихи. Абакан, 1954. 76 с.
4. *Рождественский Игнатий*. Сибиряки [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi1941-1945.ru/item/sibiryaki?ysclid=mivfcuzvex333927266> (дата обращения: 21.11.2025).
5. *Богатков Б.О.* Россия моя! // [Электронный ресурс]. URL: <https://rossasia.sibro.ru/voshod/article/54179> (дата обращения: 21.11.2025).
6. *Лисовский Казимир*. Чарду [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi1941-1945.ru/item/lisovskij-kazimir?ysclid=mivfg6bvfr681028391> (дата обращения: 21.11.2025).

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ФАКТОРА РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

КАТОН СТАРШИЙ – ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЙ ПОЛИТИК В КОНТЕКСТЕ ВЗГЛЯДОВ ЦИЦЕРОНА

CATO THE ELDER IS A VIRTUOUS POLITICIAN
IN THE CONTEXT OF CICERO'S VIEWS

Д.В. Григорьев

D.V. Grigoriev

Катон Старший, Римская республика, политика, Цицерон.

Катон Старший оценивается историками неоднозначно. Эта противоречивость связана с состоянием наших источников. В контексте взглядов Цицерона, Катон – это образец добродетели. В других источниках видно, что личные мотивы политика могли помешать общему государственному делу.

Cato the Elder, Roman Republic, politics, Cicero.

Historians evaluate Cato the Elder ambiguously. This inconsistency is related to the state of our sources. In the context of Cicero's views, Cato is a model of virtue. Other sources show that the politician's personal motives could interfere with the common state cause.

Марк Порций Катон Старший – известный римский политический деятель периода Римской республики III–II вв. до н.э. Привлекал к себе пристальное внимание исследователей в контексте политических событий Римской республики. Существуют исследования, посвященные

непосредственно его биографии. Как правило, деятельность Катона оценивалась неоднозначно [1, с. 635; 2, р. 120; 3, р. 3; 4, с. 10; 5, с. 112; 6, с. 18]. Мы более подробно остановимся на вопросах моральной оценки добродетельности Катона в контексте взглядов Цицерона.

Цицерон написал целый ряд произведений («О государстве», «О дружбе», «Об обязанностях»), в которых он представил свои рассуждения о добродетелях политиков, и в том числе конкретных личностей. Основные добродетели, которые он выделял, – мудрость, справедливость, служение общему благу.

Марк Туллий создал произведение, прямо посвященное Катону Старшему – диалог «О старости». Несмотря на общую идеализацию образа политика, в произведении подчеркиваются характерные для него ученость, мудрость, дальновидность [7, XI. 37; XXI. 77].

Наиболее историчный облик Катона Старшего мы получаем благодаря произведениям других античных авторов. И перед нами предстает довольно сложный образ человека. Например, древние описывают Катона как выдающегося воина. Отмечаются военные заслуги во Вторую Пуническую войну, в 20 лет он становится военным трибуном [8, XXIV.1]. Плутарх рассказывает о подавлении восстания иберов в провинции Ближняя Испания, в период которого Катон привлек на свою сторону разные племена [9, X–XI].

Катон критиковал греческую ученость и ораторское искусство, но его самого называли «римским Демосфеном» [9, IV].

Будучи претором в Сардинии, Катон прославился воздержанностью. Описывается весьма аскетический образ жизни Катона [9, VI]. При этом он постоянно приумножал свое имущество. И подчеркивал, что приобретает такие участки, на которых можно сеять хлеб или пасти скот [9, IV].

Тем самым Катон демонстрировал свое стремление к правильному ведению хозяйства.

Катон прославился как активный борец с роскошью сограждан, но только если это добыто путем взяточничества или воровства. Провозглашал возрождение простоты нравов [9, XV, XVIII]. Именно с этим связан был его подчеркнуто аскетический образ жизни.

Несмотря на свое благонравие, Катон активно занимался ростовщичеством. Указывается, что даже таким видом, которое было на грани мошенничества. Давал ссуды рабам [9, XXI]. Таким образом, можно полагать, что Катон отделял личное от общественного. За свою скарденность заслужил от Плутарха порицания.

В итоге мы можем сделать следующие выводы. С точки зрения политической Катон формирует определенный образ гражданина – радеет о государстве, призывает к простоте нравов и на деле воспитывает других граждан. С этой точки зрения он вполне подходит под добродетели, которые ему приписывал Цицерон. Внимательно знакомясь с древними авторами, можно наблюдать определенные личные мотивы Катона в борьбе со взяточничеством и даже его зависть к представителям аристократии. Подчеркивается неприязнь к Сципиону Африканскому. В начале своей карьеры Катон, обвиняя его в расточительности, фактически мог помешать Сципиону успешно завершить войну с Ганнибалом. Таким образом, стойкое стремление Катона действовать в соответствии со своими принципами могло и помешать успехам государства, а значит, и общему делу.

Библиографический список

1. *Моммзен Т.* История Рима. СПб.: Наука; Ювента, 1994. Т. 2: От битвы при Пидне до смерти Суллы. 333 с.
2. *Marmorale E.V.* Cato Maior. 2d ed. Bari: Gius, Laterza & Figli, 1949. 267 p.

3. *Astin A.E.* Cato the Censor. Oxford: Clarendon Press, 1978. 392 p.
4. *Утченко С.Л.* Древний Рим. События. Люди. Идеи. М.: Наука, 1969. 324 с.
5. *Трухина Н.Н.* Политика и политики «золотого века» Римской республики. М.: МГУ, 1986. 188 с.
6. *Квашнин В.А.* Государственная и правовая деятельность Марка Порция Катона Старшего. Вологда: Русь, 2004. 132 с.
7. *Цицерон.* О старости; О дружбе; Об обязанностях / пер. с латин. и коммент. В.О. Горенштейна. М.: Наука, 1993. 245 с.
8. *Корнелий Непот.* О знаменитых иноземных полководцах; Из книги о римских историках / пер., ст. и коммент. Н.Н. Трухиной. М.: Изд-во МГУ, 1992. 207 с.
9. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания: в 2 т. / изд. подг. С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркиш. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1994. Т. 1: Марк Катон. 702 с.

СОЦИАЛЬНОСТЬ И СУБЪЕКТНОСТЬ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ И СФЕРЫ МОРАЛИ

SOCIALITY AND SUBJECTIVITY
AS AN OPPORTUNITY FOR THE FORMATION
OF HUMAN EXISTENCE AND THE SPHERE OF MORALITY

Р.С. Чистов

R.S. Chistov

Социальность, субъектность, семиозис, институционализация, коммуникация, мораль.

Работа является попыткой описания взаимосвязи социальности и субъектности в контексте ее возможности к продуцированию смыслообразований, значений, новых контекстов бытия, устойчивых социальных систем, а также возможностей оценки различных ситуаций в терминах морали.

Sociality, subjectivity, semiotics, institutionalization, communication, morality.

The work is an attempt to describe the relationship between sociality and subjectivity in the context of its ability to produce meanings, values, new contexts of existence, stable social systems, as well as the possibilities of assessing various situations in moral terms.

В пространстве человеческого бытия можно выделить две причины (основы) порождения смысла: социальность и субъектность.

Социальность содержит в себе определенные культурные практики: функциональные, ценностные и нормативные системы, общественные порядки и др. Ценностно-регулятивные системы задаются целями деятельности, правилами и имеющимися ресурсами, при этом принципиально важной системой является язык как дискурсивная практика

и коммуникация [1, с. 75]. Например, любая политическая и экономическая идея – это описание и проговаривание того, что есть, как должно быть, и способов достижения сформулированных людьми целей, имеющих значение.

Семиозис, то есть процесс порождения значений или интерпретаций уже имеющихся значений, разворачивается в несколько этапов:

1) у субъекта появляется идея (которая, однако может не зафиксироваться, поскольку ее носитель может ее забыть, не высказать и т.д.);

2) далее субъект может поделиться идеей в определенном социуме: с коллегами, родными, близкими и т.д., которые могут принять или отвергнуть предлагаемое как не имеющее, по их мнению, значения;

3) вокруг идеи может появиться продолжительное общение, образуется неформальная группа, где происходит самопрезентация;

4) вокруг идеи возникает регулярное общение, образуется сплоченная группа, направление. Появляются лидер, программа, вербовка и прорыв группы и ее контента в медиа;

5) на данной почве возникает социальный институт – в бизнесе, искусстве, религии и др.

Главное условие – регулярность и интенсивность общения по «выращиванию» идеи, которая в итоге институционализируется. Далее вступают в действие способы коммуникации и речь переходит в том числе в разного рода документы, официальные тексты, презентации, имеющие правовую силу, которые после транслируются в медиа.

Затем цикл может повториться, поскольку может появиться автор/инициатор новой идеи. В результате эта схема похожа на ленту Мебиуса, где на первый взгляд поверхности две, а на самом деле она одна: это соотношение индивидуального (внутреннего) и социального (внешнего).

На этой схеме социальное и индивидуальное – это одно и то же, и личность – это социальный субъект, который вне социума и вне коммуникации не образуется.

Субъектность имеет, в свою очередь, следующие характеристики:

а) социальность, как эпифеномен культуры, результат социализации, когда нарративная коммуникация сопровождает освоение социально-культурных практик, консолидируя огромное количество людей. Все что, по существу, есть у нас, это нарративы: история, наука, экономика, политика, миф, идеология. Это рассказы, где есть актер, сюжет и его развитие. Мы, как люди, верим в эти нарративы, и это позволяет нам создавать общности и обеспечивать их консолидацию.

В процессе взросления человека воспитывают, транслируя ему содержательные нарративы и прививая ответственность. В этом суть воспитания, образования, профессиональной подготовки. Нас вырывают из круга причинно-следственных связей и делают *Causa sui* – причиной самих себя, и мы – причина происходящего. От «мы» ребенок переходит к «я», и лента Мебиуса замкнулась, т.к. он перешел к вменяемости, памяти и т.п. состояниям, когда у него есть артикулированная способность рассказать о себе. Португальский ученый А. Дамасио, который 40 лет занимался нейрофизиологией мозга, назвал это *autobiographical self* (включение префронтальных долей мозга, которые связаны с речью);

б) семиотичность – в контексте рефлексивного само-описания, которое, по существу, противоречиво и неполно в силу рефлексивности, но открыто к наполнению новыми смыслами и содержанием. Возникает смыслогенез как основополагающее условие возникновения и существования культуры [2];

в) апофатичность – в том плане, что субъектность, как рефлексивное описание, – прямой аналог или операционализация трансцендентального субъекта Гуссерля, которая ненаблюдаема. Так же, как слепое пятно в глазу, само невидимое, является условием зрения, так и трансцендентальный субъект и субъектность, которая невидима, является универсальным интерфейсом смыслообразования.

Семиозис сам по себе связан с интенциональностью как универсальным качеством, которое является следствием аутопоэзиса как самоподстройки любой системы при реакции на внешние воздействия для сохранения ее целостности. В итоге главная идентичность – это человек без свойств и очень пластичная структура. Так, культура развивается за счет человека, она нуждается в носителях, нужна энергия и жизнь человека, чтоб построить новый смысл и отстоять его. Далее начинаются личностное измерение, глубокая семиотика и расширение семиотического анализа до междисциплинарности.

Для организации человеческой жизни необходимы правила морали, и тогда мы допускаем наличие внутри социального мира некоторых моральных объектов. Однако проблема человеческого сознания состоит в том, что никакая натуральная картина чего бы то ни было, например несправедливости, которая вызывает у нас какие-то чувства, требования и реакции, не содержит в себе аналитически ее оценок и наших реакций на эту картину [3]. Далее работа субъектности состоит в том, что нечто еще надо превратить в ситуацию, поддающуюся осмысленному решению в терминах этики и личностного достоинства, т.е. свободы или отказа от нее как одной из ее же возможностей. Иными словами, мораль – это создание и существование ситуации, поддающейся осмысленному применению терминов морали. Так, мы можем создавать возможность оценки

и полного описания в терминах морали тех или иных действий или поступков. Одновременно это означает, что есть некоторые первоакты человеческой вменяемости мира, то есть человек может вместить в себя мир и стать носителем добра, тех или иных требований, оценок, представлений, моральных и познавательных критериев.

Библиографический список

1. *Тулчинский Г.Л.* Смысл, субъектность и ответственность в цифровых коммуникациях // Человек. 2023. Т. 34, № 3. С. 73–92.
2. *Пелипенко А.А.* Постижение культуры: в 2 ч. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2012. Ч. 1: Культура и смысл. 607 с.
3. *Мамардашвили М.К.* Сознание и цивилизация. СПб.: Азбука, 2019. 352 с.

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕЛИГИИ: ВЗАИМОСВЯЗЬ МОРАЛИ И ВЕРЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ И СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ

ETHICAL FOUNDATIONS OF RELIGION:
THE RELATIONSHIP BETWEEN MORALITY AND FAITH
IN HISTORICAL AND MODERN CONTEXTS

Б.Ш. Маматкулов

B.Sh. Mamatkulov

Религия, мораль, вера, этика, духовность, нравственные ценности, религиозное сознание, культура, историческое развитие, современное общество, добродетель, ответственность, религиозные учения, нравственное поведение, духовное воспитание.

В статье рассматривается взаимосвязь морали и веры как важнейших элементов религиозного мировоззрения. Анализируются исторические этапы формирования религиозной этики и ее влияние на современное общество. Особое внимание уделяется роли религиозных ценностей в развитии нравственной культуры личности и укреплении духовных основ общества.

Religion, morality, faith, ethics, spirituality, moral values, religious consciousness, culture, historical development, modern society, virtue, responsibility, religious teachings, moral behavior, spiritual education.

The article examines the relationship between morality and faith as key components of religious consciousness. It analyzes the historical forms of ethical principles in religions and their influence on modern society. Special attention is given to the role of religious values in shaping the moral culture of the individual.

Религия и мораль на протяжении всей истории человечества играли решающую роль в формировании духовного облика общества. С древнейших времен религиозное сознание служило источником нравственных норм, регулирующих поведение человека, а мораль закрепляла религиозные

принципы в практической деятельности. Современная этика рассматривает религию не только как систему верований, но и как культурно-нравственный феномен, способный формировать личность, воспитывать ответственность, сострадание и добродетель. Анализ взаимосвязи морали и веры позволяет глубже понять, каким образом религия влияет на социальные процессы и духовное состояние современного человека.

Этика и религия на протяжении всей истории человечества представляли собой тесно взаимосвязанные явления. Религия формировала моральные ориентиры общества, задавая нормы поведения, а мораль, в свою очередь, закрепляла религиозные ценности в общественном сознании. Понимание этой взаимосвязи позволяет глубже осознать роль религии в развитии духовной культуры и нравственного поведения человека [1].

Истоки религиозной морали уходят в глубь человеческой истории. Уже в первобытных обществах формировались табу и нормы поведения, которые позже приобрели религиозный характер. В древнеегипетской культуре нравственные нормы связывались с понятием Маат – истины и справедливости. В Древней Индии этические идеи выражались через учение о дхарме, регулирующей поведение человека в соответствии с космическим порядком [2].

В иудаизме основой морали стали десять заповедей, определившие нормы отношения человека к Богу и ближнему. Христианская традиция внесла в этику идею любви, милосердия и всепрощения. В исламе нравственная чистота (ахлак) рассматривается как проявление веры, а соблюдение шариата – как путь к духовному совершенству [3].

Философы разных эпох по-разному определяли соотношение морали и веры. И. Кант считал, что мораль основывается на внутреннем долге и разуме, но религия укрепляет нравственные убеждения человека. По мнению

Ф. Достоевского, без веры невозможна истинная мораль, поскольку только вера придает смысл человеческим поступкам [4]. Таким образом, мораль можно рассматривать как практическое выражение веры – то, как религиозные принципы воплощаются в повседневной жизни человека. В исламской философии Абу Хамид аль-Газали отмечал, что вера без нравственности превращается в формальность, а нравственность без веры лишена внутреннего смысла. Таким образом, вера и мораль образуют единую систему духовных координат, в рамках которой человек находит смысл своего существования и направление жизненного пути. Современный мир характеризуется ростом секуляризма, кризисом традиционных ценностей и распространением потребительской идеологии. На этом фоне религиозная этика приобретает особую значимость как средство духовного обновления личности. Религия помогает человеку преодолеть внутреннюю пустоту, возвращая его к вечным нравственным принципам: справедливости, честности, состраданию, любви к ближнему. Она способствует формированию социальной солидарности и взаимного уважения между людьми различных культур и вероисповеданий. Для отдельного человека религиозные ценности служат внутренним компасом, помогающим различать добро и зло. Вера придает моральным поступкам смысл и направленность, а мораль, в свою очередь, делает веру действенной. В процессе духовного самосовершенствования человек осознает, что подлинная свобода не в произволе, а в ответственности. Именно религиозная мораль учит видеть в ближнем не средство, а цель, признавая святость человеческой жизни. Таким образом, религиозная этика способствует формированию зрелой личности, способной к самоконтролю, служению и внутренней гармонии.

В условиях глобализации и культурного плюрализма религиозная этика играет стабилизирующую роль. Она

способствует сохранению духовных ценностей, формирует чувство ответственности и солидарности в обществе. Современные религиозные организации активно участвуют в социальных проектах, направленных на поддержку бедных, защиту окружающей среды и укрепление семейных ценностей. Это свидетельствует о практической значимости моральных принципов, основанных на вере.

Взаимосвязь морали и веры является неотъемлемой частью религиозного мировоззрения. На протяжении истории религиозные учения служили фундаментом нравственных систем, определяя нормы человеческого поведения. В современном мире этические основы религии сохраняют актуальность, помогая обществу противостоять духовному кризису и утрате моральных ориентиров. История человеческой культуры показывает, что мораль и вера – это неразделимые стороны духовного бытия. Без моральных принципов вера превращается в догму, а без веры мораль теряет глубину и устойчивость. Религия, сохраняя свои этические основы, обеспечивает преемственность духовных традиций, объединяет поколения и служит источником нравственного обновления. В современном мире именно религиозная этика способна противостоять духовному кризису, укреплять гуманистические идеалы и направлять человечество к более справедливому и гармоничному будущему.

Библиографический список

1. *Агацци Э.* Этика и ответственность в современном мире / пер. с итал. М.: Наука, 2015. 350 с.
2. *Асмус В.Ф.* История античной философии. М.: Мысль, 2017. 623 с.
3. *Аль-Газали Абу Хамид.* Возрождение наук о вере. Каир, 1999. 108 с.
4. Кант И. Основы метафизики нравственности / пер. с нем. Б. Фохта, Н. Соколова. М.: АСТ, 2023. 384 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОБЛЕМАХ МОРАЛИ И ЦЕННОСТЕЙ В УЗБЕКИСТАНЕ

MODERN PHILOSOPHICAL REVLECTIONS ON THE PROBLEMS OF MORALITY AND VALUES IN UZBEKISTAN

С.У. Камбарова

S.U. Kambarova

Мораль, ценности, философия, образование, традиции, современность.

Рассматриваются современные философские размышления о проблемах морали и ценностей в Узбекистане, подчеркивается важность сохранения национальных традиций при одновременной интеграции общечеловеческих моральных ценностей в современное общество. Приводятся примеры из философских исследований и культурного наследия, иллюстрирующие основные проблемы и подходы.

Morality, values, philosophy, education, traditions, modernity.

This thesis examines modern philosophical reflections on the problems of morality and values in Uzbekistan. It emphasizes the importance of preserving national traditions while integrating universal moral values into modern society. Examples from philosophical research and cultural heritage are given, illustrating the main problems and approaches.

За последние десятилетия общество Узбекистана пережило значительные социальные и культурные преобразования. Эти процессы поднимают вопросы о моральных ценностях, их сохранении и адаптации к современной жизни. Философские размышления о морали и ценностях необходимы для формирования ответственных граждан в XXI в. [1].

Одной из главных проблем современной узбекской философии является взаимодействие национальных и религиозных ценностей с мировыми этическими тенденциями. Исследования показывают, что «религиозные и национальные ценности имеют особое значение в воспитании молодежи» [2, с. 45]. Это демонстрирует сложность интеграции традиционных моральных принципов с современными социальными и образовательными требованиями.

Нравственное воспитание в Узбекистане не ограничивается преподаванием норм и правил, оно также направлено на развитие личностных качеств: «духовно-нравственное воспитание учащихся направлено на воспитание нравственных чувств и черт личности» [3, с. 12]. Этот подход подчеркивает, что ценности – это не только теоретические концепции, но и жизненные установки, которые формируют поведение.

Ключевой философской проблемой является установление баланса между общечеловеческими и национальными моральными и культурными ценностями. Исследователи утверждают, что «этические нормы считаются как универсальными, так и адаптированными к местным культурным контекстам» [4, с. 78]. Это демонстрирует необходимость сохранения культурной специфики при одновременном соблюдении глобальных этических норм.

Философские исследования изучают, как моральные ценности формируются и трансформируются под влиянием социальных и культурных факторов: «содержание размышлений о морали и ценностях в Узбекистане меняется под влиянием социальных отношений» [5, с. 22]. Это подчеркивает динамичный характер этики в меняющемся обществе.

Фольклор отражает нравственные ценности общества. Например, анализ узбекских народных сказок показывает, что они учат «человечности, честности, справедливости,

великодушию и дружбе» [6, с. 34]. Эти повествования сохраняют моральные нормы и передают их из поколения в поколение, демонстрируя, как пересекаются культура и философия.

Современная философская рефлексия в Узбекистане выявляет сложное взаимодействие между национальными традициями и мировыми моральными ценностями. Философское понимание морали способствует развитию граждан, которые смогут интегрировать культурное наследие и современные этические нормы.

Библиографический список

1. *Мухамеджанова Л.* Основные принципы моральных правил и ценностей // Всемирный вестник социальных наук. 2025. № 44.
2. *Ахмадалиев К.У.* Универсальные моральные ценности в социальных отношениях принимают решение // Excellencia: Международный междисциплинарный образовательный журнал. 2024. № 2 (5).
3. *Юнусалиева Н.* Социально-нравственное воспитание учащихся и развитие ценностей // Гэлакси: международный междисциплинарный исследовательский журнал. 2022. № 10 (1).
4. *Назаров В.* Узбекистан – страна, ценящая национальные ценности // Всемирный вестник социальных наук. 2024. № 39.
5. *Оксунова С.В.* Проблемы превращения просвещения в высшую моральную ценность в обществе // Центральноазиатский журнал литературы, философии и культуры. 2024. Vol. 6 (Iss. 3).
6. *Эркинова Р.* Моральные ценности в узбекском и японском устном фольклоре // Журнал прикладных и социальных наук. 2025. № 1 (4).

ТРАКТОВКА ЦЕННОСТЕЙ В КОНСТРУКТИВИСТСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

INTERPRETATION OF VALUES IN CONSTRUCTIVIST CONCEPTS OF INTERNATIONAL RELATIONS

Н.А. Балаклеец

N.A. Balakleets

Конструктивизм, ценности, международные отношения, политика, социальная реальность.

Обоснован эвристический потенциал конструктивистского подхода для анализа международных отношений. Раскрыты особенности трактовки ценностей в рамках конструктивистских концепций. Эксплицированы политические следствия, обусловленные различными способами интерпретации и ценностного наполнения социальной и политической реальности.

Constructivism, values, international relations, politics, social reality.

The heuristic potential of the constructivist approach to analyzing international relations is substantiated. The specific of the interpretations of values in constructivist concepts is revealed. The political consequences caused by different ways of interpreting and embedding values in social and political reality are explicated.

На протяжении последних десятилетий среди отечественных и зарубежных исследователей международных отношений набирает популярность конструктивистский подход [1–4]. Конструктивизм является альтернативой таким распространенным и уже зарекомендовавшим себя в исследовательской практике подходам, как реализм и либерализм (либеральный идеализм).

Прежде чем обратиться к непосредственному исследованию понимания ценностей в рамках конструктивист-

ского подхода в международных отношениях, выделим его специфику.

Если представители реализма полагают, что политические процессы обусловлены естественными законами и государства действуют в условиях неустранимой анархии, то, с точки зрения сторонников конструктивизма, сами государства создают (конструируют) ту реальность, в которой они взаимодействуют. В то же время сами политические акторы обладают конструктивной природой, их существование постоянно подкрепляется как во внешнеполитическом взаимодействии, так и действиями людей внутри общества [1, S. 112]. В отличие от либерального идеализма, ставящего во главу угла экономические интересы и полагающего, что преодоление враждебности между государствами возможно посредством «международных институтов, морали и права», конструктивизм трактует национальные интересы в качестве intersubjectively определяемых (а не заданных априори) феноменов [2, с. 60].

Конструктивистские концепции политики, общества и международных отношений могут быть противопоставлены позитивистским теориям, основанным исключительно на эмпирических исследованиях социальной и политической реальности. Значимость в рамках конструктивизма приобретает анализ процессов формирования и поддержания привычного смыслового универсума, разделяемых в процессе общения и социального взаимодействия представлений о политике и идентичности ее акторов. Нематериальные факторы, обеспечивающие плодотворное социальное взаимодействие или приводящие к дезинтеграции, имеют приоритет перед материальными. Традиционные категории, посредством которых постигается политическое (друг и враг, суверенитет, анархия и др.), с конструктивистских

позиций представляют собой не заданные изначально или производные от социального («отражающие» его), но динамичные, связанные с функционированием языка, производящие социальную и политическую реальность понятия. Конструктивизм не настаивает на существовании объективной истины или единственно верного способа в интерпретации политических процессов. Его эвристический потенциал заключается в способности объяснять различия в способах восприятия и оценки мира различными социальными и политическими акторами и вытекающие из этих способов политические следствия.

Конструктивистский подход в международных отношениях тесно связан с исследованием ценностей и норм [3, S. 2]. Ценности выражают желаемое или нежелательное (причем их носитель распространяет их значимость на других), но, в отличие от норм, не являются непосредственным руководством к действию. И ценности, и нормы с позиций конструктивизма относятся к интерсубъективным феноменам, т.е. они должны разделяться как можно большим количеством акторов [3, S. 2]. Ценности не являются изначально присущими обществу неизменными феноменами. Производясь и поддерживаясь социальными структурами, они оказывают влияние на политическую деятельность.

Существование политической реальности, не зависящей от сознания людей, не может быть оспорено – в противном случае произошел бы регресс к солипсистской точке зрения. Однако политическая реальность во всей полноте ее материального воплощения не дана вне ее смысловых интерпретаций и ценностного наполнения. В конфликтном поле, в котором сталкиваются различные социально-политические или идеологические конструкты, каждый из них стремится к утверждению собственной смысловой модели

реальности в качестве «объективной истины». Победа одной из интерпретационных матриц влечет значимые политические последствия. Распространяясь за пределы государственных границ, дискурсы оказывают влияние на политические процессы. Так, по свидетельству Э. Хобсбаума, перед началом Первой мировой войны возрос антагонизм между сторонниками идентификации социальных общностей по национальному и классовому принципам. Победа первых из них, делающих ставку на национальные различия, привела к насильственному решению конфликта: «Эта война была бы немыслимой, если бы при формировании групп принципы классовой борьбы установились как объективная истина» (Цит. по: [4, с. 91]). Утверждение одного из конструктов в качестве средства интерпретации социально-политической реальности привело и к четкому определению границ между «своими» и «чужими». «Нация» предполагает функционирование иных маркеров идентичности и иных способов инклюзии, нежели «класс».

Сторонники конструктивизма подчеркивают, что на социальное конструирование реальности международной политики могут оказывать влияние и научные концепции, элементы которых посредством деятельности элит проникают в сознание масс. К примеру, «теория домино», вытекающая из «реалистической» теории международных отношений, «привела к соответствующему восприятию угрозы среди американского населения и поддержке войны США во Вьетнаме» [1, S. 116]. Научные концепции, рассматриваемые с позиций конструктивистского анализа, вносят вклад в формирование нематериальной основы внешнеполитических действий. Соответственно, исследование вклада ученых в конструирование социальной и политической реальности и тех ценностей, которые транслируются их концепциями, является одной из значимых задач конструктивизма.

Библиографический список

1. *Weller Chr.* Internationale Politik und Konstruktivismus. Ein Beipackzettel // *WeltTrends*. Winter 2003/2004. № 41. S. 107–123.
2. *Кочетков В.В.* Конструктивистский взгляд на глобальный мир // *Век глобализации*. 2024. № 4. С. 52–64. DOI: 10.30884/vglob/2024.04.04
3. *Harnisch S.* Sozialkonstruktivismus in den Internationalen Beziehungen. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2020. 22 S.
4. *Йоргенсен М., Филлипс Л.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.

МИРОВЫЕ РЕЛИГИИ КАК ОСНОВЫ ДЛЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

WORLD RELIGIONS AS FOUNDATIONS FOR CIVILIZATIONS

Г.В. Алексушин

G.V. Aleksushin

Религия, мировая религия, цивилизация, основа.

В сформированном автором комплексе из 26 цивилизаций вычленена обособленная группа из 5 религиозных цивилизаций. Они систематизированы в порядке возникновения и в связи с общим списком – иудейская, индуистско-буддийская, христианская, православная и исламская. Представлены также мнения разных исследователей по феномену религиозных цивилизаций.

Religion, world religion, civilization, foundation.

In the complex of 26 civilizations formed by the author, a separate group of 5 religious civilizations is isolated. They are systematized in the order of occurrence and in connection with the general list – Jewish, Hindu-Buddhist, Christian, Orthodox and Islamic. The opinions of other researchers on the phenomenon of religious civilizations are also presented.

Эпоха цивилизаций началась в 3300 г. до н.э., продолжается и в наши дни. Понимаемая как система закономерностей, история человечества состоит из отдельных цивилизаций [1]. Они отличаются размерами, значимостью, степенью связей между собой. Изнутри они разделены на 1000-летние промежутки, введенные О. Шпенглером [2]. Эту тему развил автор в своем исследовании о 1000-летних циклах [3], из которых состоят длительные жизненные периоды цивилизаций.

У религиозной цивилизации мировоззрение, культура, социальные нормы и политические институты в значи-

тельной степени сформированы под влиянием одной или нескольких религиозных традиций. Религия здесь – не просто вера, а «культурообразующая ось».

С точки зрения автора, иудейская цивилизация [4] – восьмая по времени возникновения и первая из религиозных (появилась в 1050 г. до н.э.). Иудаизм не считается мировой религией, но по значимости влияния за многие века сформировал цивилизационный уровень. Вторая из религиозных и девятая по общему счету – индуистско-буддистская цивилизация (с 543 г. до н.э. до наших дней). Третья религиозная и десятая из общего количества – христианская (с 0 г. до наших дней). Западная (постхристианская) цивилизация во многом стала светской, где религия отодвинута в частную сферу. Однако ее базовые ценности (права человека, достоинство личности) все еще глубоко укоренены в христианской традиции. Четвертая религиозная и двенадцатая из списка цивилизация – православная (с 395 до 1453 г.). По сути, она уже средневековая. Пятая религиозная и пятнадцатая из общего списка – исламская цивилизация (с 622 г. по наши дни).

Ж. Гобино, первым в 1853 г. употребивший в своей работе [5] термин «цивилизация», из 10 выделенных им таковых не сформулировал ни одной религиозной. Вслед за ним Г. Рюккерт в 1857 г. выделил 5 культурных типов, по сути, напрямую связанных с мировыми религиями и религиозными философиями человечества, – германо-христианский (католицизм), восточно-христианский, или славянский (православие), арабский (ислам), индийский (индуизм) и китайский (буддизм) [6]. Синтезировав в 1869 г. 14 культурно-исторических типов, Н.Я. Данилевский не выделил из них ни одного религиозного [7]. Так же поступил О. Шпенглер в 1918 г., сформулировав 11 культур [2]. У А.Дж. Тойнби цивилизаций 36 [8]. Из них 7 выделены религиозными: индуистская, православная христианская, западная христи-

анская, несторианская христианская, монофизитская христианская, дальнезападная христианская и исламская.

Концепция религиозных цивилизаций помогает понять, почему люди из разных уголков мира мыслят и действуют по-разному. Ценности, заложенные тысячелетия назад в священных текстах и религиозных практиках, продолжают незримо формировать наши представления о добре и зле, справедливости, семье, труде и смысле жизни. Это не просто «вера в Бога», это – культурные коды, определяющие ход истории.

Библиографический список

1. *Алексушин Г.В.* К разнотипности цивилизаций в истории человечества // Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары, 2025. С. 9–12.
2. *Spengler O.* Der Untergang des Abendlandes. Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte. München: C.H. Beck, 1918. Т. 1; 1922. Т. 2. 635 p.
3. *Алексушин Г.В.* Циклические подходы к периодизации истории России // Вестник Самарского юридического института. 2013. № 2 (10). С. 77–80.
4. *Алексушин Г.В.* К комплексу историософских представлений о российской цивилизации // Бытие человека: проблема единства в многообразии современного мира: материалы XII Международной научной конференции. Челябинск, 2025. С. 76–79.
5. *Gobineau A.* Essai sur l'inégalité des races humaines. Paris: Firmin-Didot, 1853. 561 p.
6. *Rückert H.* Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung. Leipzig: Weigel, 1857. 628 p.
7. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому // Заря. Спб., 1869. № 1–6, 8–10.
8. *Toynbee A.J.* A study of history. Oxford: Oxford University Press, 1934–1961. 690 p.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОРАЛИ И ПОЛИТИКИ

THE PROBLEM OF THE INTERACTION OF MORALITY AND POLITICS

**И.Е. Жарикова
В.О. Фелицына**

**I.E. Zharikova
V.O. Felitsyna**

Политика, мораль, власть, политические интересы.

Политическая власть существенно влияет на личность политика, иногда вызывая негативные трансформации характера и поведения. Отсутствие контроля над действиями властей может привести к деформации личностных качеств и полной утрате моральных ориентиров. Особый риск связан с необязательностью, недобросовестностью и некомпетентностью, проявляющимися в работе чиновников и руководителей.

Politics, morality, power, political interests.

Political power significantly affects the personality of a politician, sometimes causing negative transformations of character and behavior. The lack of control over the actions of the authorities can lead to a deformation of personal qualities and a complete loss of moral guidance. A particular risk is associated with non-commitment, dishonesty and incompetence, manifested in the work of officials and managers.

Вопрос взаимоотношений морали и политики всегда занимал важное место в общественной мысли. Относительная самостоятельность обеих сфер определяет специфичность их связей, делая их взаимоотношения асимметричными. Политика занимается организацией совместной жизнедеятельности людей, регулируя общественные процессы и контролируя их развитие. Мораль выступает регулятором человеческих поступков, осуществляя оценку политики, в отличие от последней, неспособной выступать

критерием оценки морали. Понятийный аппарат политики отличается от понятий морали: если политика оперирует такими категориями, как власть, революция, классовые интересы, то мораль базируется на представлениях о добре и зле, совести, чести, долге и справедливости [1, с. 98].

Эти различия связаны с разными источниками возникновения политики и морали, отличиями форм выражения политического сознания и моральных установок. В сфере политики используются категории, связанные с властными структурами, классовыми движениями и режимами, тогда как мораль выражается через универсальные человеческие ценности, такие как добро, зло, честь, достоинство. Категории добра и зла исторически варьировались в зависимости от эпохи и культуры, отражая интересы конкретных социальных групп наряду с общечеловеческими нормами.

Если политический курс определенного класса фиксируется в партийных программах и законодательных актах, приобретая юридическую силу, то моральные принципы формируются стихийно, распространяются преимущественно путем воспитания и традиций, без официального юридического оформления. Идеологи разрабатывают политическую доктрину отдельных классов, тогда как моральные установки возникают и поддерживаются всеми слоями общества, включая представителей разных социальных слоев [2, с. 24].

Несмотря на стремление политики воздействовать на формирование желаемой морали посредством рычагов власти, средств массовой информации и культурных инструментов, она сталкивается с ограничениями. Воздействие политики на мораль может вызывать положительные эффекты, создавая благоприятную социальную среду, либо приводить к негативным последствиям, разрушая моральные устои общества. Юрий Бондарев выразил мысль о безграничности

безнравственности в политике, отметив ее способность порождать ситуации, считающиеся недопустимыми в повседневной жизни.

Политика влияет на мораль сильнее, чем наоборот, хотя полное подчинение морали политическим целям недопустимо. Критическое восприятие связи политики и морали подчеркивает необходимость разделения этих областей, чтобы избежать злоупотреблений. Решительные политические изменения возможны исключительно через политические механизмы борьбы за власть [3].

Можно сделать вывод о том, что противоречивое состояние современной политики отражает расхождения между словами и делами, намерениями и последствиями, надеждами и реальностью. Несмотря на сложность перехода к нравственно чистой политике, такая цель остается необходимой частью построения гуманного общества. Честность, открытость и приверженность моральным принципам остаются редкими, но крайне важными характеристиками эффективных политических деятелей.

Библиографический список

1. *Леонова Е.В.* Право, политика и мораль: сущностные особенности и антиномия категорий // Молодой ученый. 2024. № 7 (506). С. 98–101.
2. *Анипкин М.А.* Мораль и власть как центральная проблема русской социальной философии: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Волгоград, 1997.
3. *Бышов Д.В.* Проблемы взаимодействия права и морали в системе государства и общества // Вопросы экономики и права. 2022. № 8 (170). С. 13–15.

СОДЕРЖАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКЕ

THE CONTENT AND FEATURES
OF THE FUNCTIONING OF TRADITIONAL VALUES
IN MODERN SOCIO-CULTURAL PRACTICE

Т.И. Малашина

T.I. Malashina

Культурный код, аксиология, идентификация, инкультурация, традиционные ценности, национальная идея, ментальность, средства массовой информации, система образования, русский язык, гуманитарные науки.

В статье на основе сравнительного анализа западноевропейских и отечественных традиционных ценностей актуализируются национальная идея, русский язык и гуманитарное знание как традиционные ценности русской национальной культуры, значимость которых необходимо возродить посредством коррекции содержания основных социальных институтов.

Cultural code, axiology, identification, enculturation, traditional values, national idea, mentality, mass media, education system, Russian language, humanities.

In the article, based on a comparative analysis of Western European and domestic traditional values, the national idea, Russian language and humanitarian knowledge are actualized as traditional values of Russian national culture, the significance of which must be revived by correcting the content of the main social institutions.

На современном этапе отечественного общественного развития насущная потребность в верификации ценностных аспектов культурной динамики обусловлена экзистенциальными причинами, определяющими выживание

и существование российского общества как целостной национальной общности.

В Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» определено понятие традиционных для российского общества ценностей, к которым отнесены «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России».

Обобщив взгляды исследователей (Л.И. Богданова [1], Л.А. Колесова [2], А.В. Костина [3], О.Ю. Осадчая [4] и др.) на эту тему, дополним и конкретизируем вышеназванные черты русской ментальности.

Национальная идея (Русская идея) – особый путь, заключающийся в поиске Справедливости и Правды. Правда и Истина являются нетождественными мировоззренческими понятиями. Если Правда соотносится с нравственными принципами человека, связана с моральным выбором в сторону Добра, то есть выбором Пути через Чистоту помыслов, Справедливость, Искренность, Сердечность, Теплоту и Прямоту, то Истина есть некий образ, утопия, идеал, к достижению которого нужно стремиться через обретение Правды; ее познание, по представлениям П.А. Флоренского, мыслимо только в Любви.

Прямота, правдивость как черта русского характера, которая высоко ценится в русской культуре, считается добродетелью человека (в отличие от других культур, в частности

англосаксонской, где эмоциональность считается отрицательной чертой). *Искренность* в общении между людьми, участливое отношение к Другому.

Приоритет духовных ценностей над материальными, аскетичность, истоки которой коренятся в учениях первохристиан.

Мужество, героически-сакральная жертвенность, готовность к сплочению и взаимовыручке в ситуации внешней опасности; *Человечность, Отзывчивость, Сердечность, Совестьливость*.

Направленность на Созидание, устремленность к строительству Совершенного мира, общества, самого себя как подобия Божьего, по сути, создание новой утопии – Рая на земле.

Поиск смысла жизни в Любви, позитивной направленности на мир, Отечество, людей (патриотизм), Природу, Бога («Да любите друг друга»; «Возлюби ближнего твоего, как самого себя»).

Трудолюбие, прежде всего духовное; творческое отношение к жизни, сметливость.

В противоположность описанной картине мира, характеризующей русское самосознание, лик западноевропейской ментальности принципиально иной. Ей присущи приоритет материальных ценностей над духовными, индивидуализм; стиль общения между людьми имеет поверхностный, формальный характер, обусловленный договорными связями, которые возникают при деловых сделках на рынке или в официальных учреждениях. Прагматизм, рациональность, стремление к власти, доминированию над другими; восприятие успеха как поощрения Бога; конкуренция; скрытность, стремление «не обременять» родственников и знакомых своими личными проблемами – основные черты личности западной культуры.

К названным выше исконным традиционным ценностям необходимо также отнести систему русского языка и культурный капитал в виде духовного наследия русских классиков – представителей различных видов искусства и науки, который составляет основу отечественного гуманитарного знания.

Исследования авторитетных ученых [5], а также анализ современной методологической практики в образовании показывают необходимость реформирования содержания телевизионного контента и методологической основы преподавания русского языка и литературы, в первую очередь в аспекте упорядочивания культуры речи, возврата к строгому соблюдению норм русского литературного языка, в том числе посредством культивирования значимости творчества классиков русской литературы для формирования полноценной картины мира в сознании подрастающих поколений.

К сожалению, на сегодняшний день в отечественном гуманитарном знании наметилась недопустимая тенденция нивелирования творческого наследия столпов русской литературной мысли XIX в. – А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя и других мастеров слова, размывания традиционных норм культуры речи и культуры преподавания гуманитарного знания.

Между тем провозглашенная Президентом России тенденция следования традиционным ценностям при воплощении ее в общественных процессах требует согласованности теории и практики.

На наш взгляд, этапами этого согласования должны стать возрождение ценностного отношения к системе русского языка и его нормам и в СМИ, и на всех уровнях образования; утверждение через систему образования значимости отечественного гуманитарного знания; определение национальной идеи как ценностного основания общественного сознания.

Все это обуславливается исторической практикой, подтверждающей, что знание особенностей собственного этнического культурного кода, воспроизводство его в рамках традиционных норм, выработанных предками, позволяет сохранять стабильность общественного развития, избегать конфликтных ситуаций, способствовать общественному процветанию.

Библиографический список

1. *Богданова Л.И.* Русские ценности и проблема формирования национально-культурной идентичности // Язык как основа национальной идентичности: материалы международной научной конференции, Тула, 16–18 мая 2024 г. Тула: Тульский полиграфист 1, 2024. С. 421–426.
2. *Колесова Л.А.* Русский антропный инвариант [Электронный ресурс]. URL: https://sretensky-club.ru/rabotykluba/11022024_russkiy_antropniy_invariant/ (дата обращения: 15.09.2024).
3. *Костина А.В.* Ценностный базис России и методы его разрушения в 1990-е годы // Российское общество. 2024. № 1. С. 17–29.
4. *Осадчая О.Ю.* «Русский мир»: слагаемые смысла // Культура, искусство, образование: диалоги о «Русском мире»: материалы международной научно-практической конференции, Волгоград, 19 января 2023 г. / ред.-сост. О.Ю. Осадчая, Т.С. Орлова, О.В. Шмакова, Г.Ю. Самсонова. Волгоград: ИП Никулина М.Г., 2023. С. 3–9.
5. *Третьяков В.Т.* Базовые ценности российской и европейской культуры в перевернутом и в кривых зеркалах современного экранного контента [Электронный ресурс]. URL: <https://v-tretyakov.ru/2024/03/05/базовые-ценности-российской-и-европе/> (дата обращения: 15.09.2024).

ВЗГЛЯДЫ АНТИЧНЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ НА СПРАВЕДЛИВОЕ УСТРОЙСТВО ГОСУДАРСТВА

ANCIENT PHILOSOPHERS' POLITICAL VIEWS ON A JUST STATE STRUCTURE

М.И. Данилова
А.В. Щеколдина

M.I. Danilova
A.V. Shchelkoldina

Справедливость, благо, добродетель, закон, Платон, Аристотель, Цицерон, государство, правление.

Греческие философы выделяли важность права и справедливости для благополучного общества. Платон видел идеальное государство управляемым философами, способными справедливо распределять роли. Аристотель ценил среднее сословие и разнообразие форм правления, зависящих от целей. Цицерон полагался на смешанное управление, объединяя преимущества монархии, аристократии и демократии.

Justice, goodness, virtue, law, Plato, Aristotle, Cicero, state, government.

Greek philosophers emphasized the importance of law and justice for a prosperous society. Plato envisioned an ideal state governed by philosophers capable of distributing roles fairly. Aristotle valued the middle class and a variety of forms of government, depending on goals. Cicero relied on mixed government, combining the advantages of monarchy, aristocracy, and democracy.

Античная политическая философия зародилась в Древней Греции и Риме (начиная с V в. до н.э.) благодаря рациональному подходу и эффективному управлению городами-государствами, которые послужили «лабораториями» для политических экспериментов [1, с. 22]. Античные философы, такие как Платон, Аристотель и Цицерон, положили начало концепции справедливого государства, основанной на гармонии, добродетели и законе.

Платон, самый известный и лучший ученик Сократа, является основателем политической философии. Платон родился в 428 г. до н.э. в знатной семье в Афинах. Хотя до него многие мыслители интересовались политикой и пытались ее описать, именно Платона считают первым политическим философом. В своем труде «Государство» он описал идеальную, по его взглядам, политическую систему, где справедливость является центральным понятием политической философии. Он трактовал ее устройство как способность «заниматься своим делом и не вмешиваться в чужие дела» [2, с. 28].

После казни своего учителя Сократа Платон был разочарован в древнегреческой демократии. Он считал, что государство следует поделить на три ступени: философы-правители, стражи-защитники и ремесленники-труженики. Благодаря гармоничной вертикальной системе должна была достигаться верная перспектива развития и становления общества. Однако Платон считал морально справедливым укоренение философов в качестве правящей ветви, аргументируя это в первую очередь общественно-просветительским назначением власти, что и проиллюстрировал в аллегории «пещеры». В платоновском государстве мужчины и женщины обозначались равными между собой, поэтому женщины могли входить в сословие стражей, если обладали нужными для этого качествами. Однако пропаганда женского равенства и олигархической политической системы вызывала сильное сопротивление даже среди его учеников и последователей [3, с. 70].

Ученик Платона Аристотель не разделял идеи наставника, считая, что все природное существо имеет свою цель. Так, люди в его понятии были созданы для жизни в группах, формируя общество. При этом Аристотель не верил в единую идеальную политическую систему, а оценивал их по цели: служат ли они народу (правильные – царствование,

аристократия, полития) или правящему классу (девиантные – тирания, олигархия, демократия) [4, с. 43].

Приближенным к идеалам социальной системы, по мнению Аристотеля, было сочетание двух добродетельных строев – аристократии и политии. В его политическом воззрении средний класс под предводительством коллективного избранного строя составлял базовую основу государства и поддерживал состояние порядка, справедливости в правовых и внутривнутриполитических урегулированиях. Следовательно, гражданская добродетель в таком случае служила гарантом равноправного законотворческого, карательного и исполнительского ответвления в общей правительственной экосистеме. Несмотря на то что Аристотель охарактеризовал демократию как девиантную политическую систему, он допускал мысль, что коллективный разум многих может быть мудрее и лучше, чем немногие недобродетельные, подобно человеку, «имеющему много рук, ног и чувств» [4, с. 58].

Римляне под влиянием греческих концепций переняли идеи о прогрессивном развитии государства, его договорном характере и «смешанной» форме правления, но адаптировали их к своей реальности: развитию частной собственности, кризису полисной системы и переходу от республики к империи.

Цицерон – выдающийся оратор и политический деятель Древнего Рима в своем труде «О государстве» описывал единую систему мышления, структуры государства и прав, присущих социуму того времени. Он развивал идеи республики и рассматривал право как основу общества, принадлежащую в его миропонимании только свободным гражданам [5, с. 190]. В его концепции государство – это общее дело, базирующееся на согласии народа. Потребность людей жить и существовать в единой группе послужило основой происхождения государства. А справедливым

может считаться строй, где все люди равны перед законом. При этом моральный аспект, роль нравственности и долга в политической жизни занимают доминантную позицию в управлении [6, с. 50].

Таким образом, в совокупности античные философы Платон, Аристотель, Цицерон заложили концепции справедливого правления, баланса власти, роли закона и общества, которые актуальны для многих современных политических теорий и систем.

Библиографический список

1. *Данилова М.И., Еникеев А.А.* Философия: учебное пособие. Краснодар: Кубан. гос. аграр. ун-т им. И.Т. Трубилина, 2020. 164 с.
2. *Цельковский А.А.* Политические учения античной Греции: диалектика мифологии и философии // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 7 (403). С. 27–32.
3. *Жуков В.И.* Истоки философии права в политических учениях Древней Греции // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. Т. 15, № 2. С. 68–87.
4. *Бровкин В.В.* Греческая философия и политическое развитие античного мира в период раннего эллинизма. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, 2023. 324 с.
5. *Держивицкий Е.В., Ларионов И.Ю.* Философия добродетели Цицерона в конфликте права и морали // Философия истории философии: сб. науч. ст. / отв. ред. С.И. Дудник, А.А. Кротов, В.В. Миронов, И.Д. Осипов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2020. С. 187–205.
6. *Артюхин А.С.* Республика как идеал государства в политической философии Цицерона // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт: сб. науч. тр. XIII Международной научно-практической конференции, Омск, 10–11 июня 2022 г. Омск: ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, 2022. С. 49–54.

СТАТУС АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ У А. МАЙНОНГА И Э. ГУССЕРЛЯ

THE STATUS OF AXIOLOGICAL OBJECTS
IN A. MEINONG AND E. HUSSERL

Г.А. Чурин

G.A. Churin

Научный руководитель **О.М. Седых**
Research adviser **O.M. Sedykh**

Аксиология, австрийская философия, Гуссерль, Brentano, Майнонг.

В работе предпринята фрагментарная реконструкция проблем аксиологического и этического спектра в рамках австрийской философии, начиная от Больцано и заканчивая Brentano. Это позволит нам определить доминирующие тенденции в проблемном поле исследования ценностей в Австрии в XIX в. В противовес господствующим тенденциям был выдвинут ряд альтернативных проектов, в том числе Э. Гуссерля и А. Майнонга.

Axiology, Austrian philosophy, Husserl, Brentano, Meinong.

In this report, we will undertake a fragmentary reconstruction of the issues related to the axiological and ethical spectrum in Austrian philosophy, beginning with Bolzano and ending with Brentano. This will help us to identify the main trends in value research in 19th-century Austria. In contrast to these dominant trends, several alternative approaches were proposed, including those of E. Husserl and A. Meinong.

Одним из флагманов богемского Просвещения, впитавшего в себя *Zeitgeist* образовательной и культурной политики тех времен, был Б. Больцано. Его заслуги на поприще математики и логики трудно переоценить. Однако

не стоит забывать о его теологическом образовании и склонности к рассуждению над философскими и этическими вопросами, следы которых мы уже можем отыскать в его фундаментальном «Наукоучении» [1].

В силу того что в философском мире существуют фигуры такого масштаба, после появления которых в дискурсивном поле невозможно оставаться равнодушным к их наследию, мы бы хотели заострить свое внимание на рецепции идей второй критики в творчестве Больцано. В моральной философии Канта поступок может быть признан морально хорошим тогда и только тогда, когда посредством этого поступка исполняется категорический императив, основу которого составляет чистая воля, руководимая разумом. Максима – это субъективное правило действия, которое имеет следующую общую форму: если мы имеем некоторый определенный набор данных, то агент (в нашем случае этический) совершает определенный набор действий. Категорический императив выступает канон моральной оценки вообще, в том числе и для максим. Согласно императиву воспрещается совершать те действия, которые приводят нас к противоречию между мышлением и желаниями. Помимо этого, категорический императив предполагает, что нужно проверять действия на последствия, и действие запрещено, когда оно приводит к противоречию разума и желания. Пример – отдача долгов. Если я принимаю максиму не отдавать долги, то если это станет законом для всех разумных существ, то это приведет к тому, что получится несправедливый мир и долг сам потеряет свой смысл – практика одолжения разрушается (противоречие мышления и хотения). У Канта явный признак морали – интерес, управляемый действием, должен включать в себя интенцию к общему благу, то есть универсализация – это ориентация на общее благо.

Одна из стратегий критики Канта состоит в том, что представляемый мир, который содержит разумных существ, не может быть для нас мотивацией к действию (реальный мотив поступка отличен от этой абстракции). Кантовская система не практична. Существует разрыв между нашим знанием должного и тем, как мы хотим поступать, т.е. знанием желаемого. Больцано использует эту линию критики, выстраивая собственную этическую систему в противовес кантовской.

Переходя к вопросу об основаниях моральной системы, Больцано заострил внимание на том, что практически все философы расходятся в способах обоснования морали и моральных систем, но, несмотря на все это, каждый из них солидаризуется в отношении понятия долга и его содержания. Выходом из сложившегося затруднения для Больцано стала апелляция к логике и ее аппарату, чтобы эксплицировать наши исследовательские возможности как таковые.

Обращение к логике, типизации суждений и формального обоснования аксиологии и этики вместе с ее категориями будет положительно воспринято Ф. Brentano, также предпринявшего попытку прибегнуть к формально-логическому аппарату как в собственной этической системе, так и в вопросах, касающихся аксиологии и ее постулатов. Будучи основателем новой философской школы и целого поколения учеников и почитателей, Brentano не мог не оказать влияния на интеллектуальную и философскую общественность своей страны и эпохи. Идеи Brentano буквально витали в воздухе, закономерным итогом чего стало появление критики и альтернативных способов решения вопроса о месте аксиологии в философии и статусе ее объектов. Мы бы хотели акцентировать внимание на двух возможно самых крупных выходцев из школы Brentano, а именно на Э. Гуссерле и А. Майнонге, каждый из которых предложил свой взгляд на проблему ценностей.

А. Майнонг встроил аксиологию в теорию познания [2, с. 148–158], оттачивая свою исследовательскую оптику в диспуте с «австрийской экономической школой» и доктриной Х. Эренфельса, в то время как Гуссерль, открыто заявлявший о своих симпатиях к Больцано, Лотце и Герbartу [3, с. 108–111; 4, с. 43], австрийским мыслителям первой половины XIX в., и признающий зависимость своих философских интуиций на раннем этапе творчества от «Наукоучения» Больцано, подходил к вопросу ценностей в духе платонизма, занимая смежную с представителями баденского неокантианства позицию [5, с. 15–44] – одних из немалочисленных объектов критики отца – основателя классической феноменологии.

Библиографический список

1. *Больцано Б.* Учение о науке / пер. с нем. Б.И. Федорова. СПб.: Наука, 2003. 518 с.
2. *Майнонг А.* За психологию и против психологизма в общей теории ценностей / пер. с нем. Д.Г. Миронов. М.: Издатель А.В. Воробьев, 2022. 176 с.
3. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / пер. с нем. И.И. Докучаева, Н.В. Пигиной, Е.А. Смолониной. Калининград: Изд-во Балтийского федер. ун-та им. Иммануила Канта, 2024. Кн. 3: Феноменология и основы наук. 231 с.
4. *Гуссерль Э.* Логические исследования / пер. с нем. Э.А. Бернштейн; под ред. С.Л. Франка. М.: Академический Проект, 2011. Т. I: Прологомены к чистой логике. 253 с.
5. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 413 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

TRANSFORMATION OF TRADITIONAL
SPIRITUAL AND MORAL VALUES
IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION
OF MODERN SOCIETY

А.С. Крылова

A.S. Krylova

Научный руководитель **А.В. Зейналбдыева**
Research adviser **A.V. Zeynalbdyeva**

Духовно-нравственные ценности, цифровизация, информационное общество, культура, образование, право, трансформация, молодежь.

В статье анализируются современные процессы трансформации традиционных духовно-нравственных ценностей под влиянием цифровизации российского общества. Представлены примеры из социально-культурной и правовой практики, обсуждаются позиции российских и зарубежных экспертов, а также государственные инициативы по сохранению ценностного основания в эпоху технологических преобразований. Предлагаются сценарии актуализации традиционных ценностей и рекомендации для образовательной сферы.

Spiritual and moral values, digitalization, information society, culture, education, law, transformation, youth.

The article analyzes the modern processes of transformation of traditional spiritual and moral values under the influence of digitalization of Russian society. Examples from socio-cultural and legal practice are presented, the positions of Russian and foreign experts are discussed, as well as government initiatives to preserve the value base in the era of technological transformation. Scenarios for the actualization of traditional values and recommendations for the educational sphere are proposed.

Информационно-коммуникационные технологии стремительно изменяют уклад жизни современного общества, что не могло не сказаться на системе духовно-нравственных ценностей. В работах современных ученых указывается, что цифровизация задает новые рамки социального взаимодействия, меняет качество межличностных коммуникаций, формирует новые критерии успешности и принадлежности к сообществу. Однако наряду с инновационностью и динамикой цифровых процессов возникает проблема сохранения культурно-исторического наследия, традиционной системы воспитания подрастающего поколения, базовых нравственных ориентиров общества.

Согласно стратегическим документам Российской Федерации, традиционные духовно-нравственные ценности – это фундамент российской государственности, основа национальной безопасности и устойчивого развития. Приоритет закреплен в Доктрине информационной безопасности РФ и Стратегии развития информационного общества на период до 2030 г., где особо выделяется необходимость нейтрализации угроз, связанных с размыванием этих ценностей в цифровой среде. Такое решение обусловлено высокой уязвимостью индивидов и сообществ в виртуальном пространстве: распространение манипулятивных информационных технологий, цифровой контент с сомнительной этической направленностью легко подрывают основы коллективной идентичности страны.

Юридическая практика отражает важность опоры на традиционные ценности при регулировании цифровых процессов. Например, запреты и ограничения в сфере детского контента, регулирование искусственного интеллекта, требования к защите персональных данных – все это подразумевает абсолютный приоритет интересов личности, ее достоинства, права на самовыражение и свободу совести.

В правовой аргументации понятие «духовно-нравственные ценности» становится основой для сложных решений, особенно в так называемых «пограничных» случаях, когда автоматизация и искусственный интеллект стремятся заменить человеческое участие.

Вместе с тем существенную роль играет система образования: школы, колледжи и вузы сегодня интегрируют возможности цифрового обучения, расширяя доступ к информации, однако не всегда способны компенсировать недостаток личного общения и эмоциональной поддержки. Как отмечают специалисты, духовно-нравственное воспитание в цифровую эпоху требует синтеза традиционных моделей и современных технологий, чтобы молодые люди осознавали ценность человеческого общения, уважали историю страны, осваивали этические нормы не только через учебные платформы, но и посредством реального жизненного опыта.

Один из характерных примеров трансформации духовной среды – появление онлайн-сообществ и дистанционных форм общения, заменяющих живой контакт [1, с. 39]. С одной стороны, это расширяет социальные связи, создает площадки для обмена опытом (например, движение волонтерских инициатив, распространение культурных и религиозных традиций через социальные сети). С другой – возникают серьезные риски: сокращение эмоциональной вовлеченности, утрата чувства единства, разрыв связей между поколениями. Современные авторы подчеркивают: хотя цифровые платформы способны оперативно доносить ценностные установки, только реальный опыт, личный пример, участие в традиционных коллективных событиях закрепляют духовные нормы как элементы самоидентификации и мировоззрения человека.

Российская молодежь, как показывают опросы, часто ориентируется на образы успеха и авторитеты, транслируемые через цифровые медиа, не всегда отличая иерархию истинных и мнимых ценностей. Рост кибербуллинга, вовлечение подростков в экстремистские сообщества, распространение фейковых новостей ставят под угрозу формирование самостоятельной, ответственной личности.

Вместе с тем существует позитивный опыт: современные цифровые проекты, посвященные сохранению истории, популяризации традиций, духовному просвещению, показывают успешные примеры интеграции инноваций и культурных норм. Например, государственная программа «Культурный код молодежи», конкурсы и фестивали, платформы цифрового патриотизма объединяют различные поколения вокруг идеи глубинной ценности, уважения к прошлому и созидательности.

По мнению Н.М. Кропачева, «право и правовая система должны опираться на универсальные ценностные установки, чтобы сохранять достоинство личности в условиях технологического давления; ни одна автоматизированная система не должна быть выше человека по важности и ответственности» [2, с. 300].

Оптимальным решением, по мнению аналитиков, является интеграция цифровых технологий с механизмами традиционного воспитания: организация онлайн-форумов, поддержка межпоколенческого обмена, развитие цифровых библиотек, внедрение программ духовно-нравственного развития через медиа и игровые платформы, отражающие реальные ценностные содержания.

Государственные меры в области информационной политики должны защищать молодежь от деструктивного контента, поддерживать культурные проекты, создавать условия для осмысленного творчества и самореализации.

В образовательных организациях важно не только учить навыкам использования интернет-ресурсов, но и формировать критическое отношение к информации, уметь отделять значимое от поверхностного, проявлять уважение к своему происхождению и формировать позитивную жизненную позицию.

Таким образом, можно сделать вывод, что трансформация духовно-нравственных ценностей в условиях цифровизации общества – сложный, многогранный процесс, который требует внимания со стороны государства, общества, семей и образовательных структур.

Многочисленные вызовы, связанные с виртуализацией жизни, рисками отчуждения и размывания культурных основ, могут быть преодолены путем интеграции традиций с современными технологиями. Необходимы системные меры по воспитанию ответственной, культурно и нравственно зрелой личности, которая сможет гармонично сочетать инновационные возможности с уважением к исторически сложившимся ценностям.

Библиографический список

1. *Гарькина О.В.* Влияние цифровизации на религиозную культуру // *Культура: управление, экономика, право.* 2025. № 1. С. 39–43.
2. *Кропачев Н.М., Архипов В.В.* Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты // *Вестник СПбГУ. Право.* 2023. Т. 14, вып. 2. С. 294–306.

«НОВЫЙ АТЕИЗМ» КАК ВИТОК СОВРЕМЕННОГО СКЕПТИЦИЗМА

THE “NEW ATHEISM”
AS A RESULT OF MODERN SKEPTICISM

Ф.О. Ширинкин

F.O. Shirinkin

«Новый атеизм», скептицизм, наука и религия.

В статье рассматривается феномен «нового атеизма» как одна из форм современного скептицизма. Анализируются основные идеи этого движения, их аргументация против религиозного мировоззрения и особенности риторики. Особое внимание уделяется философским предпосылкам нового атеизма, его связи с научным рационализмом и антиклерикальными тенденциями эпохи постмодерна.

“New atheism”, skepticism, science and religion.

The article examines the phenomenon of “new atheism” as one of the forms of modern skepticism. The main ideas of this movement, their arguments against the religious worldview and the peculiarities of rhetoric are analyzed. Special attention is paid to the philosophical premises of the new atheism, its connection with scientific rationalism and anticlerical tendencies of the postmodern era.

Условным началом возникновения движения «нового атеизма» можно назвать теракт 11 сентября 2001 г. Критика новых атеистов начинается с яростной реакции на исламизацию и на риски и угрозы, которые несет эта религия в современном мире [1, с. 211]. В дальнейшем зачастую происходит экстраполяция на любую религиозную идею и веру как таковую. В исследовательской литературе обозначается неоднозначность выбранного термина «новый атеизм».

Главными причинами возникновения «нового атеизма» указывают общую тенденцию к нигилизму, скептицизму, развитие коммуникационных технологий и, конечно, же развитие капитализма [2, с. 112–113]. Нельзя не упомянуть о методологии постмодернизма, столь популярной в современности. Самый главный объединяющий момент у идеологов этого направления – уверенность в том, что человечеству для продолжения своего существования любой ценой необходимо искоренить иррационализм в форме некритического принятия убеждений [3, с. 103].

Общим методологическим основанием для всех этих авторов является эволюционизм. Например, Д. Деннет, полагающий, что религия является феноменом человеческим, а следовательно, и природным, поскольку сам человек – продукт эволюции [4, р. 71]. Позиция Деннета представляет собой последовательное применение эволюционной эпистемологии к феномену религии. Такой подход, учитывая многочисленные открытия в философии и когнитивных науках, предлагает комплексную естественно-научную альтернативу теологическим объяснениям. Опираясь на работы Буайе, критику интенционалистских объяснений, теорию «мемов» Докинза, Деннет показывает, как сложные системы верований могли возникнуть через механизмы культурной эволюции без предположения о божественном вмешательстве.

Создается впечатление, что сторонники «нового атеизма» соревнуются в том, кто сможет проявить большую нетерпимость к феномену религии и веры. Так, С. Харрис, пишет, что «слова Бог и Аллах должны исчезнуть, так же как Аполлон и Ваал, иначе они уничтожат наш мир» [5, р. 14].

Из всего этого становится понятна непримиримая позиция «новых атеистов» по отношению к одному лишь факту существования веры и верующих людей. В этом случае все взаимодействие между наукой и религией сводится

в конечном итоге к противостоянию. Поэтому достаточно показательно, что К. Хитченз намечает необходимость Нового Просвещения, целью которого будет построение рационального общества, исключаящего религию из общественной дискуссии [6, р. 283]. Такой подход предполагает, что религия не только несовместима с наукой, но и представляет угрозу для рационального мышления и общественного прогресса. В рамках концепции Нового Просвещения Хитченза религиозные взгляды рассматриваются как препятствие на пути к подлинному знанию и свободе, а потому должны быть устранены из сферы публичного дискурса.

Конечно же теологи живо реагируют на критику и стремятся дать незамедлительный ответ. Оценка аргументов теологов в исследовательской литературе также разнообразна. Так, В. Слепцова включает движение «нового атеизма» в русло англо-саксонского свободомыслия [7, с. 122], тогда как В. Шохин склонен причислять его к французскому просвещению и постпросвещенческому атеизму на англо-американской почве [8, с. 156–157].

Д. Хот убежден, что эволюционная наука не может подорвать основания для веры путем исследования, а наоборот, уверяет, что теология должна лишь стимулировать такие исследования для более глубокого понимания [9, р. 60]. Поэтому для него убежденность сторонников «нового атеизма» предстает как своего рода мифологема, будто бы только научная рамка может привести к истине. Хот подчеркивает, что наука и религия не обязательно находятся в конфликте, а могут дополнять друг друга в поиске истины. С его точки зрения, редукция сложных философских и богословских вопросов исключительно к эмпирическим данным ограничивает возможности познания. Он полагает, что новый атеизм, претендующий на абсолютную монополию в объяснении мира, сам подпадает под критику за догматизм и узость взглядов.

Библиографический список

1. *Стрельцов Е.Г.* Предпосылки возникновения «Нового атеизма» // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2017. № 1. С. 210–214.
2. *Смирнова Ю.Д., Фазлеева Р.Р.* Идеология нового атеизма как вариант «множественных версий современности» постсекулярного общества // Идеи и идеалы. 2023. № 3-1. С. 110–125.
3. *Коростиченко Е.И., Климов Я.И.* Социальное измерение нового атеизма // Философский журнал. 2023. № 2. С. 96–114.
4. *Dennet D.C.* Breaking the spell: religion as a natural phenomenon. NY: Viking Penguin, 2006. 448 p.
5. *Harris S.* The end of faith: religion, terror, and the future of reason. NY: W.W. Norton & Company, 2005. 348 p.
6. *Hitchens C.* God is not great: how religion poisons everything. NY: Hachette Book Group, 2007. 307 p.
7. *Слепцова В.В.* Теологическая критика «Нового атеизма» // Вестник ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия. 2016. № 3 (65). С. 112–125.
8. *Шохин В.К.* В чем все-таки новизна «Нового атеизма»? // Вестник ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия. 2016. № 3 (65). С. 149–157.
9. *Haught J.F.* God and the new atheism: a critical response to Dawkins, Harris, and Hitchens. London: Westminster John Knox Press, 2008. 124 p.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ГНОСТИЦИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА

THE GNOSTIC WORLDVIEW IN THE MODERN PICTURE OF THE WORLD

Ю.О. Поздняков

Yu.O. Pozdnyakov

Научный руководитель **С.П. Штумпф**
Research advisor **S.P. Shtumpf**

Гностицизм, духовность, тайное знание, избранность, пост-модерн, христианство, этика.

Рассмотрены проблемы восприятия окружающего мира через гностические идеи. Представлены краткий исторический обзор проявлений гностицизма в мировой истории с момента его появления, философский и этический взгляд на гностические учения в современности сквозь призму традиционного христианского учения.

Gnosticism, spirituality, esoteric knowledge, electness, postmodernism, Christianity, ethics.

Problems of perception of the world around through Gnostic ideas. The article presents a brief historical overview of the manifestations of Gnosticism in world history since its emergence, philosophical and ethical view of Gnostic teachings in the present through the prism of traditional Christian teaching.

В наши дни господства постмодерна в его многообразии форм этики и нравственных подходов легко отделить истинно духовные ценности (милосердие, смирение, доброту, прощение) от псевдодуховных веяний. Человечество накопило за свою историю достаточный набор масок, оно прячет за ними свои отклонения, скрывает грехи за вуалью благочинности и только кажимой религиозности.

Постмодерн, дав карт-бланш для свободы проявления личности, явил ранее скрываемое беззастенчиво явным. Удачно встроились в него и гностические идеи.

В последние два десятилетия наиболее популярной стала теория виртуального мира, или гипотеза симуляции вокруг нас [1]. Эту теорию пытаются обосновать физики, математики и гуманитарии-философы. Тем не менее данные воззрения были представлены уже с I в. в раннехристианских гностических сектах. Так что идея фальшивости этого мира не нова и имеет давнюю историю. Она не закончилась даже с официальным объявлением ортодоксальной церковью, что все гностическое – ересь, борьба с которой достигла апогея в жестоком Крестовом походе против еретиков на территории Западной Европы в начале XIII в. [2].

С тех пор элементы гностических учений можно было найти разве что в закрытых ложах масонов и розенкрейцеров, куда они попали после безжалостной расправы и гонений инквизиции. Такое восприятие витало до конца XIX в., в котором гностицизм более явно выразил себя в теософском учении Е. Блаватской и оккультных практиках А. Кроули. Чуть позже он достиг и психологии: К. Юнг увидел в гностицизме отражение внутреннего пути человека к самопознанию и процессу индивидуации, архетипы и коллективное бессознательное, перекликающиеся с гностическими представлениями о скрытых структурах бытия [3]. Через эти идеи гностическая мысль засияла звездой в движении New Age в 70-х гг. прошлого века. Это были все тот же акцент на личном духовном опыте вместо догматов и учении о «высшем знании», синтез с восточными концепциями кармы и реинкарнации, практики осознанности и медитации, идея «пробуждения» как путь к истинному «Я».

Философия также не была обделена гностическими влияниями: обращение к темам критики иерархии власти, отчуждения индивида и поиска личного смысла и свободы в хаотичном мире использовали еще приверженцы левых идей, как радикальных (анархисты и марксисты), так и умеренных (либералы), а отдельным направлением в философии выступили экзистенциалисты. В критике «мета нарративов» у Ж. Лиотара видим: отказ от универсальных истин напоминает гностический скепсис по отношению к официальным доктринам [4]. Идея о «симулякрах» у Ж. Бодрийера раскрывается следующим образом: реальность подменяется знаками и копиями, то есть близка к гностическому пониманию материального мира как иллюзии [1].

В массовой культуре на рубеже XX–XXI вв. идеи гностицизма отразились в кассовых фильмах, которые выходили с конца 90-х гг. прошлого века («Матрица», «Темный город», «13 этаж», «Экзистенция», «Шоу Трумана», «Чужие среди нас», «С широко закрытыми глазами», «Начало»).

Гностические идеи с необычайной легкостью объясняют несовершенство мира, его болезни и увядание, вечную тоску по божественному, беспросветность на пару с бессмысленностью существования. Деление людей по духовному развитию на гиликов (людей материи, как правило, полностью бездуховных), психиков (душевных чувствующих людей, но без Гнозис-Знания) и собственно пневматиков (избранных, знающих происхождение добра/зла, различающих настоящего и лживого бога) привносит некую безысходность для всех. Мир у гностиков описывается как обитель зла, тюрьма, наполненная скорбью и печалью по светлому дому, дурной сон. Сблудн поверить в это велик, ибо именно он позволяет найти ответ в самой простой форме. Уйти в отрицание и быть бессильным, воевать против самого себя, а не принимать, менять и преображаться.

Такое воззрение приводит к искаженным, извращенным формам миропонимания.

Почему гностические идеи не покидают нас и все также актуальны сегодня? Во-первых, это вечный кризис доверия, который в эпоху неограниченной и объемной информации растет из-за запроса на «истину», которая якобы сокрыта за новостной обыденностью.

Во-вторых, акцент на личном опыте и культе осознанности соответствует современному духовному саморазвитию. Так, влияние гностицизма можно найти в современных духовных практиках, которые акцентируют личный опыт и поиск истины вне традиционных религиозных институтов.

В-третьих, одновременный страх и восхищение перед новыми технологиями, цифровыми симуляциями и ИИ, которые оголяют гностические образы «ложного мира».

В-четвертых, вечный поиск заговора. В условиях неопределенности, которые существовали всю историю человечества, люди, всегда искали скрытые смыслы и пути спасения. Произошло отторжение традиционных институтов (церковь, образование, наука, государство) как творений Демиурга.

В-пятых, чувство отчуждения объясняется через понятную идею, что «настоящая реальность» скрыта.

Ортодоксальное христианство признает, что мир болен и проклят, но не является ложным полностью, в своей сути и образе он был, есть и будет всеблагим, надо лишь это открывать. Оно позволяет принимать человеку свою жизнь, стараться улучшить ее, радоваться мелочам, любить, наконец, а не быть параноиком [5].

Ведь именно любви к ближнему, понимания и принятия так не хватает в нашем бренном мире.

Библиографический список

1. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции / пер. А.А. Качалов. М.: Постум, 2015. 240 с.
2. *Осокин Н.А.* История альбигойцев и их времени. М.: АСТ, 2003. 896 с.
3. *Hoeller S.* Gnosticism: New Light on the Ancient Tradition of Inner Knowing. Wheaton, Illinois; Chennai (Madras), India: Quest Books, 2002. 271 p.
4. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / пер. Н.А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
5. Евангелие Истины: двенадцать переводов христианских гностических писаний / пер. Д. Алексева; под ред. А.С. Четверухина. Ростов н/Д: Феникс, 2008. 541 с.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС КАК МЕТОД АНАЛИЗА КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРОШЛОГО В КОЛЛЕКТИВНОМ СОЗНАНИИ

SOCIOLOGICAL SURVEY AS A METHOD OF ANALYZING THE CONSTRUCTION OF THE PAST IN THE COLLECTIVE CONSCIOUSNESS

Е.А. Кожанова
В.В. Минеев

E.A. Kozhanova
V.V. Mineyev

Образ прошлого, социологический опрос, memory studies, культурологический подход, коллективное сознание.

В статье рассматривается проблема конструирования прошлого посредством анализа данных социологических опросов. Внимание акцентируется не только на содержании ответов респондентов, но и на структуре опросных форм. Предлагается рассматривать феномен прошлого в соответствии с принципом дополнительности, в частности, сочетая исторический подход с культурологическим, реконструкцию индивидуального сознания с реконструкцией коллективного.

Image of the past, sociological survey, memory studies, cultural approach, collective consciousness.

This article addresses the problem of constructing the past through data analysis, focusing not only on deterring terrorist attacks, but also on the survey responses. It proposes examining the phenomenon of the past in accordance with the principle of complementarity, specifically, combining a historical approach with a cultural one, and the progress of individual consciousness with that of the collective.

Прошлое – чрезвычайно сложное и многогранное явление. Исследованием этого феномена так или иначе занимаются все гуманитарные науки – история, философия, культурология, археология, социология, этнография и т.д.

Соответственно, в рамках научного дискурса дифференцируются разные подходы к определению прошлого. Если рассматривать прошлое с позиций исторической науки, то задачей исследователя является установление объективного исторического факта, не зависящего от личности познающего и интерпретирующего субъекта. Другими словами, прошлое рассматривается прежде всего в онтологическом аспекте и выступает как объективно существующее (или существовавшее).

С другой стороны, в отличие от естественных наук, для которых объектом изучения выступают материальные сущности, историческая наука не может говорить о прошлом как об объективно существующей физической предметности. Прошлое воплощается только в сохранившихся и дошедших до нас артефактах, что делает необходимым введение субъекта познания, способного их интерпретировать. Таким образом, возникает необходимость в методологической, гносеологической рефлексии, которая фокусирует внимание не на бытии вещей самих по себе, а на способе их познания, на форме, в которой знание выражено. При гносеоцентрическом подходе вне познающего субъекта категории прошлого не существует. Важное диалектическое противоречие заключается в том, что в соответствии с общими требованиями к научному знанию содержание представлений об объекте (в данном случае о прошлом) должно определяться не субъектом, а свойствами самого этого объекта. На наш взгляд, одним из способов осмысления и разрешения этого противоречия может служить использование принципа дополнительности, сочетание собственно исторического подхода с ракурсами других научных дисциплин.

Для культуролога прошлое обычно представляется не столько в качестве набора некоторых установленных фактов, сколько в виде живой, постоянно переосмысливаемой конструкции, существующей в настоящем и им же опре-

деляемой, формирующей нашу идентичность, ценности и самосознание [1, с. 34–35]. Таким образом, культурология в большей степени смещает акцент с проблемы объективности наших реконструкций прошлого на образ, который получается в результате этих реконструкций [2]. Такой подход позволяет выстроить мост между настоящим и прошлым через призму наших представлений о нем. Поэтому так называемые «memory studies», исследующие, как общество забывает и запоминает отдельные исторические события, в последние десятилетия становятся все более популярны не только в зарубежной, но и в отечественной науке [3].

Отдельный интерес представляют социологические опросы и исследования (ФОМ, ВЦИОМ), посвященные оценке прошлого и сохранению исторической памяти [4]. Они важны не только с точки зрения ответов респондентов, дающих срез ценностных установок общества, но и самого содержания и тематики этих опросов.

Так, одним из заданий опроса, проведенного в 1990-е гг., был пункт «назвать десять самых выдающихся личностей всех времен и народов». Основная задача состояла в анализе исторических представлений населения и выявлении наиболее значимых для него персоналий. Результаты этого исследования выявляют широкий спектр представлений и ассоциаций общества о самом себе, культурных образцах и нормах поведения. Ответы включали как государственных деятелей (Петра I, Наполеона, Екатерину II, В. Ленина, Александра Македонского), так и деятелей культуры (Л. Толстого, Д. Менделеева, А. Пушкина, М. Лермонтова) [5]. В то же время сама структура вопроса предполагала широкую трактовку и не акцентировала внимание на определенной стране (запрос не предполагал назвать личность только из отечественной истории) или сфере (культура, политика, наука, армия), а давала возможность респонденту самому определить и выстроить шкалу собственных культурных ценностей.

В результате один лишь данный опрос, безотносительно его результатов, может говорить о нескольких моментах, характеризующих «настоящее» 1990-х гг. Во-первых, с падением всех идеологических установок наблюдался серьезный вакуум в понимании и дальнейшем прогнозировании общественных настроений. Во-вторых, экстраполяция прошлого на настоящее не только произошла в общественном сознании, но и выступила средством социологического опроса по выявлению структуры культурной памяти общества в условиях, когда новые ориентиры еще не были созданы. И в-третьих, свободный формат ответов может говорить о готовности к неформализованному диалогу и отсутствию как таковых задач по выработке политики исторической памяти.

Похожий опрос проводился в несколько этапов с 2001 по 2009 г. социологическим центром РАГС. Опрос был направлен на знание исторических деятелей и их деяний и содержал уже предложенный набор исторических персоналий. Так, респондентам предлагалось оценить роль в истории политических деятелей (Екатерины II, Петра I, В. Ленина, Н. Хрущева, Б. Ельцина и т.д.), полководцев (Александра Невского, Дмитрия Донского, А. Суворова, А. Колчака) и деятелей культуры (А. Рублева, Сергия Радонежского) [6]. Не предполагая рандомного выбора, круг социально значимых личностей в таком опросе заранее установлен и несет в себе определенную смысловую нагрузку. Поэтому в данном случае важны не только ответы респондентов, но и набор установленных вопросов, поскольку они дают представление о том, какое именно прошлое конструирует общество и кого и какие события оно передает акту коммеморации.

Исторический источник неисчерпаем. Важно, какие вопросы задает ему историк. И в этом смысле то прошлое, которое конструируется коллективной памятью в настоящем, при детальном анализе может давать релевантные ответы,

несмотря на свою в определенной степени неизбежную субъективность и тенденциозность.

Только признав, что прошлое в сознании – это всегда интерпретация, а не пассивное отражение реальности, можно критически осмысливать свою историческую память, не становясь заложником мифов, эту реальность упрощающих.

Библиографический список

1. *Анкерсмит Ф.Р.* Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 608 с.
2. *Козловски П.* Культура постмодерна: Общественно-культурные последствия технического развития. М.: Республика, 1997. 211 с.
3. *Васильев А.* Memory studies: единство парадигмы – многообразии объектов (обзор англоязычных книг по истории памяти) // Новое литературное обозрение. 2012. Вып. 117 [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/5/memory-studies-edinstvo-paradigmy-mnogoobrazie-obektov.html?ysclid=mh9edbyzah418233700> (дата обращения: 25.10.2025).
4. *Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А.* Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2014. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-issledovaniy-istoricheskoy-pamyati-v-rossii> (дата обращения: 26.10.2025).
5. *Левинсон А.* Массовые представления об исторических личностях // Одиссей. Человек в истории. 1996. Ремесло историка на исходе XX века / гл. ред. А.Я. Гуревич. М.: Coda, 1996. С. 259–261.
6. *Покида А.Н.* История государства в оценках россиян // Власть. 2009. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-gosudarstva-v-otsenkah-rossiyan> (дата обращения: 27.10.2025).

ПОСТСТРУКТУРАЛИСТСКИЙ ВЗГЛЯД НА ЦЕННОСТИ И ЭТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

POSTSTRUCTURALIST VIEW IN VALUES AND ETHICAL REALISM

В.И. Бровко

V.I. Brovko

Научный руководитель **М.В. Эберхардт**
Research advisor **M.V. Eberhardt**

Постструктурализм, этический реализм, ценности.

Постструктурализм в значительной мере повлиял на науку и философию во второй половине двадцатого века. Исследование этого критического интеллектуального движения, выразившего настроение эпохи, важно для понимания того, какие мировоззренческие следствия оно несет для устоявшихся ценностей.

Poststructuralism, ethical realism, values.

Poststructuralism had a huge influence on the science and philosophy of the second part of twentieth century. And research of this critical intellectual movement that expressed the spirit of the age is essential for understanding of worldview implications for established values.

Активные трансформации современного общества, проявляющиеся в политических, экономических, культурных изменениях, не могут не повлиять на ценности и моральные представления общества, и, конечно, эти трансформации вызывают рефлексию относительно сущности этических ценностей, которая также отражает состояние общества. Современное общество зачастую характеризуется как изменчивое и плюралистичное общество постмодерна, и это понимание и видение общества во многом вдохновлено течением постструктурализма. Постструктурализм

значительно повлиял на гуманитарные науки и представления об обществе, поэтому его изучение в обществе с бытующими ценностями является очень актуальным. Постструктурализм понимается в первую очередь как преодоление предыдущей традиции структурализма, которая анализировала общественные отношения как результат глубинных, универсальных, бессознательных структур, состоящих из устойчивых связей элементов, с присущими бинарными оппозициями. Постструктурализм – это критическое течение, основывающее собственное видение общества и культуры на идеях деконструкции, децентрации, дискурса и критике логоцентризма. Как следствие, постструктурализм и зачастую современная ему концепция общества постмодерна имплицитно предполагают скептицизм и релятивизм, в том числе в вопросах этики [1].

В предыдущие эпохи преобладающий взгляд на природу ценностей можно было охарактеризовать как этический реализм. Общество располагало основанием моральных ценностей, и этим основанием мог быть логос, Бог или сам естественный порядок вещей.

Этический реализм – это философско-этическая позиция, утверждающая объективное, независимое от сознания существование моральных ценностей и моральных фактов. Моральные суждения человека обладают когнитивным содержанием, которое, соответственно, может принимать истинностное значение, а значит, для таких пропозиций должны быть создатели истины (truth makers) – объективные моральные факты.

Постструктурализм предлагает радикальное переосмысление концепций истины, смысла и не может быть совместим с этическим реализмом. Объективные моральные истины, если и существуют, то не могут быть достигнуты ввиду того, что социальная действительность опосредована

дискурсом, властными отношениями и языком, и, соответственно, ценности и моральные нормы имеют производный от этих понятий характер [1].

Обсуждая исследование и описание моральных фактов, необходимо помнить, что это происходит с использованием языка, и лингвистический поворот, связанный в том числе с постструктурализмом, показывает, что язык не является пассивным инструментом для репрезентации. Этический реализм зачастую предполагает возможность эксплицитно выразить моральный принцип. Ж. Деррида, осмысляя структуру, говорит о непостоянстве и ускользании центрального принципа, положенного в основание структуры. И смысл не является стабильным и, главное, самотождественным, и интерпретация этической системы предполагает игру различий. Текст открыт к созданию множественных смыслов. Здесь важна концепция деконструкции. Деконструкция – это не деструкция и предполагает постоянную изменчивость метода для конкретных культурных условий. Но это означает критику абсолютной морали как разновидности метафизики присутствия [2].

М. Фуко анализирует понятия нормального, морального, этического в контексте «власти-знания». Получаемые им выводы говорят о предопределении морального доминирующими дискурсивными практиками, и моральные истины производятся через институты, такие как семья, право. Согласно Фуко, невозможен поиск вневременного основания ценностей, но возможно генеалогическое исследование того, как властными дискурсами легитимизируются одни формы жизни, а другие становятся патологическими [3].

Ж.Ф. Лиотар, обобщая радикальные изменения в современном обществе, провозглашал крах метанарративов,

то есть мировоззренческих систем, предполагающих универсальное описание мира. Изменения эти были вызваны политическими событиями эпохи и критикой классической научной рациональности. А выводом, важным в этом контексте, становится скептическое отношение к возможности универсальной морали [4].

Постструктурализм как бы подводит к скептицизму и релятивизму относительно моральных ценностей. Возникает вопрос: какими являются ценности и есть ли они в этом новом радикальном видении?

Вместо этического реализма и этики, дедуцированной из некоторого абсолютного основания, постструктурализм предлагает иное видение этических ценностей. Во-первых, Деррида поднимает вопрос о Другом, и деконструированная этика должна подстраиваться под этого конкретного Другого в конкретном культурном контексте, и, значит, на смену категорическому императиву должно приходиться внимание к отличиям Другого. Во-вторых, критический анализ постструктурализма позволяет задаваться вопросами об источниках норм и вскрывать их возможный репрессивный характер. В-третьих, у Фуко можно найти идею об отношении к этике как к активному творчеству и самопреобразованию, когда индивид не только пассивно индоктринируется, а свободно создает свою жизнь [5].

Итак, постструктурализм проводит критику догматической и тотализирующей этики, присущей многим метанарративам, и, соответственно, он не совместим с этическим реализмом. Но вместе с тем подход не сводится только к отрицанию морали или ее релятивизации, вместо этого этика видится как осознающая собственную историческую и культурную обусловленность и предполагается более плюралистичное и открытое мышление о добре и зле.

Библиографический список

1. Автономова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М.: Наука, 1977. 271 с.
2. Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с франц. А. Гараджи, В. Лапицкого и С. Фокина; сост. и общ. ред. В. Лапицкого. СПб.: Академический проект, 2000. 432 с.
3. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. С.Ч. Офертаса; под общ. ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. М.: Практикс, 2002. 388 с.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
5. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.

МОРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПИСИСТРАТА У ГЕРОДОТА И АРИСТОТЕЛЯ

THE MORAL ASSESSMENT
OF THE ACTIVITIES OF PISISTRATUS
IN HERODOTUS AND ARISTOTLE

Е.Д. Морозова

E.D. Morozova

Научный руководитель **Д.В. Григорьев**
Research adviser **D.V. Grigoriev**

Моральная оценка, Геродот, тиранья, Писистрат, Аристотель.
В статье анализируется моральная оценка правления афинского тирана Писистрата, представленная в трудах Геродота и Аристотеля. Выявляется двойственность его образа. Аристотель дает однозначно положительную оценку, позиция Геродота является противоречивой. Делается вывод о преобладании позитивного образа Писистрата у данных авторов.

Moral assessment, Herodotus, tyranny, Pisistratus, Aristotle.

The article analyzes the moral assessment of the rule of the Athenian tyrant Pisistratus, presented in the works of Herodotus and Aristotle. The duality of his image is revealed. Aristotle gives an unequivocally positive assessment, while Herodotus' position is contradictory. The conclusion is made about the predominance of the positive image of Pisistratus in these authors.

Моральная оценка деятельности тиранов имеет большое значение для представителей греческой исторической мысли, что во многом связано с противоречивостью самого образа тирана. С одной стороны, он предстает узурпатором, попиравшим традиционные полисные нормы

и свободу граждан, с другой – эффективным правителем, который способствовал процветанию полиса. Ярким примером является фигура Писистрата, получившая неоднозначные трактовки в античных источниках.

Специальных исследований касательно моральной оценки деятельности Писистрата в отечественной и зарубежной историографии не существует. Однако некоторые исследователи, которые касались темы тирании, так или иначе затрагивали данный вопрос в своих работах. Среди них наиболее известны работы таких историков, как Х. Туманс, А. Эндрюс, И.Е. Суриков. Они, анализируя феномен тирании в целом, обращались и к анализу деятельности Писистрата в трудах древнегреческих авторов, в частности в интересующих нас работах Геродота и Аристотеля.

Вначале обратим внимание на оценки деятельности Писистрата, которые давали современные историки. Отметим, что они не отличаются разнообразием. Большинство исследователей дают положительную оценку. Так, И.Е. Суриков в своей работе посвящает Писистрату целую главу, в которой дает однозначно положительную оценку. Автор указывает, что в результате деятельности Писистрата Афины стали гораздо сильнее, что выразилось во всех отношениях [1, с. 207]. Точно так же положительно отзывается о деятельности Писистрата Х. Туманс: улучшение положения крестьянства и других слоев населения, рост общественного благосостояния и экономическое процветание полиса [2, с. 349]. Кроме того, автор подчеркивает особую заслугу Писистрата – достижение политического равенства граждан перед законом. Оценка А. Эндрюса также скорее позитивная. Эндрюс называет Афины в период Писистрата «мощным государством», а его самого «внутренней фигурой» [3, с. 505].

Приступая к анализу оценки деятельности Писистрата в работах Геродота и Аристотеля, следует отметить, что античное предание в целом создало позитивный образ Писистрата, изображая его справедливым и добрым правителем [2, с. 347]. Аристотель формирует позитивный образ тирана. Для философа Писистрат и гуманный, и кроткий, и снисходительный человек [4, IV, 16(2)]. Тот, кто заботится о благосостоянии своего народа и лишней раз старается его не раздражать, и скорее, наоборот, задобрить. Аристотель, желая продемонстрировать, что Писистрат был замечательным управленцем, упоминает раздачу ссуды для бедняков, дабы те имели возможность себя прокормить, и учреждение областных судей [4, IV, 16(5)]. Кроме того, Аристотель говорит о том, что сам Писистрат довольно часто ездил по стране, «наблюдал за ходом дела и примирял тяжущихся». И здесь он уже приводит случай с бедняком в Гиметте, которого Писистрат освобождает от уплаты налога [4, IV, 16(6)].

Аристотель, как и большинство древнегреческих авторов, пишет, что Писистрат руководил согласно установленным законам и для себя никаких преимуществ не допускал, что делало его демократичным и обходительным [4, IV.16(8)]. Он также допускает мысль, что именно благодаря этим своим качествам Писистрату удалось так долго продержаться у власти, а если и приходилось быть изгнанным, то он легко возвращался обратно.

Геродот более лаконичен. Характеризуя правление Писистрата, он называет его просто «справедливым и дельным», подкрепляя это тем фактом, что тиран не изменял законов, которые были установлены до него Солоном [5, I. 59]. Этим он и ограничивается. Однако для Геродота Писистрат, скорее всего, являлся неоднозначной фигурой. И если он признает его как правителя, то за методы прихода к власти с большей вероятностью осуждает.

У Туманса есть примечательная точка зрения, что, скорее всего, Геродот был подвержен «негативному стереотипу тирании», когда тиран – это обязательно обманщик, действующий из жажды власти и своих личных побуждений [2, с. 307]. Поэтому велика вероятность, что Геродот осуждает Писистрата за обман. Прямо он об этом нигде не говорит, но подобное «настроение» подтверждается указанием, что Писистрат приходит к власти обманом, то есть не на законных основаниях («народ афинский позволил себя обмануть») [5, I, 59–60]. Он использует хитрость, идет на уловки, оборачивает религиозные чувства граждан в свою пользу. Кроме того, Геродот прямо называет уловку Писистрата с лже-Афиной глупой. Более того, он даже подчеркивает, что эта уловка была недостойна афинян, считавшихся «самыми хитроумными из эллинов» [5, I, 60].

По этому поводу есть любопытное высказывание Ю.В. Андреева, который подобное поведение называет «тиранической экстравагантностью» [6, с. 4], которую греческие историки, включая и Геродота, оценивали сугубо негативно. Все это позволяет говорить о двойственной позиции Геродота: признавая Писистрата хорошим управленцем, он осуждает те средства, с помощью которых эта власть была им получена.

В заключение хотелось бы сказать, что моральная оценка деятельности Писистрата в античной традиции, представленной Аристотелем и Геродотом, в целом носит позитивный характер, хотя и не обходится без некоей двойственности в суждениях последнего. Если Аристотель выстраивает положительный образ Писистрата, называет его гуманным, демократичным и обходительным правителем, который как бы заботится о своем народе, то Геродот дает неоднозначную оценку: называет Писистрата хорошим политиком, но явно осуждает его за способы прихода к власти.

Библиографический список

1. *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи: архаика и ранняя классика. М.: Наука, 2005. 352 с.
2. *Туманс Х.* Рождение Афины: Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.) / вступ. ст., науч. и лит. ред. Э.Д. Фролова. СПб.: Гуманитарная академия, 2002. 544 с.
3. *Эндрюс А.* Тирания Писистрата // Кембриджская история Древнего мира. М.: Ладомир, 2007. Т. 3, ч. 3: Расширение греческого мира. С. 420–474.
4. *Аристотель.* Афинская полития / пер. и прим. С.И. Радцига. 2-е изд.. М.: Госоцэкиз, 1937. 254 с.
5. Геродот. История в девяти книгах / пер. и прим. Г.А. Стратановского; под общ. ред. С.Л. Утченко; ред. пер. Н.А. Мещерский. Л.: Наука, 1972. 600 с.
6. *Андреев Ю.В.* Тираны и герои. Историческая стилизация в политической практике старшей тирании // Вестник Древней истории. 1999. № 1. С. 3–7.

МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЦИЦЕРОНА О ПОЛИТИЧЕСКОМ ДЕЯТЕЛЕ

CICERO'S MORAL AND ETHICAL IDEAS
ABOUT A POLITICIAN

А.А. Аляев

A.A. Aliaev

Научный руководитель Д.В. Григорьев
Research adviser D.V. Grigoriev

Марк Туллий Цицерон, политический деятель, Древний Рим, трактат, мораль, этика.

Статья посвящена выявлению особенностей морально-этических представлений Цицерона о политическом деятеле и анализу условий их формирования в период поздней республики.

Marcus Tullius Cicero, politician, Ancient Rome, treatise, morality, ethics.
This article is devoted to identifying the features of Cicero's moral and ethical ideas about a politician and analyzing the conditions of their formation during the Late Republic.

Морально-этическая сторона политической деятельности всегда интересовала мыслителей Античности. Одним из них является Цицерон. Взгляды Марка Туллия об «этике управления» политического деятеля могут являться интересным источником, т.к. политико-философские трактаты римского политика и его насыщенная политическая биография времен поздней республики составляют целостную систему размышлений о политике, государстве и праве.

Исследования, посвященные творчеству и деятельности Цицерона, принадлежат А.М. Браговой [1], С.Л. Утченко [6], С.И. Ковалеву [2], занимавшимся также изучением морально-этических представлений римского политика. При работе с историографией были применены методы индукции, анализа и системного обобщения.

Цель статьи: выявить особенности морально-этических представлений Цицерона о политическом деятеле и условия их формирования. Для раскрытия цели использовались следующие исторические источники: политико-философские трактаты Цицерона «О государстве» [3], «Об обязанностях» [4], «О законах» [4] и источники личного происхождения – письма, записи и т.д. [5].

Написанием трактатов Цицерон начал заниматься в зрелом возрасте, после главных виражей его политической биографии. На век Цицерона выпал и государственный заговор Катилины, и триумvirат Помпея, Красса и Цезаря, падение республики и, конечно же, гражданская война. Проанализировав ошибки и достижения, частично даже пересмотрев свои взгляды, Цицерон начал формировать своего рода «идеал» правителя. Так, например, в сочинении о государстве Туллий говорит, что правитель государства должен быть выдающимся и ученейшим мужем; при этом он должен быть и мудрым, и справедливым, и воздержанным, и красноречивым [3, 1, V, 1]. Правитель должен хорошо знать право и законы, а также их источники, для того чтобы свободно ориентироваться в своем «хозяйстве» [6, с. 159].

Главные моральные достоинства правителя, по Цицерону, это мудрость и справедливость. Доблестный государь не должен «находиться в рабстве ни у одной из страстей», он «не навязывает народу законов, каким не станет подчиняться сам» [3, 2, III, 51]. В трактате «Об обязанностях» Цицерон пишет, что в человеке от природы заложено доблестное стремление служить отечеству, общему делу и благу, на это готов не только мудрый и доблестный, но и нравственно прекрасный человек [4, 3, III, 18]. Антиподом же хорошего правителя является царь, тиран и диктатор: «человек, жаждущий владычества и исключительного империя и властвующий над народом, угнетаемым им» [3, 4, III, 50].

В трактате «О законах» Цицерон говорит о важности законов в государстве. Руководить объединением людей должны законы, способные укреплять дружбу и быть основанными на разуме, так как разумный образ жизни делает людей лучше. Высшая мудрость в государстве – это закон. Следовательно, и правителю стоит быть сдержанным, строгим и справедливым, как закон [4, 5, I, 6]. Отсюда следует, что главная цель для правителя государства – это счастливая жизнь граждан: «с тем, чтобы она была обеспеченной средствами, богатой благодаря изобилию, великой благодаря славе и почетной благодаря доблести» [5, 6, VIII, 11].

Вообще на идеи Цицерона о нравственности и морали во многом повлияла его политическая ориентация. Цицерон, как известно, являлся ярким сторонником республики, проповедовал демократические идеи и посвятил свою жизнь борьбе с диктатурой и тиранией. Так, по мнению римского политика, «идеальные» правители уже существовали в нашем мире. В частности, такие правители создали современную для Цицерона смешанную политическую систему, сочетавшую в себе лучшие качества трех форм правления (аристократии, демократии и монархии). К таким политикам Цицерон относил: Публия Корнелия Сципиона Африканского, Гая Лелия Мудрого, Луция Фурия Фила, Марка Порция Катона Старшего, Квинта Цецилия Метелла Нумидийского, Марка Марцелла и др [3]. Эти «мужи отечества» отличались добродетелью, доблестью и усердием во благо государства, а главное, по мнению С.Л. Утченко, были реформаторами, т.е. такие «идеальные» политики возможны только при республиканской форме правления [6, с. 166].

Существует мнение, что Цицерон, писал свои трактаты в напутствие будущим политикам в надежде вывести Римскую республику из кризиса. Так как с наступлением гражданской войны произошел не только упадок политический, но и упадок нравственный. И эти трактаты должны были

вернуть «оптимальную» форму правления в Риме и повлиять на умы людей [1 с. 13]. Но к сожалению для Марка Туллия, этого не случилось, и политическая система Рима перестроилась на рельсы единоличного правления.

Таким образом, можно сказать, что Цицерон, учитывая личные политико-философские воззрения и пережитые обстоятельства своей политической жизни, сумел сформировать определенные морально-этические представления о политическом деятеле со своей спецификой, взяв за основу греческие философские постулаты, политические традиции Римского государства, историко-правовую культуру и политические реалии, потрясшие Рим в I в. до н.э.

Библиографический список

1. *Брагова А.М.* Цицероновский образ правителя // *Studia Humanitatis*. 2016. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://st-hum.ru/content/bragova-am-ciceronovski-образ-pravitelya> (дата обращения: 26.10.2025).
2. *Ковалев С.И.* Марк Туллий Цицерон // *Письма Марка Туллия Цицерона* / пер. и комм. В.О. Горенштейна; отв. ред. И.И. Толстой. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. Т. I. С. 387–402.
3. *Марк Туллий Цицерон.* О государстве // *История Древнего Рима* [Электронный ресурс]. URL: <https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1414870001> (дата обращения: 01.11.2025).
4. *Марк Туллий Цицерон.* Об обязанностях. О законах // *История Древнего Рима* [Электронный ресурс]. URL: <https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1423775003> (дата обращения: 01.11.2025).
5. *Марк Туллий Цицерон.* Письма Марка Туллия Цицерона // *История Древнего Рима* [Электронный ресурс]. URL: <https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1345960094> (дата обращения: 01.11.2025).
6. *Утченко С.Л.* Политико-философские трактаты Цицерона («О государстве» и «О законах»). М.: Ладомир, Наука, 1994. С. 153–174.

МОРАЛЬ В ЭПОХУ ПЛЮРАЛИЗМА: ПОИСК ОСНОВАНИЙ В МИРЕ БЕЗ ФУНДАМЕНТА

MORALITY IN THE AGE OF PLURALISM:
FINDING FOUNDATIONS IN A FOUNDATIONLESS WORLD

В.А. Жуланов

V.A. Zhulanov

Научный руководитель **С.Н. Ценюга**
Research adviser **S.N. Tsenyuga**

Метаэтика, нормативная этика, концепции, философия, принципализация, абстрагирование.

В статье исследуется вопрос о центральных проблемах морали и ценностей, рассматриваемых в контексте начала XXI в. Традиционные, метафизическое, религиозные основы морали начинают уступать место плюрализму, глобализации, технологической революции, экологическим кризисам и знанию, что теперь абсолютной истины не существует. В статье рассматривается, как современная философия отвечает на ключевые вопросы, касающиеся существования универсальных ценностей в эпоху мультикультурализма. Вместо ответов предлагается обзор стратегий современной мысли.

Metaethics, normative ethics, applied ethics, concepts, philosophers, and their interpretations.

This article explores the central issues of morality and values in the context of the early 21st century. Traditional, metaphysical, and religious foundations of morality are beginning to give way to pluralism, globalization, technological revolution, environmental crises, and the realization that knowledge is relative and absolute truth does not exist. The article examines how modern philosophy addresses key questions about the existence of universal values in an era of multiculturalism, offering a specific overview of contemporary thought strategies instead of providing answers.

Как в современном мире возможны осмысленная моральная жизнь и совместное социальное существование? Мы живем во время информационных технологий, глобализации, плюрализма мнений и философских концепций. Бог, Природа, Высший Разум больше не служат нам фундаментом для каких-либо моральных суждений. Это приводит к сосуществованию множества несовместимых, но равно обоснованных ценностей. Современная философия критикует проект моральной философии, которая стремится найти универсальные, внеисторические основания для этики. Бернард Уильямс настаивает на важности исторического и культурного контекста для понимания морали и ценностей [1].

Существует не одна, а много ценностей, которые могут вступать друг с другом в конфликт, и этот конфликт не может быть удовлетворительно разрешен с помощью какого-либо высшего принципа. Более того, конфликт такого рода не является патологией, он может быть отличительной чертой зрелого морального сознания [1, с. 17]. Возрождаются попытки найти объективные основания морали в науке, идея, что моральные утверждения не отражают объективную реальность, а являются выражением эмоций, социальных концепций или индивидуальных предпочтений.

Современная философия отходит от идеи поиска единого фундаментального принципа, она сосредоточивается на проблемах, которые порождены новым временем. Так, с рождением новых идей и плюрализма человечество отходит от принципа пользования только одними конкретными идеями, оно пытается собрать их из разных представлений о морали. Рождается созданная Юргеном Хабермасом концепция «дискурсивной этики», норма считается справедливой лишь в том случае, если последствия и побочные эффекты, которые возникают, должны служить для удовлетворения

интересов каждого, могут быть свободно приняты всеми, кого затрагивают [2, с. 123]. Таким образом, мы наблюдаем отход от принципа навязывания норм морали и этики в одностороннем порядке, нормой же отныне будет считаться только то, за что голосует общество, именно оно принимает нормы, которые удовлетворяют его интересы и не затрагивают его свободу.

Старые концепции рухнули, современная мораль переживает кризис, так как она лишена фундамента, на котором раньше базировалась, однако ее «руины» теперь используются для переосмысления принципов и представлений о морали и этике. «Руины» – все, что осталось от традиции, и мы теперь используем их не как наследники, а как археологи, которые, обнаружив останки неизвестной цивилизации, пытаются восстановить по фрагментам образ жизни, который они олицетворяют [3, с. 45]. Чтобы построить справедливое общество, мы должны вступать в диалог и выстраивать общие ценности, которые будут нас объединять, и создавать новый и справедливый мир, учитывая свободу и справедливость.

Происходит отказ от конкретных предписаний, но при этом сохраняется базовый принцип. Рефлексивное равновесие – процесс взаимной корреляции между конкретными моральными суждениями и абстрактными принципами [4, с. 45–47]. Мораль и этика не должны чрезмерно абстрагироваться, иначе это приведет к потере смысла и традиции. Моральные принципы должны быть укоренены именно в конкретных практиках сообществ: отношение к животным, к ближнему, брак, суд. Принципиализация и абстрагирование представляют собой ключевые механизмы адаптации традиционных моральных представлений к нынешним условиям. Это процесс выделения универсальных принципов из конкретных моральных предписаний и традиций.

Абстрагирование – это отвлечение конкретных деталей и контекстов для формулировки общих правил, этот процесс позволит трансформироваться от традиционного представления морали и этики и перейти к современным этическим нормам. Традиции теперь используются как целостное ядро, которому придается универсальная форма, что приемлемо для плюрализма мнений, но успех будет зависеть от сохранения баланса между абстракцией и конкретными жизненными контекстами. Например: суд – когда конкретный случай формирует прецеденты и общие принципы; публичные дискуссии – частные моральные позиции тестируются на универсальность; наука – перевод традиционных знаний в рациональные принципы. Эти процессы подобны «экспертной системе» – абстрагируют знания от конкретных контекстов [5, с. 78–80].

Библиографический список

1. *Уильямс Б.* Этика и пределы философии / пер. с англ. О.В. Артемьевой. М.: Дело, 2023. 288 с.
2. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. С.В. Шачин; под ред. Д.В. Складнева, послесл. Б.В. Марков. СПб.: Наука, 2001. 380 с.
3. *Макинтайр А.* После добродетели: Исследование теории морали / пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Канон-Плюс, 2022. 368 с.
4. *Ролз Дж.* Теория справедливости / пер. с англ., науч. ред. и предисл. В.В. Целищева. Изд. 3-е. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2017. 536 с.
5. *Гидденс Э.* Последствия современности / пер. с англ. Г.К. Ольховикова, Д.А. Кибальчича; вступ. ст. Т.А. Дмитриева. М.: Праксис, 2011. 352 с.

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ УПРАВЛЕНИЯ ЖИЗНЬЮ

FAMILY RELATIONS AS AN OBJECT OF LIFE MANAGEMENT

С.В. Дроздов
В.В. Минеев

S.V. Drozdov
V.V. Mineev

Биополитика, западная философия, политическая власть, этика, социальный институт.

Семейные отношения как одна из основ социальной жизни человека попадают в поле управления различных институтов. В статье анализируются истоки концепций, направленных на управление семейными отношениями. Рассматривается проблема формирования ценностных установок в семейных отношениях как элемент управления жизнью.

Biopolitics, Western philosophy, political authority, ethics, the social institute.

Family relations, as the basis of a person's social life, fall under the control of various institutions. The article analyzes the origins of concepts aimed at managing family relations. It examines the problem of forming value attitudes in family relations as an element of life management.

Западная цивилизация характеризуется определенным отношением к жизни человека. Если идеи контроля или попытки управления жизнью мы можем найти и в других цивилизациях, то именно на Западе данная проблематика становится фундаментальной в плане самого существования цивилизации. Уже античные мыслители формулируют проблему. В работах Платона и Аристотеля проблема управления жизнью является приоритетной с точки зрения достижения общественного блага и государственной

стабильности [1, с. 255]. В эпоху Средневековья концепции прямого вмешательства в биологическую жизнь человека трансформируются прежде всего под влиянием христианства. Однако идея управления жизнью расширяет свои горизонты. Постепенно совершенствуются технологии управления через влияние церкви на нравственные, духовные и интеллектуальные установки человека. Трансформация общества приводит не к радикальному пересмотру концепций управления, а лишь к доминированию новых технологий. Установление тоталитарных режимов в прошлом столетии, геноцид, войны не привели к дискредитации идеала управления жизнью.

Биополитические концепты управления жизнью античной эпохи были направлены прежде всего на семейные отношения. Управление жизнью начинается еще на этапе планирования семьи. Ограничения на вступление в брак для разных социальных и возрастных групп, уход за детьми, взгляды на природу мужского и женского начал образуют поле (пространство) управления. Воспитанием лучших детей, с точки зрения Платона, должен заниматься правитель. Безопасное и стабильное государство, опираясь на идеи Аристотеля, контролирует уровень зажиточности-бедности через контроль рождаемости. Для этого государство следит за жизнедеятельностью семьи, регулирует количество рождаемых детей и предельный возраст вступления в брак. Также в рамках протоевгенических проектов, которые будут эволюционировать в Европе вплоть до прошлого столетия и приведут к катастрофе, особенно в нацистской Германии, Аристотель отмечает, что дети с различными дефектами и ограничениями не должны воспитываться государством, а по возможности лучше им не родиться совсем [2, с. 20]. В Средние века вопрос контроля рождаемости – в связи с распространением христианского учения – отходит на второй

план. С точки зрения христианства рождение ребенка подразумевает некоторое таинство, в которое запрещено прямое вмешательство, следовательно, христианские идеи в некотором отношении препятствовали реализации биовласти. Однако воздействие теперь переносится с тела на душу человека. Формируется христианская мораль, взаимный (по сути, тотальный) надзор в церковной общине, а также контроль посредством исповеди. Это приводит к появлению новых инструментов, позволяющих более эффективно управлять жизнью. Контролировать и управлять жизнью человека теперь становится возможным через нравственные установки, семейное воспитание, институт церкви.

Этическая сторона биополитики в том, что касается управления жизнью через семью, предстает в разных конфигурациях в зависимости от эпохи. Форма управления жизнью очерчивает новые возможности заботы об индивиду еще на стадии его планирования. Включаются в работу как общественные институты, призванные защищать материнство, так и определенные отношения внутри семьи. Новые технологии позволяют организовывать и структурировать предпочтения семьи. Огромная роль отводится образовательной системе. Посредством научных теорий поддерживается определенное мировоззрение, которое способствует контролю и определению «нормальности» индивида. Идеологическая основа каждого общества формируется со школьной парты, передача идей происходит через уроки, внеурочные мероприятия. Образовательная система четко противопоставляет, распределяет, градирует приемлемое и неприемлемое в поведении индивида исходя из поставленных целей и задач. Через контроль за состоянием здоровья, а также через физическое формирование ребенка осуществляется контроль за телом. Психологическая подготовка, жесткий социальный контроль, индоктринация культурных

шаблонов позволяют расширить спектр возможностей по управлению жизнью человека в будущем.

Другой важный аспект – медиализация общества, причем именно в том, что касается процесса моделирования семьи. Мишель Фуко в своих работах этому вопросу отводил важнейшее значение, так как данный процесс получает развитие как раз в XIX в. [3, с. 233]. Если прежде медицина ограничивалась тем, что лишь отличала норму от отклонения, то теперь она норму конструирует. Большинство семейных пар в развитых странах на этапе образования семьи должны учитывать факторы своего физического здоровья. В противном случае брак может оказаться недействительным. Зачатие ребенка также подразумевает внедрение медицинских технологий, медицинский контроль. Биотехнологии и развитие генетики открывают перед человечеством колоссальные перспективы. Однако они же расширяют спектр средств и возможностей для контроля над человечеством и открывают путь для сепарации людей по биологическим критериям, таким как уровень интеллекта или физическое здоровье [4, с. 164].

Следовательно, в рамках западной цивилизации кристаллизовался подход к жизни, который подразумевает управление этой жизнью как одним из главных факторов (предпосылок) существования цивилизации. В этой связи нельзя обойти стороной семейные отношения – одну из основных сфер самовоспроизводства человека. В нашу эпоху наблюдается увеличение разнообразия форм и методов медико-биологического и демографического регулирования. Медиализация, прогресс собственно биотехнологий, демографические инструменты, способные влиять на процесс планирования семьи, рост числа форм и средств манипулирования сознанием, цифровизация расширяют возможности контроля, направленного на управление жизнью человека.

Библиографический список

1. *Платон*. Государство / пер. с древнегреч. А.Н. Егунова. М.: Академический проект, 2015. 397 с.
2. *Аристотель*. Политика / пер. с древнегреч. С.А. Жебелева. СПб.: Азбука, 2015. 347.
3. *Фуко М.* Рождение биополитики. Цикл лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб., 2010 // Центр гуманитарных технологий. 10.10.2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6709> (дата обращения: 25.10.2025).
4. *Агамбен Дж.* Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 256 с.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ У ОБУЧАЮЩИХСЯ 10–11-х КЛАССОВ ПРИ СОЗДАНИИ МИНИ-ПРОЕКТОВ ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

FORMATION OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES
IN 10TH AND 11TH GRADE STUDENTS
THROUGH THE CREATION OF MINI-PROJECTS
ON REGIONAL HISTORY

**Е.Л. Зберовская
И.А. Владимирова
Т.Н. Овсянникова**

**E.L. Zberovskaya
I.A. Vladimirova
T.N. Ovsyannikova**

Мини-проекты, региональная история, малая родина, ценности, личностные результаты.

В статье анализируется опыт создания учебного мини-проекта по региональной истории. Выявлены позитивные характеристики проектной деятельности для формирования духовно-нравственных ценностей обучающихся 10–11-х классов – уважения к истории страны и малой родины.

Mini-projects, regional history, homeland, values, and personal results.
The article analyzes the experience of creating a mini-project on regional history. It identifies the positive characteristics of project activities for the formation of spiritual and moral values among students in grades 10–11, such as respect for the history of their countries and their homeland.

Формирование духовно-нравственных ценностей у современных школьников является приоритетом российского образования в настоящее время. Нормативные документы, регламентирующие образовательный процесс в Российской Федерации, определяют личностные результаты как главные в процессе обучения и воспитания в школе [1]. Они достигаются через освоение обучающимися разных сфер, в т.ч. духовно-нравственного, патриотического, гражданского воспитания. Одним из способов достижения результатов освоения образовательной программы является проектный метод, получивший широкое распространение в современной школьной практике.

Как справедливо замечают М.М. Поташник и М.В. Левит, «освоение проектной и исследовательской деятельности как обязательное для всех школьников страны... есть настоящая и глубокая новация. Самая, наверное, трудная для внедрения из всех фгосовских нововведений, поскольку ничего похожего в массовой практике российских школьных работников не было» [2, с. 63]. Вероятно, это обстоятельство является одной из причин того, что большинство публикаций по проектной деятельности посвящено примерам конкретных проектов, реализуемых в основной и средней школе.

Мини-проекты рассматриваются авторами настоящей статьи как путь к большим проектам, которые обучающиеся защищают в школе, на научно-практических конференциях и т.д. Мини-проект представляется эффективным способом формирования метапредметных результатов, поскольку предполагает включение исследовательских, регулятивных, коммуникативных универсальных учебных действий в практической работе над проектом.

Представленный в данной статье опыт работы над учебным мини-проектом обобщен на основе занятий с обучающимися 10–11-х классов в период интенсивной смены

«Мост» в сентябре 2025 г. Для 16 участников группы была предложена тема, связанная с региональным компонентом по истории «Известные исследователи Сибири XIX – начала XX века». Перед началом проектирования им были представлены презентация и лекция-беседа о пяти личностях, известных изучением Сибири. В дальнейшем обучающиеся самостоятельно разделились на 5 групп, выбрав одну из известных личностей. Каждая группа получила задания: 1) дополнить информацию об избранной персоналии и тезисно представить наиболее примечательные факты на листе ватмана; 2) изобразить возможное место памяти, связанное с исследователем.

Предлагая задания, мы преследовали цель – формирование представлений у обучающихся о вкладе известных личностей в изучение края, личностное осмысление и принятие их нравственной позиции служения науке и обществу. Таким образом, в качестве основных выдвигались предметные и личностные результаты деятельности. В плане духовно-нравственного воспитания особую роль играло второе задание, которое было направлено на развитие нравственного сознания: ребята сами определяли, как может быть сохранена память об известном исследователе и почему это важно.

Были согласованы этапы работы над мини-проектами групп и предполагаемый продукт – раскладная книга, название которой должны были придумать сами обучающиеся. Определили несколько этапов: создание мини-группы; выбор персоналии, которую будут представлять участники группы; распределение ролей в группе по поиску и отбору материала, творческому воплощению родившихся идей; поиск и обработка необходимой информации; художественное воплощение на двух листах ватмана предложенных заданий; прикрепление созданных на бумаге

мини-проектов к разворотам раскладной книги; защита мини-проектов группами; выбор общего названия книги; рефлексия.

Ребятам были предложены ссылки на статьи об исследователях Сибири: А.П. Степанове, Н.М. Мартьянове, М.В. Красноженовой, И.А. Лопатине, И.Г. Савенкове, – заранее отобранные организаторами. Обучающиеся могли использовать интернет-ресурсы для поиска дополнительной информации. Организаторы проектной деятельности выполняли роль консультантов при создании мини-проектов.

В период подготовки проектов мы отмечали развитие коммуникативных навыков – слаженная работа команд; заинтересованность в отборе наиболее важных фактов об исследователях – совершенствование предметных компетенций, понимание значимости роли конкретной личности для развития науки и образования в Сибири – формирование личностных результатов и гражданского сознания.

Ценным стало представление о возможном месте памяти исследователей, которое, по мнению ребят, могло бы появиться в краевом центре. Это библиотека им. М.В. Красноженовой, собирательницы сказок и подвижницы образования; интерактивная шахматная доска с изображением энциклопедиста и шахматиста И.Г. Савенкова; карта путешествий по маршруту первооткрывателя И.Г. Лопатина; музей-квартира енисейского губернатора А.П. Степанова; музейный комплекс Н.М. Мартьянова с археологическими артефактами перед музеем. Защищая проект, обучающиеся аргументировали свои предложения по конкретным местам памяти.

При последующей рефлексии все группы отметили, что им работа над мини-проектами понравилась: они больше узнали об известных исследователях Сибири, с некоторыми из них они познакомились впервые. Ребятам было важно увидеть продукт своей деятельности – раскладную книгу,

для которой большинством голосов было выбрано название «Гордость Красноярья – первооткрыватели». Показателем присвоения значимости результата проектной деятельности стало то, что участники группы историков с гордостью показывали результат своей работы ребятам из других групп интенсивной смены «Мост».

Таким образом, можно зафиксировать несколько результатов проектной деятельности: развитие познавательной и творческой активности обучающихся; совершенствование коммуникативных навыков; формирование чувства уважения и гордости к истории и исследователям региона, где живут школьники. Духовно-нравственная составляющая мини-проектов ярко проявилась в названии книги, которое придумали сами ребята, – «Гордость Красноярья – первооткрыватели».

Библиографический список

1. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 18.05.2023 № 371 «Об утверждении федеральной образовательной программы среднего общего образования» [Электронный ресурс]. URL: <https://edsoo.ru/normativnyye-dokumenty> (дата обращения: 03.11.2025).
2. *Поташник М.М., Левит М.В.* Освоение ФГОС: методические материалы для учителя. М., 2016. 208 с.

**ВОЗМОЖНОСТИ УЧЕБНОГО ПРЕДМЕТА «ИСТОРИЯ»
ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ
ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
НА УРОВНЕ ОСНОВНОГО ОБЩЕГО И СРЕДНЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

POSSIBILITIES OF THE SUBJECT “HISTORY”
FOR THE FORMATION OF TRADITIONAL SPIRITUAL
AND MORAL VALUES AT THE LEVEL
OF BASIC GENERAL AND SECONDARY
VOCATIONAL EDUCATION

**С.П. Лавренов
В.А. Елистратов**

**S.P. Lavrenov
V.A. Elistratov**

Традиционные ценности, общие компетенции, личностные результаты, компетентность мышления, критическое мышление. Авторами предлагается разнообразный инструментарий для формирования традиционных духовно-нравственных ценностей с учетом тенденции бесшовного образования. Представленные технологии способствуют формированию не только общих компетенций и личностных результатов, но и формированию иных групп результатов различных уровней образования.

Traditional values, general competencies, personal results, thinking competence, critical thinking.

The authors propose a diverse set of tools for developing traditional spiritual and moral values, taking into account the trend toward seamless education. The presented technologies not only facilitate the development of general competencies and personal achievements, but also contribute to the development of other sets of achievements at various levels of education.

Становление и развитие отечественного бесшовного образования является важнейшей задачей в контексте создания суверенной системы российского образования. Вместе

с тем реализация данной бесшовности, как справедливо отметил А.Г. Мажуга, невозможна без наличия общей методологической основы различных уровней образования [1].

Такой «шов», то есть несовпадение, можно наблюдать при сравнении требований к результатам освоения программы основного общего образования и требований к результатам освоения образовательной программы среднего профессионального образования. Образовательные результаты освоения программы основной школы делятся на три группы: личностные, метапредметные и предметные [2], в то время как образовательные результаты освоения образовательной программы среднего профессионального образования предусматривают деление на общие и профессиональные компетенции [3].

Вместе с тем, несмотря на то, что в основу формулирования образовательных результатов положен различный методологический подход, содержание образовательных результатов довольно схоже. Так, пункт 42.1 ФГОС ООО детализирует аспекты личностных результатов, что созвучно с пунктом 3.2. ФГОС СПО по специальности 49.02.03 «Спорт», что позволяет говорить о смысловом единстве в понимании образа выпускника соответствующего уровня образования.

В таких условиях важным аспектом является применение разнообразного универсального инструментария для формирования личностных результатов, который позволил бы через единство методов, технологий и приемов способствовать формированию образовательных результатов на уровне основного общего образования и среднего общего образования и компетенций на уровне среднего профессионального образования.

Отдельного внимания в контексте преподавания предмета (дисциплины) «история» на соответствующих уровнях

образования требует рассмотрение положений Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», так как данный нормативно-правовой акт, по сути, является документом, устраняющим «разнообразие языка» в формулировках стандартов ООО и СПО.

В соответствии с пунктом 5 определяется перечень традиционных ценностей, который во многом детализирует требования к подготовке выпускника образовательной организации уровня основного общего образования и выпускника системы среднего профессионального образования [4].

Активные методы обучения на уроках (занятиях) истории на каждом из уровней образования способствуют достижению личностных результатов (формированию компетенции) [5]. К числу таких методов можно отнести: метод проблемного обучения, который позволяет выявить отношение обучающегося к историческим событиям, явлениям и процессам. Данный метод может активно использоваться на этапе мотивации обучающихся, при выполнении заданий с текстами-мнениями о различных исторических событиях. Обучающийся при ознакомлении с противоположными мнениями в процессе учебно-познавательной деятельности создает собственные суждения, подтверждающие или отрицающие мнение авторов текста, или же вырабатывает собственную, компромиссную, точку зрения.

Также для развития личностных результатов и общих компетенций высокой продуктивностью обладают кейс-метод, позволяющий проанализировать, в том числе с привлечением исторических источников, взгляд авторов на проблемы общества их времени; а также деловые и ролевые игры, групповое выполнение практических работ, проектное обучение [6].

На наш взгляд, необходимо отметить особую роль методов и технологий, развивающих критическое мышление, например, технология «шесть шляп» позволяет формировать личностные, метапредметные, предметные результаты, общие компетенции, так как дает возможность «примерить роль» при анализе исторического события, явления и процесса.

Стоит отметить, что даже при терминологическом несовпадении «образа выпускника» различных уровней образования у педагогов имеется набор методов и технологий обучения, позволяющих ликвидировать «шов» при переходе с одного уровня образования на другой. Вместе с тем важным является вопрос о разработке на уровне страны единых подходов к оценке сформированности образовательных результатов (компетенций), что позволит осуществлять мониторинг достижений обучающихся.

Библиографический список

1. *Гурьянов С.* Трудности перехода: в России создадут бесшовную систему образования // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1738364/sergei-gurianov/trudnosti-perekhoda-v-rossii-sozdadut-besshovnuiu-sistemu-obrazovaniia> (дата обращения: 03.11.2025).
2. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/401433920/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 03.11.2025).
3. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования по специальности 49.02.03 Спорт [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/400796160/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 03.11.2025).
4. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных

ценностей» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/405679061/> (дата обращения: 03.11.2025).

5. Методические рекомендации по внедрению моделей формирования и оценки общих компетенций обучающихся в соответствии с ФГОС СПО [Электронный ресурс]. URL: https://ioe.hse.ru/data/2020/09/03/1580603982/Методические_рекомендации_ОК_Приложение%20к%20письму%20согласование%20рекомендаций.docx (дата обращения: 03.11.2025).
6. Методические рекомендации по реализации общих компетенций в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами среднего профессионального образования [Электронный ресурс]. URL: https://bemt.ru/wp-content/uploads/2024/06/Методические_рекомендации_по_реализации_ОК_в_соответствии_с_ФГОС.pdf (дата обращения: 03.11.2025).

**ФОРМИРОВАНИЕ
ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
КАК ОСНОВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЦЕНТРА
НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ**

FORMATION OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES
AS THE MAIN AREA OF ACTIVITY
OF THE STATE CENTER FOR FOLK ART
IN KRASNOYARSK KRAI

**Л.Н. Романова
Е.Н. Викторук**

**L.N. Romanova
E.N. Viktoruk**

Культурно-досуговая работа, информационно-просветительские проекты, патриотическое просвещение.

В статье раскрывается практический потенциал работы по формированию духовно-нравственных ценностей на примере деятельности Красноярского государственного центра народного творчества. Обозначен широкий спектр успешно реализующихся культурно-досуговых и информационно-просветительских проектов, направленных на патриотическое просвещение населения Красноярского края.

Cultural and leisure activities, information and educational projects, and patriotic education.

The article reveals the practical potential of work on the formation of spiritual and moral values on the example of the activities of the Krasnoyarsk State Center for Folk Art. It outlines a wide range of successfully implemented cultural, leisure, and educational projects aimed at patriotic education of the population of the Krasnoyarsk Region.

Современная культурная политика России ориентирована на укрепление национальной идентичности и воспитание духовно-нравственных основ личности. Эти задачи

требуют не только сохранения материального наследия, но и формирования ценностной среды, в которой традиция воспринимается не как архаика, а как живой источник смысла.

Особую роль в этом процессе играют региональные центры народного творчества, объединяющие образовательные, просветительские и творческие функции. Государственный центр народного творчества Красноярского края (ГЦНТ) является одним из ключевых учреждений, созданных в нашем крае для выполнения работ и оказания услуг в целях обеспечения реализации полномочий министерства культуры Красноярского края, предусмотренных законодательством РФ в сфере культуры [1], реализующих комплексную программу поддержки и развития народной культуры региона. Деятельность центра направлена на сохранение этнокультурного наследия, укрепление духовных и патриотических ориентиров, а также создание условий для творческой самореализации жителей края.

Основу культуры каждой страны составляют духовные ценности ее народов – те традиции, обычаи и формы бытования, которые формируют чувство сопричастности к родной земле. Именно через народное творчество эти ценности сохраняются и передаются новым поколением. В этом смысле ГЦНТ выступает не только как культурно-досуговое учреждение, но и как своеобразный центр духовного воспитания и культурной коммуникации.

Одним из ключевых направлений работы центра является сохранение нематериального этнокультурного достояния Красноярского края. В задачи учреждения входят методическая и организационная поддержка творческих коллективов, развитие современных форм народного искусства, популяризация традиционных ремесел и различных форм социокультурной деятельности в учреждениях культуры клубного типа Красноярского края. Эти формы деятельно-

сти не просто сохраняют культурные образцы прошлого, но и создают пространство для творческой интерпретации традиции, соединяя исторический опыт с современностью. Особое внимание уделяется созданию открытого культурного пространства, в котором жители региона могут стать не только зрителями, но и активными участниками событий.

Создание такого универсального комплекса – уникальный опыт не только для Красноярского края, но и для Сибири в целом. С его появлением в столице Красноярского края существенно расширилось культурное пространство, а тот факт, что он находится на территории Успенского мужского монастыря, подчеркивает его особенное значение [2].

Деятельность центра происходит при непрерывном функциональном взаимодействии со всеми объектами комплекса святой обители с более чем столетней историей. Постоянными посетителями центра являются различные группы населения, в частности значительная часть проектов адресована социально незащищенным категориям граждан – детям-сиротам, людям с ограниченными возможностями здоровья, а также молодым семьям, детям из многодетных семей, пожилым людям, участникам специальной военной операции и членам их семей. Такой подход свидетельствует о глубоко гуманистическом характере миссии центра, направленной на поддержку человеческого достоинства и укрепление моральных основ общества.

С момента основания ГЦНТ стал инициатором множества социокультурных проектов, объединяющих людей разных возрастов, профессий и мировоззрений. Особое место в его деятельности занимает патриотическое просвещение, направленное на укрепление гражданского самосознания. В рамках этой работы проводятся выставки произведений декоративно-прикладного и изобразительного искусства; книжно-иллюстративные выставки, на которых представ-

ляются документальная и художественная литература, статьи из периодических изданий о событиях и датах воинской славы России: «Непокоренный город», «Битва, изменившая историю», «Без права на забвение», «Защитники Отечества: история и современность» и др.); дни открытых дверей, сочетающие различные виды мероприятий (мастер-классы по декоративно-прикладному творчеству, народной художественной культуре, творческие встречи-концерты, театральные постановки, литературные чтения, фотолокации), в том числе с героико-патриотической тематикой, например: «День защитника Отечества» и «День Великой Победы»).

В рамках культурно-просветительской деятельности центра проводятся лекции и кинолектории по истории и краеведению, на которые приглашаются ученые, исследователи, преподаватели, общественные деятели в качестве лекторов; творческие встречи-концерты, литературные чтения, посвященные знаменательным датам в российской истории; мастер-классы по традиционному декоративно-прикладному искусству для всех категорий населения и всех возрастных групп. Особое место в перечне постоянных мероприятий Центра занимает работа с социально ориентированными некоммерческими организациями в сфере героико-патриотической направленности (экспозиции артефактов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., мастер-классы по народной художественной культуре, круглые столы, конференции, лекции, интерактивные локации, военно-патриотические игры и др.). Основными крупными мероприятиями духовно-нравственного просвещения населения Красноярского края, особенно детей и молодежи, являются: Фестиваль мужских хоров, Открытый фестиваль звонарей Красноярской митрополии «Колокола Сибири», а также мероприятия по поддержке участников специальной военной операции и членов их семей.

Данный обзор направлений деятельности КГЦНТ наглядно демонстрирует, что духовно-просветительская миссия учреждения имеет первостепенное значение для современного общества. Именно через системную работу в сфере культуры становится возможным противодействовать тем вызовам и угрозам, с которыми способен справиться лишь сплоченный народ, осознающий свою ответственность перед страной, активно участвующий в ее развитии, воспринимающий культурное наследие как основу национального единства и нравственной устойчивости и опирающийся на традиционные духовно-нравственные ориентиры [3].

Библиографический список

1. Проект Концепции клубной деятельности в Российской Федерации на период до 2030 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://rcrko.ru/wp-content/uploads/2018/07/%D0%BA%D0%BE%8.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).
2. *Молчанова Н.В., Малухина Г.М.* Центры культурного развития как альтернатива модернизации клубных учреждений культуры // Глобальный научный потенциал. 2021. № 4 (121). С. 141–143.
3. *Романова Л.Н.* Фестиваль народного творчества как социокультурный феномен (на примере международного фестиваля этнической музыки и ремесел «Мир Сибири» // Актуальные проблемы философии и социологии: матер. Всерос. научно-практич. конф. Красноярск, 22 апреля 2021 г. Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2021. С. 59–61.

РОЛЬ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ДУХОВНЫХ НАВЫКОВ У МОЛОДЕЖИ

THE ROLE OF THE TEXTILE INDUSTRY
IN SHAPING PROFESSIONAL AND SPIRITUAL SKILLS
AMONG YOUNG PEOPLE

Ф.Х. Утаева

F.Kh. Utaeva

Текстильная промышленность, профессиональное мастерство, население, духовно-нравственное воспитание, шелк, ткани, фабрика, трикотаж, производство, специализация.

В статье представлена информация об истории шелкоткацких, золотошвейных, швейных и текстильных фабрик в отраслях легкой промышленности. На производстве существует традиция наставничества, где описывается мастерство учителей. Проанализированы данные о создании специальных профессиональных училищ, техникумов легкой промышленности и высших учебных заведений для строительства фабрик, обеспечения занятости населения и повышения профессионального мастерства работников.

Textile industry, professional skills, population, spiritual and moral education, silk, fabric, factory, knitwear, production, specialization.

The article presents information on the history of silk weaving, gold embroidery, sewing, and textile factories in the light industry sector. There is a tradition of mentorship in production, where the expertise of experienced workers is described. The article analyzes data on the establishment of specialized vocational schools, technical colleges for light industry, and higher educational institutions aimed at factory construction, ensuring employment, and enhancing the professional skills of workers.

Бухара и Самарканд являются одними из исторических регионов Узбекистана, где отрасли легкой промышленности, такие как текстильная, золотошвейная и швейная,

опираются на многовековые традиции и богатый опыт. Воспитание гармонично развитого поколения, которое создаст эпоху Третьего Ренессанса в Узбекистане, было определено как приоритетная задача. В концепции «Развитие исторической науки в Узбекистане до 2030 года» указано, что в воспитании молодежи не должно быть перерывов, необходимо обеспечить непрерывность воспитания и образования, привлечение уроков из истории и вооружение историческим мышлением. Кроме того, мы, историки, должны стремиться раскрыть аспекты истории нашей Родины, которые могут послужить уроком для формирования профессиональных навыков у молодежи XXI в.

В нравственном и духовном воспитании молодежи мы опираемся на исторический опыт. Юноши и девушки, участвовавшие в производстве на текстильных фабриках, созданных в Бухаре и Самарканде, также активно участвовали в духовных мероприятиях. В 50–80-х гг. XX в. на высокопроизводительных предприятиях Бухары, таких как шелкомотальная фабрика «10-летие Октября» и золотошвейная фабрика «40-летие Октября», швейные фабрики «20-летие ВЛКСМ» и «XVI съезд партии», «Трикотажная» фабрика, Бухарский текстильный комбинат, а также в Самарканде на шелкомотальной фабрике «Худжум», шелкоткацкой фабрике и швейной фабрике «8 Марта» была проведена масштабная и эффективная работа по подготовке квалифицированных и опытных рабочих кадров для повышения производительности труда [1]. Во второй половине XX в. в городах Бухара, Самарканд и Навои относительно развитыми стали такие отрасли промышленности, как газовая, нефтяная, химическая, легкая промышленность, энергетика, машиностроение, переработка и производство промышленных материалов, жилищное строительство, прядильное производство и другие. В планах развития

народного хозяйства области особое внимание уделялось развитию текстильной промышленности. Для удовлетворения потребности в квалифицированных кадрах до требуемого уровня были организованы технические институты, техникумы и специальные курсы. Также акцент был сделан на процессах обмена практическим опытом. В 1972 г. в Бухаре был открыт Техникум легкой промышленности номер 100. В течение 1972–1979 гг. в техникуме более 2370 молодых людей были обучены секретам текстильной промышленности и подготовлены квалифицированные кадры [2].

Молодые люди, окончившие высшие учебные заведения, техникумы и специальные курсы, начали работать на текстильных фабриках. На фабриках квалифицированные специалисты обучали молодежь в качестве мастеров-наставников. Для достижения высоких показателей в текстильной промышленности уделяется внимание повышению технических знаний и опытной квалификации работников фабрики, бригадиров. Если в 1970–1973 гг. из 230 инженерно-технических работников 83 были работниками с высшим образованием, то к 1980 г. более 1250 специалистов имели высшее образование, более 500 окончили техникумы, почти 80 % имели среднее специальное образование. В 1983 г. выплата стипендий студентам, запланированная в начале года, находилась под контролем результатов их успеваемости. В обеспечении занятости женщин важную роль играли предприятия легкой промышленности, в частности текстильные фабрики, которые являлись одними из ведущих отраслей. На специальных и краткосрочных курсах им преподавали основы ткацкого дела и обеспечивали последующим трудоустройством.

Практические мероприятия, направленные на совершенствование обучения и воспитания старшеклассников, а также их подготовки к трудовой деятельности, проводились

на Бухарском хлопчатобумажном комбинате. На фабриках Самарканда с 6 по 18 мая 1982 г. были организованы дни открытых дверей. В них приняли участие 1896 учащихся средних школ и 1800 родителей. В июле 1982 г. на текстильных фабриках были проведены радиопередачи с участием родителей школьников, отличившихся в работе [3].

В 1982 г. были проведены эффективные мероприятия по приему и обучению новых рабочих для второй прядильно-ткацкой фабрики. Согласно плану, предусматривалось обучение 1137 человек, которое осуществлялось в техникуме легкой промышленности № 100.

На комбинате уделялось большое внимание идейно-политическому воспитанию молодежи. Были созданы комсомольские молодежные группы, в рамках которых формировались кадры для пропагандистских коллективов, занимавшихся совершенствованием процессов прядильного и ткацкого производства. Следует отметить, что текстильный комбинат взял шефство над техникумами, училищами и школами, в частности СПТУ № 30, 32 и 8 города Бухары, а также над средними профессионально-техническими училищами № 9 и 23, что способствовало росту интереса учащихся к текстильной промышленности [4].

На фабриках более 60 процентов работников составляла молодежь. Под лозунгом «Соревнование – крылья к достижениям» партийная организация фабрики входила в число лидеров социалистического соревнования. Первичная партийная организация постоянно занималась общественной деятельностью комсомольцев и членов профсоюза, работающих в цехах.

На Бухарской швейной фабрике «XVI съезд партии» был создан «Почетный стенд», на котором ежемесячно обновлялись и дополнялись фотографии передовиков производства. Ежемесячно на «Почетном стенде» размещались

фотографии около 30 передовиков производства, а также снимки, отражающие процесс их трудовой деятельности. Лучшим работникам вручалась медаль «Передовик соревнования». На фабриках также была организована печать, где регулярно публиковались статьи о деятельности творческой молодежи. Кроме того, были созданы спортивные кружки, способствующие активному досугу и укреплению здоровья работников [4].

В заключение следует отметить, что профессиональные навыки должны формироваться у молодежи еще в школьные годы. Бухара, Самарканд и Навои издревле считались центрами народных промыслов. В связи с этим необходимо регулярно знакомить молодежь с деятельностью швейных и текстильных фабрик, организовывать кружки и другие формы профессионального обучения, направленные на повышение их трудового потенциала.

Библиографический список

1. *Kholmamatovna U.* From The History of The Bukhara Knitting Factory // Jurnal Ilmu Arkeologi Indonesia. 2025. № 1 (1), 8-8.
2. *Махмудов М.* Любовь к профессии // Бухарский текстильщик. 9 июня 1979 г. (Махмудов М. Касб меҳри // Бухоро тўқимачиси. 1979 йил 9 июнь).
3. *Исмаилова Г.* Подготовка женщин – рабочих кадров в Узбекистане. Ташкент: Узбекистан, 1983. 22 с. (Исмоилова Г. Ўзбекистонда хотин-қиз ишчи кадрлар тайерлаш. Тошкент: Ўзбекистон, 1983. Б. 22).
4. Государственный архив Бухарской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 84 (Buxoro viloyat davlat arxivı, 1 – fond, 1 – ro‘uxat, 2 – yig‘ma jild, 84 – varaq).

КОММЕМОРАТИВНЫЙ УЧЕБНЫЙ ПРОЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

A COMMEMORATIVE EDUCATIONAL PROJECT
AS A TOOL FOR PRESERVING HISTORICAL
MEMORY AND SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION
OF STUDENTS OF A PEDAGOGICAL UNIVERSITY

О.В. Рыжкова

O.V. Ryzhkova

Коммеморативный проект, Великая Отечественная война, педагогический вуз, историческая память, духовно-нравственное воспитание.

В статье презентуется опыт по проектированию коммеморативной выставки архивных документов со студентами педагогического вуза, направленной на сохранение памяти о Великой Отечественной войне. Описана методика работы над проектом, охарактеризован получившийся новый образовательный ресурс, представлены результаты его апробации.

Commemorative project, the Great Patriotic War, pedagogical university, historical memory, spiritual and moral education.

The article presents the experience of designing a commemorative exhibition of archival documents with students of a pedagogical university aimed at preserving the memory of the Great Patriotic War. The methodology of working on the project is described, the resulting new educational resource is characterized, and the results of its testing are presented.

Проблемы сохранения исторической памяти о значимых событиях отечественной истории и духовно-нравственного воспитания молодежи в современном быстро

меняющемся мире находятся в фокусе внимания не только исследователей [1; 2; 3; 4], но и государства. Не случайно в последние годы в РФ принят комплекс нормативно-правовых и концептуальных документов, которые регулируют деятельность различных социальных институтов в области духовно-нравственного воспитания молодежи.

Вышеназванные проблемы приобретают особую актуальность в условиях педагогического вуза, выпускники которого, согласно требованиям ФГОС, должны быть способны осуществлять духовно-нравственное воспитание обучающихся на основе базовых национальных ценностей. В современном образовательном пространстве России спектр технологий и инструментов для духовно-нравственного воспитания будущего педагога и развития его исторической памяти достаточно широк. Одним из эффективных, на наш взгляд, является учебное проектирование образовательных ресурсов. Цель данной статьи – презентация опыта по проектированию коммеморативной выставки архивных документов со студентами педагогического вуза, направленной на сохранение памяти о Великой Отечественной войне.

Выставка «Сверстники: студенчество Среднего Урала времен Великой Отечественной войны» стала ключевой структурной частью мультимедийного проекта «PRO_города трудовой доблести», который был реализован в 2025 г. на базе Института гуманитарного и социально-экономического образования ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (ныне ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»). Проект был выполнен студентами 1-го курса под руководством автора статьи в рамках дисциплины «Проектная деятельность», обязательной в вузе для всех студентов 1-х и 2-х курсов.

На выбор темы для всего проекта и выставки повлияли несколько факторов. Определяющим, безусловно, стало 80-летие Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Во-вторых, расположение нашего вуза в городе, которому одному из первых было присвоено почетное звание «Город трудовой доблести», также актуализировало тему проекта. В-третьих, педагогический вуз в Свердловске (ныне Екатеринбург) основан в 1930 г., многие студенты и преподаватели внесли большой вклад в Победу как на фронте, так и в тылу, документальные свидетельства об этом сохранились в музее истории УрГПУ [5]. В-четвертых, у кафедры документоведения, истории, права и русского языка, на которой реализовывался проект, существуют давние партнерские отношения с ведущими архивами Екатеринбурга, в том числе с Центром документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), где отложились интересные документы по теме проекта. В-пятых, кафедра на протяжении нескольких лет разрабатывала тему о трудовых резервах, в том числе о развитии этого феномена в годы Великой Отечественной войны. Накопленный пул оцифрованных документов мог по согласованию сторон использоваться в новом проекте, что значительно сократило время отбора экспонатов для выставки.

Важным этапом в работе было посещение Центра документации общественных организаций Свердловской области и Музея истории УрГПУ (наших партнеров в проекте) и знакомство с их ресурсами. После чего была разработана концепция выставки и начался подбор документов.

Выставку предполагалось разместить в открытом общественном пространстве Технопарка вуза. В связи с этим на ней были использованы не подлинники документов, а их визуальные образы. ЦДООСО для экспонирования документов предоставил 20 переносных планшетов формата

70×50 см. Экспозиционную площадь решено было расширить за счет QR-кодирования объемных материалов с дальнейшим размещением их на планшетах. Визуально-содержательным дополнением к выставке стала инсталляция из копий и вновь созданных студентами документов, которую разместили на открытых полках пристенного шкафа. К выставке студенты разработали квест.

Спроектированная выставка состоит из четырех разделов. Первый раздел содержит визуальные образы документов, позволяющие представить изменения в учебном процессе и воспитательной работе, повседневной жизни студентов вузов в условиях военного времени. Второй раздел посвящен особому типу студенчества – учащимся школ ФЗО, железнодорожных и ремесленных училищ. Документы этих разделов красноречиво свидетельствуют о неоценимом вкладе в Победу военных сверстников современных студентов. В третьем разделе «Графический контекст эпохи» представлены рисунки В.П. Васильева, выполненные художником во время войны для альбома «Урал в Отечественной войне», изданного в 1942 г. Четвертый раздел «Диалог сверстников в эго-документах» посвящен студентам, не вернувшимся с войны. Так, только в 1941–1943 гг. из Свердловского пединститута (так тогда назывался наш вуз) на фронт ушли 186 студентов, из них 70 девушек [6, с. 61]. К сожалению, не все вернулись домой. На завершающем выставку стенде были представлены портреты и информационные справки о тех студентах, чьи имена и судьбы удалось установить благодаря поисковой деятельности современных студентов УрГПУ. В QR-коде на этом планшете было размещено «Письмо в прошлое», письмо студентам-фронтовикам, написанное их современными сверстниками, волонтерами памяти. Оно стало эмоциональным, духовным откликом на прочтение

современными студентами архивных документов о своих сверстниках времен Великой Отечественной войны.

Таким образом, описанный выставочный проект позволил решить комплекс задач: осуществить информационно-эмоциональное погружение студентов в тему служения студенчества Отечеству в годы войны, на конкретных судьбах показать проявление лучших духовно-нравственных качеств молодежи в годину испытаний, развить общекультурные и профессиональные компетенции студентов, вовлечь их в практику социального проектирования, укрепить сотрудничество кафедры с социальными партнерами. Выставочный проект стал своеобразной формой учебной коммеморации Великой Отечественной войны, сочетающей традиционные (поисковая деятельность, передвижная выставка, экскурсия) и инновационные (QR-кодирование, инсталляция, квест и т.п.) формы работы в ходе реализации проекта. Работа в проекте способствовала развитию исторического сознания, профессиональных компетенций и творческого потенциала студентов – будущих педагогов. Созданная выставка архивных документов в онлайн- и офлайн-форматах успешно прошла апробацию как на площадке вуза, так и в других образовательных организациях области. В дальнейшем ее планируется использовать для духовно-нравственного воспитания молодежи в школе и вузе.

Библиографический список

1. *Аникин Д.А.* Военные коммеморации в образовательном пространстве современной России: советское наследие и новые практики // Вестник Московского университета. Сер.: 12. Политические науки. 2024. № 1. С. 27–42.
2. *Истомина И.П.* Профессиональная подготовка будущих педагогов к формированию духовно-нравственных ценностей обучающихся // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2019. № 1. С. 58–65.

3. *Огоновская И.С.* Коммеморативные практики как инструмент сохранения памяти о военной истории России // Одна на всех трагедия и одна Победа: Международная научно-практическая конференция к 80-летию начала Великой Отечественной войны (Оренбург, 28–29 мая 2021 г.): сб. ст. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2021. С. 238.
4. *Ясинская Н.А., Москалева Л.Ю.* Духовно-нравственное воспитание студенческой молодежи: критерии, показатели и уровни // Человеческий капитал. 2024. № 6 (186). С. 301–308.
5. Уральский государственный педагогический университет: очерки истории / отв. ред. В.А. Козлов. Екатеринбург, 2011. 133 с.
6. Уральский государственный педагогический университет: летопись-хроника. 1930–2000 / сост., общ. ред. А.М. Лушников. Екатеринбург, 2000. 426 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СРЕДСТВАМИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

FORMATION OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES
THROUGH HISTORICAL EDUCATION:
THEORY AND PRACTICE

Л.И. Хазбиева

L.I. Khazbieva

Патриотизм, патриотическое воспитание, технологии воспитания.

В статье рассматриваются формы и методы педагогической деятельности, способствующие развитию нравственности обучающихся в рамках образовательного процесса. Автор описывает современные подходы и технологические приемы, основанные на традиционных духовно-нравственных ценностях российского общества.

Patriotism, patriotic education, educational technologies.

The article discusses the forms and methods of pedagogical activity that contribute to the development of students' morality within the educational process. The author describes modern approaches and technological methods based on the traditional spiritual and moral values of Russian society.

История является одной из важнейших областей предметного знания школьного курса, так как формирует представление обучающихся о прошлом своего государства, способствует осознанию обучающимися себя как части мировой истории и культуры. Одной из важнейших задач исторической науки выступает формирование духовной и гражданской идентичности молодого человека, ведь именно исторические знания помогают понять ценности прошлого,

осмыслить опыт предков и выработать личную позицию относительно значимых исторических событий [1, с. 13].

Условия современного общества требуют новых подходов к организации учебно-воспитательного процесса, направляя весь образовательный процесс на развитие у обучающихся качеств гражданина и патриота, понимание ими ценностей коллективизма, уважения традиций и национального достоинства [2, с. 51]. Современная школа стремится развивать личность обучающегося, готового осознанно воспринимать исторический материал, извлекать уроки из прошлого и учитывать культурные особенности не только своей страны, но и народов мира.

Целью статьи являются анализ существующих методов духовно-нравственного воспитания в условиях современной школы и разработка рекомендаций по совершенствованию учебно-воспитательного процесса на уроках истории в школе.

Современное школьное образование характеризуется рядом особенностей, которые влияют на эффективность духовно-нравственного воспитания.

– Инновационность учебных методик. В современное образование активно внедряются новые образовательные технологии, которые направлены на активизацию познавательной активности обучающихся. Примером такой деятельности являются использование интерактивных заданий, проектная деятельность, применение исследовательских методов, работа с источниками и подготовка творческих проектов. Инновационные формы дают возможность глубже погрузиться в изучаемый материал и способствуют формированию критического мышления обучающихся.

– Интернационализация образовательных процессов. Под влиянием глобализации усиливается интерес к изучению зарубежной истории и культурных традиций разных стран. Однако важно при этом сохранять баланс между-

народных стандартов и национальных особенностей. Необходимо учить детей понимать свою историю в мировом контексте, сохраняя при этом национальную самобытность и гордость за достижения предков.

– Информационная насыщенность. Глобальный интернет открывает доступ к огромному количеству информации, и это создает как возможности, так и определенные риски. Педагогу важно научить школьников ориентироваться в потоке информации, анализировать источники, выявлять ложные факты и проверять подлинность документов [2, с. 56].

Таким образом, перед учителем истории стоят достаточно сложные задачи по сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей и передаче важных жизненных принципов подрастающему поколению.

Рассмотрим некоторые эффективные методики, применяемые современными педагогами на уроках истории для реализации целей духовно-нравственного воспитания.

1. Метод проектов. Проектная работа предоставляет школьникам возможность самостоятельно исследовать выбранную тему, вырабатывая при этом собственное мнение и оценивая события прошлого. Такой подход помогает формировать у обучающихся чувство ответственности, умение работать в команде и находить компромиссные решения сложных вопросов [3, с. 7].

2. Использование мультимедийных ресурсов. Применение интерактивных карт, проведение виртуальных экскурсий, просмотр документальных фильмов расширяют кругозор обучающихся, делают занятия интересными и запоминающимися.

3. Работа с художественными произведениями. Знакомство обучающихся с литературными произведениями, кинофильмами, музыкальными композициями помогает им эмоционально воспринимать исторические события, развивать гуманистическое отношение к людям. Искусство обогащает

внутренний мир обучающихся и создает базу для формирования эстетического вкуса.

4. Участие в культурно-просветительных мероприятиях, экскурсиях, посещение музейных экспозиций и тематических выставок формируют у обучающегося зрительный образ прошлого, создают атмосферу сопричастности к важным событиям прошлого. Совместные походы в музеи, посещение памятных мест развивают чувство патриотизма и любви к Родине [3, с. 16].

Изучение истории играет значимую роль в формировании целостной картины мира современных школьников. Важнейшей задачей педагога сегодня становится не просто передача знаний, а трансляция подрастающему поколению традиционного духовного наследия страны, воспитание патриотизма и гражданского самосознания. Для успешной реализации поставленных перед школой задач необходимы инновационные подходы, применение эффективных технологий и систематизация усилий всех участников образовательного пространства.

Педагог должен помнить, что история не просто наука фактов, а источник мудрости и вдохновения для будущих поколений. Поэтому особую ценность приобретает лично ориентированный подход, который стимулирует самостоятельное мышление обучающихся, формирует у них способность критически оценивать события прошлого и осознавать ответственность за будущее.

Библиографический список

1. *Ямбург Е.А.* Воспитание историей. М.: Знание, 1989. 78 с.
2. *Бондаревская Е.В.* Теория и практика личностно-ориентированного образования. Ростов-на-Дону: Булат, 2020. 351 с.
3. Современному воспитанию – современные технологии / авт.-сост.: Л.Н. Нугуманова, Т.В. Яковенко, И.Г. Богуславская. Казань: ИРО РТ, 2019. 80 с.

ПУТИ АКТУАЛИЗАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ

WAYS TO ACTUALIZE TRADITIONAL SPIRITUAL
VALUES IN THE EDUCATIONAL PRACTICE
OF TRAINING SPECIALISTS

Л.А. Грицай

L.A. Gritsai

Духовные ценности, воспитание, образовательная практика, цивилизационный подход, культурная идентичность, традиции, нравственно-патриотическое воспитание.

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты актуализации традиционных духовных ценностей в образовательной практике подготовки специалистов, выявляются педагогические механизмы их адаптации к современным условиям обучения, анализируются возможности интеграции ценностных ориентиров в воспитательные и профессиональные стратегии вуза.

Spiritual values, upbringing, educational practice, civilizational approach, cultural identity, traditions, moral and patriotic education.

The article examines the theoretical and practical aspects of the actualization of traditional spiritual values in the educational practice of training specialists, identifies the pedagogical mechanisms of their adaptation to modern learning conditions, analyzes the possibilities of integrating value orientations into educational and professional strategies of the university.

Актуальность обращения к проблеме адаптации традиционных российских духовных ценностей к условиям современной образовательной практики обусловлена необходимостью сохранения национально-культурной идентичности в контексте глобализационных процессов, усиливаю-

щих риски нивелирования духовных и нравственных ориентиров личности, поэтому институт образования сегодня выступает институциональной средой, способной обеспечить трансляцию базовых ценностей отечественной культуры, закрепленных на государственном уровне в Указе Президента Российской Федерации [1], где традиционные ценности определены как фундамент воспитательной системы и стратегический ресурс национального развития, понимание духовных ценностей как смыслового ядра образовательной политики предполагает обращение к цивилизационному подходу, в рамках которого воспитание рассматривается не только как педагогический процесс, но и как форма сакрализации отечественной истории, интеграции культурного опыта и формирования коллективной идентичности, что придает проблеме особую междисциплинарную значимость.

Проблема актуализации духовных ценностей в образовательной практике требует не формального внедрения этих установок, а создания условий для их личностного принятия, что, как подчеркивает О.В. Гукаленко, предполагает системное структурирование воспитательной работы в вузе с опорой на нормативно-правовую базу и гуманистические традиции отечественной педагогики [2, с. 113], следовательно, ценности могут быть усвоены только при условии их включения в деятельностные формы взаимодействия, основанные на диалоге и совместном поиске смыслов, а не на идеологическом навязывании.

Включение традиционных духовных ориентиров в образовательный процесс гуманитарного цикла, по мнению О.А. Милькевич и А.В. Рябцева, способствует развитию у студентов способности критически осмысливать культурное наследие и выстраивать собственные ценностные позиции, что в перспективе формирует устойчивую мировоззренческую основу профессиональной деятельности [3, с. 33], авторы подчеркивают необходимость модульного подхода,

при котором ценностный анализ художественных, философских и историко-документальных текстов становится инструментом формирования этической и культурной компетентности.

Особое место в актуализации таких ценностей занимает совместная деятельность студентов и преподавателей в культурно-просветительских и волонтерских проектах, так, А.Г. Бермус и соавторы указывают, что именно коллективные формы взаимодействия, интегрирующие эстетические и гражданские компоненты, создают условия для формирования устойчивых ценностных установок, закрепленных в личном опыте участников [4, с. 35].

Таким образом, актуализация традиционных духовных ценностей в образовательной практике подготовки специалистов требует бережного, ненасильственного включения этих смыслов в систему воспитательной работы вуза, где ценность не декларируется, а принимается как внутренне осознанная норма, эффективность подобного подхода обеспечивается сочетанием диалоговых форм обучения, проектной деятельности, цифровых инструментов, что в совокупности формирует у студентов способность соотносить профессиональные действия с духовно-нравственными основаниями отечественной культуры.

Пути актуализации традиционных духовных ценностей в образовательной практике подготовки специалистов

Путь актуализации	Формы реализации	Ожидаемые результаты
1	2	3
Интеграция духовных ценностей в образовательный процесс	Модульные программы гуманитарного цикла, ценностно-смысловой анализ текстов	Формирование мировоззренческой позиции, развитие критического мышления, осознание преемственности традиций

Окончание табл.

1	2	3
Диалоговые формы воспитательной работы	Внеурочные дискуссии, беседы, тематические занятия	Осознанное принятие ценностей через личностное участие, развитие гражданской ответственности
Коллективные культурно-просветительские проекты	Волонтерские акции, культурные проекты, благотворительные мероприятия	Укрепление нравственно-патриотических установок, развитие чувства солидарности
Использование цифровых образовательных инструментов	Виртуальные экскурсии, интерактивные платформы	Визуализация духовных смыслов, повышение мотивации и вовлеченности студентов
Наставничество и межпоколенческая коммуникация	Менторские программы	Трансляция культурных смыслов через личный пример, развитие лидерских и коммуникативных качеств

Таким образом, системная актуализация традиционных духовных ценностей в образовательной практике подготовки специалистов предполагает создание многомерной воспитательной среды, в которой духовные ориентиры не навязываются извне, а становятся внутренним содержанием профессионального и личностного развития студентов. Исходя из этого, эффективность данного процесса обеспечивается сочетанием традиционных и инновационных педагогических средств: от диалоговых форм взаимодействия и модульных гуманитарных курсов до цифровых образовательных ресурсов и системы наставничества при опоре

на нормативно-ценностные ориентиры, закрепленные в государственной политике, именно такое единство методологических и практических подходов позволяет формировать у будущих специалистов готовность к профессиональной деятельности, основанной на духовной ответственности, культурной преемственности и уважении к основам отечественной культуры.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 26.10.2025).
2. *Гукаленко О.В., Елкина И.М.* Приобщение учащихся к традиционным российским ценностям средствами внеурочной деятельности: направления и методики // Приобщение учащихся к традиционным российским ценностям в ходе внеурочной деятельности: методология и практика: сб. докл. и тез. М.: ИСРО РАО, 2022. С. 9–18.
3. *Милькевич О.А., Рябцев А.В.* Формирование традиционных духовно-нравственных ценностей личности: проблемный анализ // Гуманитарные науки. 2023. № 2 (62). С. 31–36.
4. *Бермус А.Г., Гукаленко О.В., Пустовойтов В.Н., Сериков В.В.* Приобщение учащихся к традиционным российским ценностям во внеурочной деятельности: от теории к практике // Мир университетской науки: культура, образование. 2022. № 8. С. 31–42.

НРАВСТВЕННЫЙ СМЫСЛ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ: ОСНОВНЫЕ ЦЕННОСТИ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ШКОЛЬНИКОВ

THE MORAL MEANING OF HISTORICAL TRUTH:
THE MAIN VALUES OF THE NUREMBERG PROCESS
IN PATRIOTIC EDUCATION OF SCHOOLCHILDREN

И.Е. Жарикова

I.E. Zharikova

Патриотизм, нравственное воспитание школьников, Нюрнбергский процесс, история.

Сохранение памяти о Нюрнбергском процессе – задача не только исторического, но и этического характера, требующая многогранного подхода. В статье рассмотрен духовно-нравственный аспект изучения Нюрнбергского процесса, представлена практика работы центра дополнительного образования по формированию патриотического сознания у школьников через нравственные уроки.

Patriotism, moral education of schoolchildren, Nuremberg process, history.

Preserving the memory of the Nuremberg process is a task of not only historical, but also ethical nature, requiring a multifaceted approach. The article discusses the spiritual and moral aspect of studying the Nuremberg process, and presents the practice of the center of additional education in forming a patriotic consciousness among schoolchildren through moral lessons.

Что есть исторические уроки в современном образовании? Учитывая то, что диктует современное время, сегодня изучение истории Российского государства – это не заучивание исторических событий и цифр, это умение понимать изнутри исторический процесс, уметь устанавливать

причинно-следственные связи и, конечно же, высказывать свое личное мнение и отношение к тем или иным событиям.

Учитывая политическую обстановку в современном мире и то, с чем сталкивается российский народ, мы можем уверенно сказать, что одно из ключевых событий, которое сегодня имеет особую значимость, – это Нюрнбергский процесс, ставший финальной точкой во Второй мировой войне.

Почему же главный судебный процесс XX в. продолжает быть в центре внимания и сейчас?

Во-первых, обращение к теме осуждения фашизма в год Защитника Отечества, 80-летия Победы в Великой Отечественной войне уместно в рамках сохранения исторической памяти народа.

Во-вторых, разморозка неонацизма становится настоящей угрозой XXI в., превращаясь в одну из глобальных проблем современности [1, с.163].

В-третьих, современная молодежь не всегда имеет объективное представление о тех непростых процессах, которые происходили в годы войны. Они не знают фигурантов Нюрнбергского процесса.

На территории Старооскольского городского округа проводится муниципальный этап всероссийского конкурса сочинений «Без срока давности», где одна из тем – это «Нюрнбергский процесс». В рамках подготовки к конкурсу школьники, с одной стороны, продемонстрировали заинтересованность к данной теме, а с другой – испытали определенные трудности в ее понимании, так как при всей своей исторической значимости и актуальности она практически не представлена в школьных российских учебниках.

Изучив сочинения школьников, мы поняли, что необходимо провести небольшое анкетирование. Мы провели анализ среди детей и молодежи в возрасте от 14 до 18 лет, задав вопросы: «Знаете ли вы, что такое Нюрнбергский процесс»

(94 % ответили «да», 6 % ответили «нет»), «За что судили фашистов и какая мера наказания им была назначена?» (60 % опрошенных дали точный ответ, 30 % ответили неточно, 10 % не смогли совсем дать ответ).

Проведенный анализ показал, что Нюрнбергский процесс не имеет срока давности, подрастающее поколение не забывает историю, но в то же время современный школьник не имеет точного представления и нужных знаний, что говорит о том, что данный вопрос необходимо изучить более глубоко.

Сегодня перед педагогом стоит вопрос: должны ли школьники понимать всю суть военного трибунала? С одной стороны, кажется, будто достаточно исторической памяти о Нюрнбергском процессе, а с другой – современные реалии подводят нас к переосмыслению, ведь неокрепшими умами подрастающего поколения так легко манипулировать. Что и пытается делать западная политика иностранных государств [2, с. 36].

Поэтому нами было принято решение найти эффективные методы и формы работы по данной теме. Это могут быть нравственные уроки с использованием эвристических методов, нацеливающие обучающихся на самостоятельный поиск и обработку информации или творческие и научные проекты, деловые игры, уроки-размышления.

Педагоги Центра дополнительного образования «Одаренность» проводят ежегодно лектории с использованием эффективных технологий по данной теме, что способствует заполнению пробелов, воспитанию гуманного отношения к окружающему миру, гражданского самосознания и патриотическому воспитанию.

Международный суд над главными идеологами фашистского режима был и остается историческим достижением ведущих держав антигитлеровской коалиции, а духовно-

нравственный аспект процесса представляет собой важную составляющую его исторического, правового и нравственного содержания. Военный трибунал определил ранее несуществующие виды международных преступлений [3, с. 38].

Подводя итог, можно отметить, что формирование гражданской ответственности и любви к Родине у подрастающего поколения всегда было и остается одной из приоритетных задач российского образования. Изучение обучающимися Нюрнбергского процесса может стать ценным инструментом воспитания патриотизма и гражданственности.

Библиографический список

1. Вторая мировая война: уроки истории для Германии и России: материалы Междунар. науч. конф. (Кемерово. 23–25 сентября 2005 г.) / отв. ред.: Ю.В. Галактионов, А.А. Мить. Кемерово, М.: Российские ун-ты, 2006. 345с.
2. *Звягинцев А.Г.* Нюрнбергский процесс. Без грифа «совершенно секретно». М.: Астрель, 2010. 804 с.
3. *Самойлова А.А.* Значение Нюрнбергского процесса в развитии прав человека // Государство и право: теория и практика: матер. V Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, январь 2019 г.). СПб.: Свое издательство, 2019. С. 37–40.

ИННОВАЦИОННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ЧЕРЕЗ СИСТЕМНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ

INNOVATIVE PEDAGOGICAL STRATEGIES
FOR DEVELOPING SPIRITUAL AND MORAL VALUES
IN PRIMARY SCHOOL STUDENTS THROUGH
THE SYSTEMATIC STUDY OF RUSSIA'S HISTORICAL
AND CULTURAL HERITAGE

Д.А. Абдухоликова

D.A. Abduholikova

Духовно-нравственные ценности, младшие школьники, историко-культурное наследие, педагогические стратегии, воспитание, инновационные методы.

Статья посвящена современным инновационным педагогическим стратегиям формирования духовно-нравственных ценностей у младших школьников через системное изучение историко-культурного наследия России. Рассмотрена интегративная методика, которая объединяет историческое образование, литературное развитие и творческие проекты, создавая условия для формирования критического мышления, гражданской идентичности и устойчивых моральных ориентиров.

Spiritual and moral values, primary school students, historical and cultural heritage, pedagogical strategies, education, innovative methods.

This article explores innovative pedagogical strategies for developing spiritual and moral values in primary school students through the systematic study of Russia's historical and cultural heritage. An integrative approach combining history, literature, and creative projects is presented, aimed at fostering critical thinking, civic identity, and stable ethical orientations.

Формирование духовно-нравственных ценностей у младших школьников сегодня становится одной из важнейших задач педагогики [1, с. 15]. Современные социальные трансформации требуют от образовательного процесса не только передачи знаний, но и развития моральной устойчивости, этических ориентиров и гражданской идентичности [2, с. 22]. В этом контексте историко-культурное наследие России выступает уникальным ресурсом, который позволяет воспитывать детей через знакомство с национальной историей, культурой и литературой [3, с. 45].

Особое значение в данной работе имеет интегративная педагогическая стратегия, которая соединяет системное изучение истории и культуры с активными методами формирования духовно-нравственных компетенций. Такой подход позволяет не только расширить кругозор детей, но и вовлечь их в активное осмысление моральных ценностей.

Для достижения целей исследования были использованы несколько взаимодополняющих методов. Анализ педагогической литературы позволил выявить современные подходы к духовно-нравственному воспитанию младших школьников. Сравнительный анализ традиционных и инновационных практик показал преимущества комплексного подхода, который сочетает теорию и практику. Практическая реализация стратегии включала интерактивные уроки истории, творческие и исследовательские проекты, а также групповые обсуждения этических ситуаций [1, с. 20]. Дополнительно применялись наблюдение и анкетирование для оценки эффективности стратегии в учебных классах [3, с. 48]. Использование комплексных методов обеспечивает научную обоснованность исследования и практическую применимость предложенной модели.

Реализация инновационной стратегии показала, что системное изучение историко-культурного наследия вызывает

у детей живой интерес к истории и культуре своей страны [2, с. 25]. Параллельно формируются устойчивые моральные ориентиры и навыки критического мышления. Активное участие в проектах, творческих заданиях и коллективных обсуждениях способствует развитию патриотических чувств и гражданской идентичности. Кроме того, вовлечение детей в дискуссии на моральные и этические темы развивает способность принимать решения и осознанно оценивать последствия своих поступков.

Полученные результаты подтверждают, что интеграция историко-культурного образования с инновационными педагогическими практиками является эффективным инструментом формирования духовно-нравственных ценностей. Комбинация изучения истории, литературы и художественного творчества с проектной деятельностью создает динамичную образовательную среду, где ребенок становится активным участником собственного воспитания [1, с. 28]. Вовлечение детей в исследовательскую и творческую работу способствует развитию критического мышления и закреплению моральных ориентиров, одновременно формируя устойчивую гражданскую позицию [2, с. 30].

Подводя итог, можно отметить, что системное изучение историко-культурного наследия в сочетании с инновационными педагогическими стратегиями обеспечивает комплексное формирование духовно-нравственных компетенций у младших школьников. Предложенные методы позволяют развивать критическое мышление, патриотические чувства и устойчивые этические ориентиры, а практическая реализация стратегии повышает эффективность воспитательной работы в образовательных учреждениях. Этот подход может быть рекомендован для широкого внедрения в программы начальной школы, что делает его ценным как с академической, так и с практической точки зрения.

Библиографический список

1. *Васильева И.П.* Педагогика начальной школы. М.: Просвещение, 2020. 463 с.
2. *Петров А.В.* Воспитание духовно-нравственных ценностей у младших школьников [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovno-nravstvennoe-vozpitanie-shkolnikov-2/pdf> (дата обращения: 31.10.2025).
3. История педагогики и образования: учебное пособие / О.Б. Лобанова, З.У. Колокольникова. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2013. 163 с.

**ФОРМИРОВАНИЕ
ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ
У ОБУЧАЮЩИХСЯ В РАМКАХ
ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ
НА УРОКАХ ИСТОРИИ**

FORMATION OF FUNCTIONAL LITERACY
AMONG STUDENTS IN THE FRAMEWORK
OF SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION
IN HISTORY LESSONS

Н.И. Бабешко

N.I. Babeshko

Научный руководитель **Д.В. Кузнецов**
Research adviser **D.V. Kuznetsov**

Духовно-нравственное воспитание, функциональная грамотность, урок истории.

Первоочередной задачей современной российской школы является духовно-нравственное воспитание школьников. В статье рассматриваются воспитательные возможности функциональной грамотности в системе школьного исторического образования.

Spiritual and moral education, functional literacy, history lesson.

The primary task of modern Russian schools is the spiritual and moral education of schoolchildren. The article examines the educational possibilities of functional literacy in the school history education system.

Одним из важнейших направлений развития современной системы образования является духовно-нравственное образование, которое ориентируется на максимальное раскрытие личностного потенциала ученика и позволяет личности достичь гармонии в физическом, психическом, духовном, социальном и творческом развитии. Важность

данной направленности подтверждается ФГОС ООО [1] и научными работами.

Например, И.П. Подласый в своем учебнике по педагогике говорит о том, что духовно-нравственное воспитание – это изменившиеся требования к традиционному процессу воспитания [2, с. 39]. Е.Е. Вяземский и М.Т. Студеникин говорят о важной роли исторического образования в системе духовно-нравственного воспитания школьников [3; 4].

Понятие «функциональная грамотность» трактуется многими исследователями по-разному. В контексте компетентного подхода функциональную грамотность рассматривает О.Е. Лебедев, выделяя ее как основу для формирования компетентной личности в будущем, способной успешно решать функциональные проблемы, с которыми она сталкивается [5, с. 3–12].

В аналогичном ключе интерпретирует функциональную грамотность А.В. Хуторской. Он считает, что овладеть социальным опытом, получить навыки жизни и практической деятельности в обществе можно при условии владения ценностно-смысловыми, общекультурными, учебно-познавательными, информационными, коммуникативными, социально-трудовыми и компетенциями личностного самосовершенствования. Ученый особо подчеркивает, что структура образовательных компетенций включает в себя также составляющие функциональной грамотности как интегративной характеристики уровня подготовки обучаемого, но не ограничивается только ими [6, с. 108–118]. Таким образом, функциональная грамотность подразумевает развитие способности личности на основе полученных знаний, умений и навыков активно развивать, использовать функциональные качества в системе социальных взаимоотношений, быстро адаптироваться в любой культурной среде, при этом использовать полученные знания в практических ситуациях для успешной адаптации в социальной среде.

Урочная работа – одна из наиболее подходящих форм для развития функциональной грамотности и воспитания духовно-нравственных ценностей. Учителю предоставляется широкий выбор средств и методов для достижения данной цели. Учебный предмет «история» содержит большое количество материала – события, процессы и явления, которые при грамотном рассмотрении в ходе урока дают массив материала как для учебной, так и воспитательной работы.

Одним из способов формирования и развития функциональной грамотности в урочной деятельности является интерактивное обучение. Оно позволяет решать одновременно несколько задач. Главное, оно развивает коммуникативные умения и навыки, помогает установлению эмоциональных контактов между учащимися, обеспечивает воспитательную задачу, поскольку приучает работать в команде, уважать и прислушиваться к мнению людей [7].

На примере темы из учебной программы по истории России 10-го класса рассмотрим, как можно формировать функциональную грамотность в рамках духовно-нравственного воспитания.

История России XX в. содержит множество тем, включающих духовно-нравственный компонент. Например, «Великая Отечественная война. 1941–1945» – в 1941 г. наша страна подверглась атаке нацисткой Германии и ее союзников. В первые дни войны на волне патриотизма и чувства ответственности за судьбу Родины тысячи мужчин идут добровольцами на фронт – яркая страница мужества, самоотверженности и стойкости советского народа. Долгая и тяжелая война – именно на этом примере можно показать ученикам, что значат настоящий патриотизм, жертвенность, героизм русских людей. В ходе изучения материала учащиеся овладевают важными компонентами исторической грамотности: изучают хронологию, узнают территориальное

пространство Великой Отечественной войны, анализируют роль отдельных личностей – полководцев, глав государств, оценивают вклад Советского Союза [8].

В ходе таких уроков необходимо регулярно заострять внимание школьников на духовно-нравственных аспектах исторических событий, учить их анализировать и синтезировать информацию, проводить аналогии с сегодняшним днем.

Таким образом, интеграция духовно-нравственного воспитания в историческое образование является важнейшим условием формирования полноценной личности гражданина и патриота. Эффективное использование возможностей такого предмета, как история, и организация образовательного пространства способствуют формированию функциональных компетенций учащихся, позволяющих успешно адаптироваться в обществе и применять полученные знания в жизненных ситуациях.

Библиографический список

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/401433920/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 03.11.2025).
2. *Подласый И.П.* Педагогика: в 3-х кн.: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям подгот. и специальностям в обл. «Образование и педагогика». 2-е изд., испр. и доп. М.: ВЛАДОС, 2007. Кн. 3: Теория и технологии воспитания. 463 с.
3. *Вяземский Е.Е.* Как сегодня преподавать историю в школе: пособие для учителя. М.: Просвещение, 1999. 110 с.
4. *Студеникин М.Т.* Методика преподавания истории в школе: учебник для вузов. М.: ВЛАДОС, 2004. 238 с.
5. *Лебедев О.Е.* Компетентный подход в образовании // Школьные технологии. 2004. № 5. С. 3–12.

6. Хуторской А.В. Дидактическая эвристика. Теория и технология креативного обучения. М.: Изд-во МГУ, 2003. 416 с.
7. Фрумин И.Д., Добрякова М.С., Баранников К.А. и др. Универсальные компетентности и новая грамотность: чему учить сегодня для успеха завтра. Предварительные выводы международного доклада о тенденциях трансформации школьного образования. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 28 с.
8. Институт развития образования. Федеральная рабочая программа среднего общего образования «История» (базовый уровень) [Электронный ресурс]. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/08/29_ФРП_История_10-11-классы_база.pdf (дата обращения: 29.10.2025).

ЭЛЕКТИВНЫЕ КУРСЫ ПО ИСТОРИИ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ФАКТОР ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

ELECTIVE COURSES ON THE HISTORY
OF THE AMUR REGION AS A FACTOR
IN THE SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION
OF SCHOOLCHILDREN

Я.М. Брехнев

Y.M. Brekhnev

Научный руководитель **Д.В. Буяров**
Research adviser **D.V. Buyarov**

Духовно-нравственное воспитание, элективные курсы, история Амурской области.

Духовно-нравственное воспитание школьников – важнейшая задача современной российской школы. В статье рассматриваются воспитательные возможности элективных курсов по истории Амурской области и их место в системе школьного образования.

Spiritual and moral education, elective courses, history of the Amur Region.

Spiritual and moral education of schoolchildren is the most important task of the modern Russian school. The article discusses the educational opportunities of elective courses on the history of the Amur Region and their place in the system of school education.

Духовно-нравственное воспитание школьников является одной из основных задач образовательных организаций. Это подтверждает и ФГОС ООО [1]. И.П. Подласый утверждает, что духовное и нравственное воспитание – это новые требования к традиционному процессу воспитания [2, с. 39].

Внеурочная работа – наиболее подходящая форма воспитания духовно-нравственных качеств. Учитель свободен в выборе темы, методов и средств. Внеурочное мероприятие может быть полностью посвящено какому-либо аспекту духовно-нравственного воспитания, что делает его более значимым для учеников.

Е.Е. Вяземский, М.Т. Студеникин определяли важное место исторического образования в системе духовно-нравственного воспитания школьников [3; 4]. И действительно, исторический процесс наполнен большим количеством событий, явлений и процессов, которые при грамотном использовании знаний о них учителем создают большой пласт воспитательного материала.

Особое место в системе внеурочного образования занимают элективные курсы. Элективный курс – учебник или учебное пособие, которые являются дополнительными к основному учебнику [5, с. 437].

Элективные курсы по истории имеют цель расширить представление учащихся об исторических событиях или углубить знания по какому-либо периоду истории. Особое место будут занимать элективные курсы по истории родного края. Вместе с тем изучение родного края дает учителю надежный инструмент для реализации государственного образовательного стандарта [6, с.30].

Высок и воспитательный потенциал элективных курсов по истории родного края. В качестве примера будут взяты следующие авторские элективные курсы: «История Амурской области» для 6-х классов, автор учитель истории и обществознания Н.И. Погребская [7]; «История Амурской области» для 5-х классов, автор учитель истории и обществознания П.А. Окуловская [8]; «История Амурской области», автор учитель английского языка А.Е. Юргатова [9].

Тематика этих элективных курсов во многом совпадает, так как темы соотносятся с основными периодами развития

Амурской области. На примере этих тем покажем духовно-нравственный компонент.

Включение Амурской области в состав Российского государства – это длительный процесс, сопряженный многочисленными походами, экспедициями и даже военными столкновениями. Темы, посвященные открытию и освоению Приамурья, могут показать тяжелый путь исследователей по освоению региона. Героическая оборона Абазинского острога от маньчжурских войск – яркая страница мужества и стойкости российского народа. На примерах судеб участников экспедиций можно показать учащимся, что значат слова: верность, долг, честь. Ведь терпя лишения, эти люди служили своему Отечеству.

Приамурье во второй половине XIX – начале XX в. – это еще одна значимая страница в истории региона и страны в целом. Амурская область официально становится частью Российской империи. Начинается переселение крестьян и казаков для хозяйственного освоения региона. Эти темы учат тому, что вера в свои идеалы – приносит их материальную реализацию. Без инициативной деятельности Невельского, Муравьева-Амурского не получилось бы присоединить Амурскую область. Колонизация Амурской области казаками и крестьянами проходила мирно и без уничтожения коренного населения. Через эту тему необходимо продвигать идеи дружбы народов, подчеркивать исторически сложившуюся традицию многонационального государства.

Особое место занимает тема Великой Отечественной войны. Ее духовно-нравственный потенциал трудно переоценить. Нужно лишь упомянуть о том, что судьбы земляков-амурцев, затронутые в тематике элективных курсов, помогут учащимся еще глубже осмыслить героический подвиг советского народа в борьбе с фашизмом.

Таким образом, духовно-нравственное воспитание школьников, будучи законодательно закреплённой в ФГОС и научно обоснованной ведущими педагогами задачей, представляет собой целостный и многогранный процесс. Разработка и внедрение элективных курсов исторической направленности выступает одним из ключевых условий для создания целостной и эффективной системы духовно-нравственного воспитания в современной школе, позволяя не только передавать знания, но и целенаправленно формировать личность гражданина и патриота.

Библиографический список

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/401433920/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 03.11.2025).
2. Подласый И.П. Педагогика: в 3-х кн.: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям подгот. и специальностям в обл. «Образование и педагогика». 2-е изд., испр. и доп. М.: ВЛАДОС, 2007. Кн. 3: Теория и технологии воспитания. 463 с.
3. Вяземский Е.Е. Как сегодня преподавать историю в школе: пособие для учителя. М.: Просвещение, 1999. 110 с.
4. Студеникин М.Т. Методика преподавания истории в школе: учебник для вузов. М.: ВЛАДОС, 2004. 238 с.
5. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий: (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2010. 446 с.
6. Головня Е.В. Использование краеведческого материала на уроках и во внеурочное время // Молодой ученый. 2016. № 5.6 (109.6). С. 29–31.
7. Окуловская П.А. Рабочая программа по курсу «История Амурской области» [Электронный ресурс]. URL: <https://multiurok.ru/files/rabochaia-proghramma-po-kursu-istoriia-amurskoi-oblasti.html> (дата обращения: 12.06.2025).

8. *Погребская Н.И.* Рабочая программа элективного курса «История Амурской области» [Электронный ресурс]. URL: https://hohlst-school.ucoz.com/programma_amurskoj_obl (дата обращения: 12.06.2025).
9. *Юргатова А.Е.* Рабочая программа «История Амурской области» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prodlenka.org/metodicheskie-razrabotki/230339-rabochaja-programma-istorija-amurskoj-oblasti> (дата обращения: 12.06.2025).

РОЛЬ РПЦ В ФОРМИРОВАНИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ КУРСАНТОВ МВД: ИСТОРИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

THE ROLE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
IN THE FORMATION OF TRADITIONAL VALUES
OF CADETS: THE HISTORY OF CONTINUITY

А.С. Туваева

A.S. Tuvaeva

Научный руководитель **М.И. Русаков**
Research adviser **M.I. Rusakov**

Традиционные ценности, историческая преемственность, роль православия, учебные заведения, государственность.

Государство в современных условиях большое внимание уделяет вопросам привития традиционных духовно-нравственных ценностей. В статье рассмотрены исторические параллели влияния аналогичных православных ценностей на курсантов образовательных организаций полиции.

Traditional values, historical continuity, the role of Orthodoxy, educational institutions, statehood.

In the current conditions, the state pays great attention to the issues of instilling traditional spiritual and moral values. The article examines the historical parallels of the influence of similar Orthodox values on cadets of the police.

Образование и его составная часть – воспитание находятся в зоне особого внимания. Зададимся вопросом: какие ценности могут и должны «прививаться» курсантам МВД России: «ни-ни», готов, квадроберов, косплееров, эмо? Или же те ценности, которые сопутствовали

человеку на пути тысячелетней истории православия на Руси? Проведем экскурс в историю. Полиция, по сути, была военизированной, основу костяка служащих составляли армейские офицеры, переведенные по возрасту или состоянию здоровья, а также пришедшие из запаса. В 1782 г. был утвержден «Устав Благодетельства, или Полицейский», закрепивший нравственные принципы деятельности [1, с. 28]. Эти нравственные ценности и культивировались РПЦ в полицейской среде. Распространена была практика совместных праздников в день почитания покровительствующего святого, проходили богослужения, после которых проповедовалось служение отечеству и народу. Празднование продолжалось в помещениях с иконами почитаемых святых, историческими реликвиями, позже перерастая в церемонию награждения, вручения отличительных знаков при повышении в звании. Эти помещения и стали прообразами современных молельных комнат. Будущие жандармы и полицейские в обязательном порядке изучали Закон Божий, а старшие чины – Катехизис [2, с. 2]. Священники включались в состав экзаменационных комиссий. Полиция взаимодействовала с РПЦ для пропаганды священниками гражданам законопослушного поведения. Что же происходит сейчас? Уже в первые дни учебы и службы курсант произносит одни из самых важных в его осознанной жизни – слова торжественной присяги: верность своей стране, народу, служение Отечеству. Историческая преемственность этих ценностей на протяжении веков закладывается в клятвенной присяге тех, кто выбрал стезю государевой службы.

В Конституции РФ говорится: «мы, многонациональный народ страны, приняли этот... документ, будучи соединенными общей судьбой, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, основанное на памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, на преемственности

в развитии Российского государства». Эта преемственность относится и к формированию в образовательных организациях совместно с духовенством традиционных культурно-нравственных ценностей, которым посвящен Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – 809-й Указ). Ценности и цели 809-го Указа во многом перекликаются с нормами, ценностями и моралью Библии, святоотеческих книг, сопровождающими культуру многих поколений русского народа.

Началось широкое внедрение учебных программ «История религий России», направленных на «...представление... знаний о религиозных традициях России в контексте формирования традиционных российских духовно-нравственных ценностей». РПЦ является хранителем исторического набора этико-правовых универсалий, перекликающихся с традиционными ценностями, поименованными в 809-м Указе. Задача пастырей РПЦ – донести эти ценности до молодежи. К этой задаче подключаются не только церковноначалие, духовенство, но и воцерковленные люди многих приходов, ведь Бог, устами пророка Иезекииля, говорит об ответственности ближнего, если он не вразумит человека на исправление при впадении в грех, что свидетельствует о необходимости превенции нарушения основ и норм исторического культурного кода России [3, с. 115]. Нетерпимость к нарушению традиций, уважение к чуждым ценностям могут и должны формировать священнослужители на встречах с курсантами, при работе православных кружков на базе вузов. Патриарх Кирилл отмечал: «...работа с молодежью должна быть сегодня очень неформальной. Надо доискиваться до чего-то того в душах молодых людей, что у них вызывает озабоченность».

Неокрепшие души молодых людей, подвергавшиеся чуждым нашей культуре «наставлениям» со стороны недружественных нам стран в ходе гибридной войны, души, склоняемые и склоненные к противопоставлению себя обществу, государству, светским и церковным властям, своей семье, участвующие и соучаствующие в государственных переворотах, в сожжении заживо людей в «Хатыни XXI в.» – Одесском доме профсоюзов, души людей, участвующих в разорении и ограблении лавр, храмов и монастырей в угоду западным кураторам, – вот что мы видим в тех странах, которые отдали формирование программ по воспитанию молодого поколения на откуп иностранным «коучам» и «спонсорам» их нынешних правителей [4, с. 215].

Возрождающаяся практика духовного окормления курсантов в новых храмах, возводимых на территориях вузов (что все чаще происходит в России, причем по инициативе самих учащихся), которые курсант имеет возможность посещать, приобщаясь к вере предков, участие курсантов и сотрудников учебных заведений МВД в Крестных ходах также способствуют патриотическому воспитанию, ведь для православного человека любовь к ближнему и к «дальнему», к своей Родине, ради которой он готов жертвовать чем-то, вплоть до самопожертвования, начинается с любви к Богу. Есть такой храм и при Нижегородской академии МВД России, в сборе средств на его строительство принимали участие и преподаватели, и курсанты академии.

В заключение хочется отметить, что сонаправленные действия РПЦ и ГУРЛС МВД России в подходах к образованию, в том числе к воспитанию, помогут сформировать у курсантов необходимые духовно-нравственные ценности, правосознание, понимание своей ответственности за действие или бездействие, и по окончании образовательной организации девушка или юноша станут не только

профессионалами-правоохранителями, но и настоящими ответственными гражданами своей великой страны.

Библиографический список

1. Устав благочиния, или Полицейский. Часть первая: Утвержден в Санктпетербурге апреля 8 дня 1782 года. СПб: Сенатская тип., 1782. 75 с.
2. *Рогозов В.* Как церковь помогала российской полиции бороться с преступностью? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.shkolazhizni.ru/law/articles/12225/> (дата обращения: 24.10.2025).
3. Религиоведение: учебник для вузов / под ред. М.М. Шахнович. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 448 с.
4. *Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А.В.* Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России: монография. М.: РУДН, 2015. 581 с.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭКСПОНАТА «ПАРТА ГЕРОЯ»
МУЗЕЯ «СТРАНА ПРИЧАЛИЯ»
(МБОУ СШ № 13 г. КРАСНОЯРСКА)
ПРИ ФОРМИРОВАНИИ
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ**

USING THE “HERO’S DESK” EXHIBIT
AT THE “MOORING COUNTRY” MUSEUM
(MBEI SS No. 13 IN KRASNOYARSK)
IN THE FORMATION OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES
IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Д.П. Кулаков

D.P. Kulakov

Научный руководитель **Е.С. Меер**
Research adviser **E.S. Meер**

Экспонат, Парта героя, школьный музей, духовно-нравственные ценности, воспитание.

В статье показано, как с помощью «Парты героя» школьного музея «Страна Причалия» в МБОУ СШ № 13 г. Красноярск осуществляется духовно-нравственное воспитание детей. Автор считает, что данный экспонат, благодаря наглядности и соучастию обучающихся, является эффективным инструментом в гражданско-патриотическом и нравственном воспитании молодежи.

Exhibit, Hero’s desk, school museum, spiritual and moral values, education.

The article shows how “Hero’s Desk” from the school museum “Mooring Country” at MBEI SS No. 13 in Krasnoyarsk is used to provide spiritual and moral education to children. The author believes that this exhibit, through its visual appeal and the participation of students, is an effective tool in the civic-patriotic and moral education of young people.

Современное Российское государство в целом ряде нормативно-правовых документов акцентирует внимание на создании личности, соответствующей высоким критериям духовно-нравственного развития [1; 2; 3]. В качестве эффективных способов ее формирования у обучающихся общеобразовательных организаций могут выступать методы музейной педагогики.

В данной статье на примере опыта работы в МБОУ СШ № 13 г. Красноярска будет показано, как посредством экспоната «Парта героя» школьного музея «Страна Причалаия» осуществляется работа по духовно-нравственному воспитанию обучающихся.

Образовательный проект «Парта героя» инициирован «Единой Россией». Он функционирует с 2018 г. и реализуется в рамках «Новой школы». Его цель состоит в том, чтобы познакомить ребят с их земляками, проявившими мужество и совершившими героические поступки. Проект направлен на воспитание у школьников чувства уважения к подвигам и добрым делам, а также на развитие интереса к истории России. Экспонат представляет собой обычную школьную парту, на столешнице которой размещен портрет героя, приведены его годы жизни, дано описание жизненного пути, перечислены награды, раскрыты подвиги или достижения, обозначен QR-код, который ведет на страницу с более подробной информацией [4].

Экспонат музея «Страна Причалаия» посвящен Герою Советского Союза – Михаилу Лаврентьевичу Ивченко (29 октября 1916 – 7 октября 1944) [5]. Он состоял снайпером в 8-й стрелковой роте в 28-м гвардейском стрелковом полку 10-й гвардейской стрелковой дивизии 14-й армии Карельского фронта. Его подвиг связан с первым днем Петсамо-Киркенесской операции (7 октября 1944 г.). Тогда его дивизия к югу от озера Чапр штурмовала высоту, известную как Малый Кариквайвиш. Пулеметный огонь

встретил роту Ивченко, когда она приблизилась к одному из дзотов. Роте пришлось залечь. Наступление приостановилось. Но Михаил Ивченко с 10–15 метров закинул в амбразуру гранату. Так как пулеметный огонь тут же возобновился, он бросился на амбразуру, принеся себя в жертву ради общего дела [6, с. 580].

«Парта героя» наглядно позволяет прикоснуться к примеру доблести, отваги и служения Родине. Учащиеся всегда с огромным интересом приобщаются к знакомству с данной экспозицией. Активно вступают в беседы и дискуссии о нравственном выборе в нашей жизни.

При проведении экскурсий руководителем музея или учащимися из кружка «Юный экскурсовод» экспонат, посвященный Михаилу Лаврентьевичу, является обязательным для ознакомления. Также в дни Воинской славы и, конечно, в преддверии Дня Победы экспонат выставляется в учебных классах и иных различных рекреациях образовательного учреждения.

В дни Воинской славы России учащимися проводится работа по тематическому оформлению своего учебного места по примеру экспоната «Парта героя». Учащиеся по своему выбору размещают в классных комнатах на партах визуальную и текстовую информацию о соотечественниках, родственниках и знакомых, которые стали примером проявления духовной нравственности, патриотизма, долга и самопожертвования. Данный вид работы полностью стал результатом инициативы учащихся после ознакомления с экспонатом. Это является ярким доказательством эффективности использования методов музейной педагогики при формировании духовно-нравственных ценностей у обучающихся.

Таким образом, школьный музей вносит неоценимый вклад в воспитание подрастающего поколения. В частности, экспонат «Парта героя» «Страны Причалии»

в МБОУ СШ № 13 г. Красноярска эффективно включен в этот процесс посредством наглядности и соучастия обучающихся. Пример героизма, отваги и самопожертвования может выступать в качестве инструмента в гражданско-патриотическом и нравственном воспитании молодежи, что является весьма актуальным в год восьмидесятилетней годовщины Победы в Великой Отечественной войне.

Библиографический список

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 20.10.2025).
2. Приказ Минпросвещения России от 31.05.2021 № 287 (ред. от 18.06.2025) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389560/ (дата обращения: 20.10.2025).
3. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 20.10.2025).
4. Рекомендации по организации всероссийского проекта «Парта героя» [Электронный ресурс]. URL: <https://mcvr.ru/wpcontent/uploads/2024/07/rekomendaczii-po-realizaczii-proekta-parta-geroia.pdf> (дата обращения: 20.10.2025).
5. Публичная страница МБОУ СШ № 13 [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-210947407_4102 (дата обращения: 20.10.2025).
6. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь: в 2 т. / пред. ред. колл. *И.Н. Шкадов*. М., 1987. Т. 1: Абаев – Любичев. 911 с.

КОЛОНИАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ В ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

THE COLONIAL PAST
IN THE BRITISH SCHOOL CURRICULUM

А.А. Сницкая

A.A. Snitskaya

Научный руководитель **А.В. Буденкова**
Research adviser **A.V. Budenkova**

Колониализм в преподавании, колониальное прошлое Великобритании, школьное историческое образование, колонизация, эволюция определения слова «колония».

В работе рассматриваются изменения в преподавании темы «колониального прошлого Великобритании» по истории Объединенного королевства. Автор затрагивает эволюцию лексической единицы «колония» в английском языке в зависимости от исторического периода и отношения граждан к колониальным завоеваниям, анализирует современное восприятие темы британских колоний в преподавании, приводя точки зрения академического сообщества, обучающихся и политиков Великобритании.

Colonialism in education, Britain`s colonial past, school history education, colonization, evolution of the term “colony”.

The article explores the changes of education in teaching the topic of the “British Colonial past” within the history curriculum of the United Kingdom. The author researches the evolution of the lexical unit “Colony” in the English language, depending on the historical period and changing public attitudes towards colonial conquests. The paper also highlights the contemporary perception of the British colonies in educational practice, presenting the viewpoints of the academic community, students and the British politicians.

На данный момент в Великобритании остро стоит вопрос о необходимости внедрения в процесс школьного образования отличной от устоявшейся точки зрения на колони-

альное прошлое государства. На сегодняшний день можно говорить о возникшем конфликте между частью населения и властью на почве отображения исторических действий Великобритании как правильных и гуманных решений, без уточнения жестокости и несправедливости по отношению к коренным народам Индии, Африки и других английских колоний и доминионов.

Население, научное сообщество и политические лидеры Великобритании имеют разные точки зрения на ситуацию. Так, например, Анейра Русе-Макклью в своей статье отражает мнение о том, что в школах Великобритании необходимо показывать не только величие Британии, но и обратную сторону исторических событий, ведь узкое понимание исторического значения английских колоний приводит к трудностям в прогрессе общества и государства, например вызывает затруднения в борьбе с расизмом [1]. Есть и другие мнения. Так, в выступлении преподавателя колледжа Грешам Ричарда Эванса ситуация рассмотрена с той точки зрения, что не только Великобритания совершала жестокие действия в своих колониях, но также есть государства, которые были более жестокими и бесчеловечными [2]. При этом Ричард Эванс поддерживает убежденных в том, что, несмотря ни на что, колониальное прошлое Великобритании должно быть в программе школ и университетов для решения вопроса расизма в государстве.

Если обратиться к точке зрения британского правительства, необходимо упомянуть петицию 2020 г. [3], в которой граждане голосовали за введение обязательной темы о колониальном прошлом в учебный план. Для представления данной петиции на рассмотрение Парламента Великобритании из 100 000 необходимых голосов в итоге было собрано 268 772 подписи. В Парламенте Великобритании рассмотрели петицию и отклонили ее. В своем ответе государственная

власть сослалась на уже существующую обязательную тему «Идеи, политическая власть, промышленность и империя: Британия 1745–1901». Также в плане присутствуют примеры тем, которые выбираются школами и учителями. В ответе имеется ссылка на учебный план по предмету истории [4], в который занесен данный период истории Великобритании, как обязательный, а в примерах тем прописаны: первая колония в Америке и первый контакт с Индией, а также трансатлантическая работоторговля Великобритании. Исходя из этих данных, в учебном плане есть возможность преподавания данной темы, но это остается на усмотрение школ и самих учителей.

Также необходимо рассмотреть точку зрения учащихся. В статье бакалавра педагогических наук Бристольского университета Керри Парсонс [5] рассказывает о своем опыте обсуждения колониального прошлого со студентами и преподавателями английских и пакистанских университетов. Как выяснилось, никому из них не говорили о насилии во время колонизации, а в некоторых случаях учебная программа была сильно ограничена и заканчивалась на Викторианской эпохе. Но если даже учебный план включал в себя изучение английских колоний, то о жестокости не рассказывали и подробности не уточняли. Так, у студентов не было полноценного взгляда на колониальное прошлое после обучения по такой учебной программе.

Общество желает знать правду о своей истории для того, чтобы решить актуальные на современном этапе общественные и политические проблемы. Исходя из статьи Керри Парсонс и Хелен Кары [6], тему колонизации приходится изучать самостоятельно через художественную литературу, статьи и видео, потому что в учебной программе тема изучается поверхностно и не рассматривает другие точки зрения, создавая впечатление великого государства,

которое помогает другим нациям. Также Керри Парсонс упоминает, что даже в университетах в 1990-х гг. тема колонизации была завуалирована и преподавалась без подробностей. Как итог, английское общество не может в полной мере оценивать период колониального прошлого, так как в учебной программе оно завуалировано в более широких темах, нет особого анализа политической ситуации и действий Великобритании, колонизация преподносится как освободительное движение, скрываются важные факты об этом историческом периоде. На данный момент современная молодежь желает знать правду для понимания современных социальных и политических изменений. Например, движение английской молодежи «Why is my curriculum white?», которое началось с видео студентов университетского колледжа Лондона [7]. В видео студенты высказываются о том, что колониализм нормализовал историю, в которой «белые» люди занимают более высокую позицию, чем другие расы.

Об изменении отношения к колониальному прошлому свидетельствуют и изменения термина «colony» в зависимости от общественного устройства в определенные периоды истории Великобритании. Поскольку школьное образование оперирует прежде всего общепринятыми понятиями и терминами, мы обратились к британским словарям. Изначально в них присутствовало только слово «colony», другие термины, как «colonization», «colonize», появились в середине XVIII в. и упоминаются в Oxford English Dictionary [8]. В словаре Сэмюэля Джонсона (1755), у слова «colony» всего два значения: переселенцев и плантаций [9]. Однако к XX в. значений становится больше. Так, в Оксфордском английском словаре имеется уже 9 значений. С увеличением напряжения по вопросу о колониальном прошлом Великобритании, термин развивается, имея уже множество значений. На данный момент основным значением термина «colony»

является страна или местность, которая контролируется более сильным государством. Таким образом, значение термина сильно изменилось, исходя из политических изменений и более широкого распространения фактов об исторических событиях.

В современном обществе Великобритании тема колониального прошлого в учебном плане является острым вопросом о британской идентичности и узком представлении об истории государства. В данном вопросе есть множество мнений, но на сегодняшний день нет решений.

Библиографический список

1. Aneira Roose-McClew Teaching the British Empire. Why students deserve more than an incomplete history // Teachwire. 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.teachwire.net/news/teaching-the-british-empire-why-students-deserve-more-than-an-incomplete-history/> (дата обращения: 27.10.2025).
2. The British Empire Compared to its Contemporaries. Professor Richard J Evans, Gresham College [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/U8FDhYzpbU?si=KBoWhSdRJmkfG-YZ> (дата обращения: 28.10.2025).
3. Petition Teach Britain`s colonial past as part of the UK`s compulsory curriculum // UK Government and Parliament. 28.07.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://petition.parliament.uk/archived/petitions/324092> (дата обращения: 28.10.2025).
4. National curriculum in England: history programmes of study // Gov Uk. 11.09.2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/national-curriculum-in-england-history-programmes-of-study/national-curriculum-in-england-history-programmes-of-study> (дата обращения: 28.10.2025).
5. Kerry Parsons Where was the colonial history in our education? // School of Education University of Bristol. 08.05.2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://schoolofeducation.blogs.bristol.ac.uk/2021/06/08/where-was-the-colonial-history-in-our-education/> (дата обращения: 28.10.2025).

6. Why We Need To Learn About Colonialism // HelenKara. 13.07.2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://helenkara.com/2023/07/13/why-we-need-to-learn-about-colonialism/> (дата обращения: 28.10.2025).
7. Why is my curriculum white? [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/Dscx4h2l-Pk?feature=shared> (дата обращения: 09.11.2025).
8. Oxford English dictionary [Электронный ресурс]. URL: https://www.oed.com/dictionary/colonization_n?tab=factsheet#8918549 (дата обращения: 09.10.2025).
9. Samuel Jonson`s dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://johnsonsdictionaryonline.com/views/search.php?term=colony> (дата обращения: 09.10.2025).

ОПЫТ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОБЛЕМ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА ГУМАНИТАРНЫМИ ПУТЯМИ

EXPERIENCE OF OVERCOMING THE PROBLEMS
OF TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY
BY HUMANITARIAN WAYS

Н.А. Гришин

N.A. Grishin

Научный руководитель **Л.Э. Мезит**
Research adviser **L.E. Mezit**

Технологический суверенитет, школа, образование, внеурочная деятельность.

В статье рассматривается существующая проблема формирования технологического суверенитета Российской Федерации – недостаточное внимание к школьному образованию, особенно к предметам гуманитарного цикла. Автор анализирует свой опыт формирования навыков будущих технических специалистов в школах.

Technological sovereignty, school, education, extracurricular activities.

The article addresses the existing problem of the formation of technological sovereignty of the Russian Federation – insufficient attention to school education, especially to Humanitarian subjects. The author analyzes his experience in developing the skills of future technical specialists in schools.

На сегодняшний день программа технологического суверенитета Российской Федерации активно развивается [1]. Уже вышло достаточное количество нормативных актов, уточняющих ее содержание и планируемые цели, о достижении же конкретных результатов программы открытой

информации имеется крайне мало, что вызывает много дискуссий вокруг достижения ее целей.

Государственная политика реализуется в основном за счет создания большего количества технических вакансий, оптимизации технических направлений высшей школы и поддержки компаний, напрямую формирующих технологический суверенитет. Мы считаем, что одна из причин непосредственной дискуссионности программы технологического суверенитета РФ – отсутствие должного внимания к школьному уровню образования.

Именно школьные учителя во многом способствуют формированию необходимых в профессии навыков у будущих технических специалистов [2, с. 27]. Особенный вклад здесь вносят учителя предметов гуманитарного цикла, ведь именно на таких предметах, как история, формируются навыки критического и аналитического мышления, прогнозирования и планирования, построения умозаключений и поиска причинно-следственных связей – без чего не обойтись профильному техническому специалисту.

За время четырех практик при школьных общеобразовательных учреждениях нам удалось поработать с совершенно разными учебными коллективами: учениками начальной школы, среднего звена, а также более длительный опыт был с двумя классами физико-математической направленности – 8-м и 10-м. Была проведена как урочная, так и внеурочная работа с учениками.

Во время первой практики при школе № 160 мы занимались организацией и проведением внеурочных мероприятий с учениками разных возрастов, преимущественно в рамках средней школы. Нами было проведено два общешкольных мероприятия и одно внеурочное, все были связаны с важными календарными датами. Были апробированы различные формы работы с учениками: проблемные

дискуссии, игровые формы, открытые уроки. Ученики средней школы изначально демонстрировали хороший уровень познавательных и коммуникационных компетенций, но к последнему мероприятию мы увидели рост активности и качества участия в работе.

С начальными классами удалось поработать в рамках летней практики в школе № 154, у нас был сборный состав учеников 1-го и 2-го классов. Основной упор мы делали на организацию дискуссий и развитие креативного мышления с построением аргументации. Вначале ученики, редко до этого работавшие в подобных форматах, не проявляли заинтересованности. С течением времени они становились все более открытыми, а их ответы – более аргументированными. Опыт месячной работы продемонстрировал рост познавательных возможностей учеников начальной школы.

Более длительная работа была с двумя физико-математическими классами в школе № 145, она выражалась в проведении уроков истории и обществознания, а также организации внеурочной деятельности. Десятый класс изначально работал на уроках достаточно неоднозначно, у класса была средняя успеваемость, малый интерес, но, как оказалось, большой потенциал. Со временем они начали включаться в работу в различных формах, а средний балл за работу и полнота ответов увеличились. На их уроках мы использовали исключительно интерактивные формы работы для активизации их самостоятельной познавательной деятельности – кейс-стади, мозговые штурмы, ролевые симуляции и прочее.

Восьмой класс в начале практики уже обладал высокой успеваемостью и активностью в работе, однако их навыки были слабо сформированы из-за небольшого разнообразия видов деятельности в их привычной работе на уроке. Акцент с ними был сделан на использовании отличающихся

технологий ради сбалансированного развития предметных и метапредметных компетенций. С восьмым классом также удалось проводить регулярные классные часы, в рамках которых активно применялись дискуссии и несложные, но развивающие задания, такие как мини-кейсы, викторины и др. Общий опыт работы с физико-математическими классами показал, что при отличающейся успеваемости в классах наблюдались схожие проблемы с познавательными и коммуникационными метапредметными компетенциями. Частично к моменту окончания работы с обоими классными коллективами общую ситуацию в классах удалось скорректировать, но не избавиться совершенно от всех препятствий.

Подобный опыт работы с различными возрастными группами в разных обстоятельствах (урок истории и обществознания, внеурочная работа, пришкольный лагерь) показывает, что образовательные препятствия могут возникать при совершенно разных внешних обстоятельствах. У учеников школы наблюдались трудности с навыками критического мышления, аналитического мышления, коммуникационными навыками и т.д. Мы считаем, что во многом неуспешность программы реализации технологического суверенитета РФ связана с недостаточным вниманием к школьному образованию. В текущей ситуации государственная программа предполагает «лепить» высококвалифицированного специалиста из уже взрослого человека, у которого могут быть несформированными базовые метапредметные компетенции, являющиеся показателями успешности в любой профессиональной деятельности, в том числе и в рамках построения технологического суверенитета.

В качестве пути разрешения проблемы мы рассматриваем увеличение должного внимания государственной программы к школьному уровню образования, к примеру облегчение нагрузки на учеников с целью понижения количества

опыта в угоду качеству и проработке навыков. Помимо этого, можно организовывать мастер-классы в школах от представителей технических профессий и многое другое. Учителя выступают мостом всей программы технологического суверенитета, от нашего профессионализма во многом зависит реализация этой государственной программы.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 25.10.2025).
2. *Петрова О.В.* Роль Минобрнауки России в достижении технологического суверенитета России // Образование будущего и будущее образования – ISMED'2025: Программа и тезисы докладов Международной конференции по развитию современного образования. Москва, 24–27 марта 2025 г. М.: Актуальные проблемы фундаментальных наук, 2025. С. 27.

**РЕАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА
В ВУЗОВСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ
(НА ПРИМЕРЕ ГУМАНИТАРНОГО ИНСТИТУТА
СФУ И ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
КГПУ им. В.П. АСТАФЬЕВА)**

IMPLEMENTATION OF THE REGIONAL COMPONENT
IN UNIVERSITY HISTORICAL EDUCATION
(ON THE EXAMPLE OF THE HUMANITIES INSTITUTE
OF SFU AND THE HISTORY DEPARTMENT
OF KSPU NAMED AFTER V.P. ASTAFYEV)

М.И. Зацепина

M.I. Zatsepina

*Региональный компонент, историческое образование, СФУ,
КГПУ им. В.П. Астафьева.*

В статье рассматривается содержание дисциплин с региональным компонентом, которые включены в образовательные программы бакалавриата и магистратуры гуманитарного института СФУ и исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева.

*Region component, historical education, SFU, KSPU named after
V.P. Astafiev.*

The article examines the content of disciplines with a regional component, which are included in the educational programs of the bachelor's and master's degrees of the Humanities Institute of SFU and the History Department of KSPU named after V.P. Astafiev.

Согласно Концепции преподавания истории России для неисторических специальностей, в образовательных программах необходимо сделать акцент на многонациональном и поликонфессиональном характере российского государства и социума на всем историческом пространстве. вузы с историческими специальностями также ставят перед

собой данную цель. Достичь ее помогает региональный компонент в образовании. В образовательных программах исторического образования СФУ и КГПУ им. В.П. Астафьева в период с 2018 по 2024 г. присутствуют несколько дисциплин с региональным компонентом. Задача нашего исследования – при помощи контент-анализа рассмотреть их содержание.

В СФУ в программе бакалавриата по направлению «История» с 2022 по 2024 г. реализуется 1 обязательная дисциплина «История Сибири» и 1 дисциплина по выбору «Этнография народов Сибири» [1]. Цель первой дисциплины – формирование знаний о закономерностях и особенностях истории Сибири в контексте общероссийских тенденций. Курс охватывает периоды от первых государственных образований до 2012 г., включая ключевые события и процессы, такие как присоединение Сибири к России, революция 1917 г., Гражданская война, НЭП, индустриализация, коллективизация и послевоенное восстановление. При освоении дисциплины «Этнография народов Сибири» студенты изучают основы этнологии, где классифицируют этносы, выясняют их признаки и характеристики, знакомятся с национальным составом Сибири, расселением отдельных этносов. В 2021 г. в магистерской программе «История Азии и Африки» реализовывались 1 обязательная дисциплина «История социокультурного освоения Сибири XVII – начала XX в.» и 1 дисциплина по выбору «История Сибири» [2]. Цель первой дисциплины – углубленное изучение социальной и культурной жизни Сибири XVII – начала XX в. и влияния различных процессов на социокультурную идентичность региона. Формирование знаний об основных закономерностях, событиях, процессах истории Сибири, конкретного представления об историческом пути, региональных особенностях Сибири

в контексте общероссийских тенденций исторического развития – цель дисциплины «История Сибири». Ее разделы включают в себя анализ истории Сибири по следующим периодам: с древнейших времен до конца XVI в., с XVII – начала XX в., с 1917 по 1945 г., с 1946 по 2014 г. С 2021 г. в магистерской программе «Отечественная история» содержится 1 факультативная дисциплина «История административно-территориального деления Сибири», с 2024 г. в учебный план добавлена дисциплина «Микроисторические исследования Сибири», которая свидетельствует о расширении методологических подходов в изучении истории Сибири [3]. При освоении дисциплины студенты анализируют становление и развитие микроистории как методологического подхода в России и за рубежом, основные направления микроисторических исследований Сибири на современном этапе. Дисциплина «История административно-территориального деления Сибири» отражает комплексный подход к изучению административно-территориального деления не только Сибири, но и России в разные исторические периоды.

В программах бакалавриата исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева реализовывалась 1 дисциплина по выбору «История Приенисейского края», которая разделена на две части: дореволюционный период и советский, постсоветский период [4]. В дисциплине «История Приенисейского края в дореволюционный период» содержатся задачи, связанные с анализом основных этапов развития Енисейской губернии, изучением роли исторических источников в характеристике истории края, знакомством с методами организации историко-краеведческого исследования в школе. Темы, раскрытые во второй части дисциплины, отражают общественно-политическую жизнь, социально-культурное развитие губернии и края с 1920-х по 2000-е гг.

В магистерских программах исторического факультета с 2019 по 2022 г. региональный компонент отсутствует, но с 2023 г. в магистратуре направления «Социально-историческое образование в условиях меняющихся профессиональных стандартов» региональный компонент содержится в дисциплине «Изучение дискуссионных вопросов отечественной истории с древнейших времен до 1914 г. и региональный аспект» [5]. В четвертом разделе обсуждаются новые подходы к изучению истории Сибири, история Красноярского края XVII–XVIII вв. и в XIX – начала XX вв. В 2025 г. планируется увеличение количества дисциплин, которые связаны с региональной историей. Магистерская программа «Теория и практика в изучении и преподавании истории» будет включать в себя четыре дисциплины с региональным компонентом: «Сибирь в российско-китайских отношениях», «История образования в Сибири», «Этнокультурные особенности развития Приенисейской Сибири», «Культурное развитие Красноярского края».

Таким образом, гуманитарному институту СФУ удалось сохранить региональный компонент в программах бакалавриата без кардинальных изменений. Содержание регионального компонента магистерской программы направлено на расширение методологических подходов при изучении истории Сибири. На историческом факультете КГПУ им. В.П. Астафьева с 2019 до 2022 г. в программах бакалавриата существовали полноценные курсы, которые с учетом новых требований преподавания истории в школе могли бы стать основой для учителей по созданию содержания и реализации регионального компонента в школе. С 2025 г. в магистерской программе взят курс на увеличение дисциплин с региональным компонентом по новым направлениям, которые ранее не реализовывались в рамках отдельных курсов.

Библиографический список

1. 46.03.01.30 История: Рабочие программы дисциплин по году набора [Электронный ресурс]. URL: https://www.sfu-kras.ru/sveden/education/rpd?oop_code=46.03.01.30&oop_title=История (дата обращения: 20.10.2024).
2. 46.04.01.01 История Азии и Африки: Рабочие программы дисциплин по году набора [Электронный ресурс]. URL: https://www.sfu-kras.ru/sveden/education/rpd?oop_code=46.04.01.01&oop_title=История%20Азии%20и%20Африки (дата обращения: 20.10.2024).
3. 46.04.01.03 Отечественная история: Рабочие программы дисциплин по году набора [Электронный ресурс]. URL: https://www.sfu-kras.ru/sveden/education/rpd?oop_code=46.04.01.03&oop_title=Отечественная%20история (дата обращения: 20.10.2024).
4. Образовательная программа «44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.kspu.ru/assignment/481?year=2019&courseTypes=1%2C2> (дата обращения: 20.10.2024).
5. Образовательная программа «44.04.01 Педагогическое образование – Социально-историческое образование в современных условиях (о)» [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.kspu.ru/assignment/293?year=2023&courseTypes=1%2C2> (дата обращения: 20.10.2024).

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

**СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ
ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ НА КВЖД
В ВОСПОМИНАНИЯХ «ХАРБИНЦЕВ»
В АВСТРАЛИИ И СИБИРИ¹**

PRESERVATION OF TRADITIONAL
SPIRITUAL AND MORAL VALUES
OF THE RUSSIAN EMIGRATION TO THE CER
IN THE MEMOIRS OF THE “HARBIN PEOPLE”
IN AUSTRALIA AND SIBERIA²

В.Г. Дацышен

V.G. Datsyshen

«Харбинцы» в России и Австралии, публикация воспоминаний, духовно-нравственные ценности.

Работа посвящена проблемам формирования и сохранения духовно-нравственных ценностей бывших русских эмигрантов в Китае. Исследование выполнено на основе воспоминаний русских «харбинцев», опубликованных в России и Австралии в конце XX – начале XXI в.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ), проект № 23-48-00004 «Китайско-Восточная железная дорога как трансграничная социокультурная система: история строительства, реконструкция и моделирование механизмов охраны культурного наследия», <https://rscf.ru/project/23-48-00004/>

² The study was supported by the Russian Science Foundation grant, project No. 23-48-00004 “The Chinese Eastern Railway as a transboundary socio-cultural system: history of construction, reconstruction and modeling of mechanisms for protecting cultural heritage”, <https://rscf.ru/project/23-48-00004/>

“Harbinians” in Russia and Australia, publication of memoirs, spiritual and moral values.

The paper is devoted to the problems of formation and preservation of spiritual and moral values of former Russian emigrants in China. The study is based on the memoirs of Russian “Harbinians” published in Russia and Australia in the late 20th and early 21st centuries.

Во второй половине XX в., в 1954–1962 гг., русские эмигранты, жившие на КВЖД, в подавляющем большинстве покинули Северо-Восточный Китай. Половина эмигрантов выехали на историческую родину, осев в основном в Сибири и на Урале. Значительная часть оставшихся русских выехали в Австралию. Покинув Северо-Восточный Китай, русские эмигранты не растворились среди местного населения принимающих обществ, сохранив базовые ценности и основы своей культуры. Выходцы из Северо-Восточного Китая независимо от страны проживания стали именовать себя «харбинцами». Духовно-нравственные ценности, позволившие сохранить основы традиционной русской культуры в условиях эмиграции и реэмиграции, нашли отражение в воспоминаниях бывших эмигрантов, вышедших в конце XX – начале XXI в. в Австралии и Сибири.

В конце 1960-х гг. бывшие русские эмигранты в Маньчжурии создали в Австралии общественную организацию «Объединение инженеров, окончивших Харбинский политехнический институт». Эта организация выпускала в Сиднее журнал «Политехник». В конце XX в. в Австралии начал выходить русскоязычный журнал «Австралиада», в котором также публиковались воспоминания «харбинцев» о жизни в Китае. В годы советской перестройки во второй половине 1980-х гг. в Советском Союзе появляется движение «харбинцев». В условиях кризиса «марксистско-ленинской»

идеологии и развала СССР русская идентичность стала привлекательнее советской идентичности. И здесь духовно-нравственные ценности русской эмиграции оказались привлекательными, а исторический опыт харбинцев стал востребован. Сами «харбинцы» получили возможность выступить в качестве особой социальной группы и открыто транслировать свои ценности. Дополнительным стимулом стала нормализация советско-китайских отношений, востребованность знаний и деловых качеств выходцев из Китая, их опыт взаимодействия с китайцами.

В 1988 г. в Новосибирске была создана «Ассоциация друзей Харбинского политехнического института», позднее преобразованная в ассоциацию «Харбин». Русские реэмигранты в Новосибирске издавали газеты «Харбин» и «На сопках Маньчжурии». В 1995 г. в Екатеринбургское отделение ассоциации «Харбин» начало издавать газету «Русские в Китае». Затем с 1998 г. в Челябинске стал выходить альманах «Русская Атлантида». Воспоминания «харбинцев» публиковались и в специализированных сборниках [1; 2]. В опубликованных воспоминаниях русских выходцев из Китая отражены духовно-нравственные ценности, определявшие их жизнь на КВЖД.

Одним из ярких представителей русских реэмигрантов в Сибири – выходцев из Северо-Восточного Китая был Г.А. Мыслин, стоявший у истоков общественного движения «харбинцев». В начале 1990-х гг. он писал: «Да, в Харбине не было... звезд мировой величины... Но в Харбине жили простые россияне, которые в невероятно сложных внешних и внутренних условиях своего бытия сохранили российский город, культуру, быт и традиции России тогда, когда в других регионах русского зарубежья об этом не могли даже и мечтать» [3, с. 2].

В воспоминаниях часто подчеркивается, что выезд из Харбина был обусловлен невозможностью сохранения там традиционного образа жизни: «Вообще, пятидесятые годы стали для наших людей необходимостью принятия решения об окончании проживания в этом городе. Нас лишили возможности продолжать нормальный образ жизни» [1, с. 19].

Харбинцы разных поколений подчеркивали, что основы их культуры, духовно-нравственные ценности были сформированы в детстве в Китае. Австралийская «харбинка» Т. Глувчинская написала: «Детство в Харбине – это основа мировоззрения, это, можно сказать, духовная микрофлора для развития личных качеств, убеждений и принципов. Привита была чуткость к нуждам ближнего, любовь к русской культуре, литературе и Православию» [1, с. 35]. Выходец из Харбина П. Главучинский писал: «Анализируя мое детство в Харбине, я признаю, что не все, что я видел и испытал, было положительным. Было и хорошее, и плохое. Самое главное, что школа, общество, семья и церковь привили на всю жизнь любовь к русскому языку, литературе, Православной церкви, друзьям детства, а самое главное, дожить семьей» [1, с. 39].

Во всех воспоминаниях особое внимание уделяется семье. Типичными были такие утверждения: «Именно с ней, моей любимой, мы создали семью, прожили в любви и согласии шестьдесят два года, воспитали двоих сыновей, от которых пошли семеро внуков» [1, с. 70]. В воспоминаниях часто говорится о традиционных православных свадьбах, в центре которых был обряд венчания. Например, в одном из номеров газеты «Харбин» за 1992 г. под общей рубрикой «Харбинские свадьбы» были помещены воспоминания шести человек. В завершение воспоминаний отмечалось: «Разводы были очень редки. Наверное, потому, что не было скороспелых браков» [4, с. 5].

В своих воспоминаниях «харбинцы» в первую очередь указывали на сохранение традиций православной религиозной жизни. В описании родных мест типичными являются такие воспоминания: «Главное, что объединяло все русское православное население, это Св. Введенская церковь... Регулярно шли службы, чудесно пел хор любителей» [5, с. 20]. Проживавший в Красноярске харбинец К.В. Попов писал в своих воспоминаниях: «Незабываемым впечатлением моего детства было посещение нашего Свято-Николаевского Собора» [6, с. 55]. В воспоминаниях Л. Дземешкевича после слов: «Самым чистым лучом сияет Светлое Христово Воскресение – Пасха» – идет длинное и восторженное описание подготовки к празднику, и далее: «Вся Россия, с ее обычаями и верованиями, была перенесена в этот русский Харбин» [7, с. 5].

Отличительной чертой русской жизни в Китае, согласно воспоминаниям, было то, что: «Харбинцы умели красиво жить, красиво одеваться, любили книги, фильмы, музыку, спектакли, концерты, оперетту» [1, с. 130]. При описании жизни в поселке при станции Ханьдаохэцзы отмечалось: «Железнодорожное Собрание находилось возле чудесного парка... В железнодорожном Собрании при помощи любителей-артистов устраивались концерты, постановки и даже балы» [5, с. 20]. Красивая жизнь в Китае очень контрастно выступает при сравнении с советскими реалиями: «В Китае железнодорожные пути находились в идеальном порядке, кругом чистота, желтый песочек, и нас поразило, что весь путь черный, в масле... Вскоре мы познакомились с еще одной особенностью родной земли. Здесь нигде и никогда не предусматривались туалеты. Очень удивили меня деревеньки, особенно избы. Почерневшие. Скособоченные...» [8, с. 44]. После описания нескольких лет жизни в Красноярском крае реэмигрант К.В. Попов пишет: «Мы, наконец-то,

стали жить с “удобствами”, хотя бы отдаленно напоминающими наш дом в Харбине» [5, с. 41].

Одним из основных принципов жизни русских в Харбине, согласно воспоминаниям, была свобода, которая не входила в противоречие с религией и традиционными ценностями. А. Давыдова вспоминала: «Но все же мы были свободными, занимались своими любимыми занятиями, спортом, учились, развлекались, влюблялись, шалили, танцевали, дружили и, как губка, впитывали все, что нам преподносили. Я часто вспоминаю нашу Церковь, наших чудных батюшек, богослужения, исконные обряды и традиции. Живя в Италии, я продолжаю сохранять их и, по мере сил и возможностей, знакоблю и других с ними» [1, с. 41]. И в заключение воспоминаний она особо отметила: «благодарна Богу, что сподобил меня родиться в моей семье на этой гостеприимной земле и сделал меня свободной» [1, с. 45].

Бывшая жительница Харбина Е. Таскина писала: «С 1924 года... вся жизнь проходила под знаком, как теперь говорят, плюрализма; духовная музыка, церковные богослужения сосуществовали с празднованием 1 Мая и 7 ноября... В Желсобе выступали артисты из Советского Союза и местные мастера искусств» [2, с. 38]. К. Зиссерман написал в воспоминаниях: «Чему еще научил меня Харбин? ...Любви ко всему русскому, гордости своей исторической родиной, когда она делает какие-то важные достижения, и горечи, когда, как сейчас, от нее отворачивается весь мир» [1, с. 57].

Таким образом, в основе духовно-нравственных ценностей, заложенных у русских выходцев из Китая, были трудолюбие, крепкая семья, православие, красота и гармония, терпимость и плюрализм, стремление к свободе и любовь к малой и большой Родине.

Библиографический список

1. К 125-летию юбилею Харбина (1898–2023). Маньчжурцы рассказывают... Сидней, 2023. 172 с.
2. Русский Харбин / сост., предисл. и коммент. А.П. Таскиной. 2-е изд., испр. и пол. М.: Изд-во МГУ: Наука, 2005. 349 с.
3. Мыслин Г. Ветка русского дерева. Заметки по поводу... // Харбин. 1992. № 1 (8). Февр. С. 2.
4. Харбинские свадьбы // Харбин. 1992. № 2. С. 4–5.
5. Шабалина Н.И. Воспоминания перед поездкой в Китай // Русская Атлантида. 2010. № 37. С. 19–23.
6. Попов К.В. Воспоминания о Харбине // Русская Атлантида. 2010. № 36. С. 53–57; № 37. С. 36–42.
7. Дземешкевич Л. Наш быт // Русские в Китае. 1997. № 9. С. 4–9.
8. Комендант Е.Л. В тени белой акации // Русская Атлантида. 2010. № 37. С. 43–48.

**ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ,
ПРОЖИВАВШЕГО В ТУРУХАНСКОМ КРАЕ В XIX в.**

**BEHAVIORAL FEATURES
OF THE RUSSIAN POPULATION LIVING
IN THE TURUKHANSK REGION IN THE 19th CENTURY**

**С.Т. Гайдин
Г.А. Бурмакина**

**S.T. Gaidin
G.A. Burmakina**

Енисейская губерния, Туруханский край, казаки, купцы, солдаты, добровольные и принудительные переселенцы, особенности жизни и поведения жителей.

Статья посвящена определению поведенческих особенностей русского населения Туруханского края в зависимости от рода деятельности, места поселения и взаимодействия с его коренным населением.

Yenisei province, Turukhansk region, Cossacks, merchants, soldiers, voluntary and forced migrants, peculiarities of life and behavior of residents.

The article is devoted to the definition of behavioral characteristics of the Russian population of the Turukhansk region, depending on the type of activity, place of settlement and interaction with its indigenous population.

Для понимания особенностей поведения русского населения на Енисейском Севере мы использовали работы председателя Енисейской Казенной Палаты статского советника И.С. Пестова, который работал в губернской администрации в 1827–1834 гг., А.А. Мордвинова, который возглавлял Енисейский округ в 1850-е гг., П.И. Третьякова, который в 60-е гг. XIX в. управлял Туруханским краем в должности отдельного туруханского заседателя, других авторов.

И.С. Пестов отмечал, что в Туруханском крае, который занимал 2/3 территории Енисейской губернии, в 20-е гг. XIX в. проживало более 320 русских крестьян мужского пола и 487 женского пола, а ясачное население составляло 2956 душ мужского и 2380 женского пола [1, с. 222].

По данным П.И. Третьякова, в Туруханском крае в 1860-е гг. проживало уже 7329 душ русского и аборигенного населения, в том числе белого духовенства мужского и женского пола – 35 душ, казаков – 126, мещан – 140, ссыльно-поселенцев – 212, государственных крестьян – 616 мужских и 490 женских душ, коренного населения – 5668. На каждую наличную душу приходилось 255 кв. верст территории [2, с. 335, 336].

К первым русским на Енисейском Севере И.С. Пестов относил казаков, которые, будучи на государственной службе, занимались покорением коренных народов, собирали с них ясак, а позже возили почту между Енисейском и Туруханском. По его утверждению, они были крепкими и смышленными. Но при исполнении служебных обязанностей многие из них, вопреки предписаниям, занимались либо вымогательством, либо неэквивалентной скупкой пушнины у аборигенов [1]. Проблемы выживания в экстремальных природных условиях побуждали их не всегда придерживаться божьих заповедей. Как, например, это сделала группа казаков, оставшихся без продовольствия, которая бросила жребий, кого из товарищей пустить на съедение. Обреченного на смерть спасло то, что к зимовью вышел лось [2, с. 357].

Некоторые казаки, которые долгое время занимались сбором ясака на севере, после выхода в отставку оседали в привычных для них северных местах, брали жен из коренного северного населения. Их дочери, соединявшие в себе черты русской и национальных культур, выходили замуж за русских, селившихся в местах традиционного кочевья коренных народов [2, с. 332].

Следом за казаками на север за пушниной шли купцы, которые спаивали коренное население, привязывали его долгами и наживались на неэквивалентной торговле [3]. Среди них было немало одиозных личностей, таких как купец, который до смерти забил своего слугу Василия по подозрению в соучастии в ограблении амбара, что впоследствии породило поклонение сибирскому первомученику святому Василию Мангазейскому [1, с. 212–220]. Но для большинства купцов-тунгусников ограбление «дикарей» инородцев было «законным» способом содержания собственных, нередко очень больших семей.

П.И. Третьяков писал, что слухи о богатых пушным зверем местах привлекали в Туруханский край пришлое и беглое население, явно с авантюрными наклонностями, которое хотело разбогатеть. По приведенным им данным, в середине XVIII в. в Туруханском крае на жительство осталась команда затертого льдами судна из Архангельска [2, с. 332, 333].

Русским для адаптации к экстремальным условиям Енисейского Севера приходилось заимствовать жизненный опыт его коренных народов. По мнению исследователя Таймыра А.Ф. Миддендорфа, любой европеец, оказавшийся на севере, будет вынужден перенимать их образ жизни, выработанный в ходе тысячелетней адаптации к природным условиям [4, с. 641].

К категории не прошедших адаптацию и пострадавших на государственной службе, можно отнести солдат воинской части, дислоцированной в Туруханске, в которой из-за морозов и цинги ежегодно умирало до четырех десятков человек [2, с. 358].

Многие ссыльные с Боготольского и Краснояреченского заводов, насильно отправленные на север в 1812–1814 гг. в соответствии решением Государственного Совета о заселении Туруханского края, не могли приспособиться к жизни в экстремальных условиях. Тем более что завезенных водным

путем неженатых мужчин и незамужних женщин розгами принуждали к вступлению в брак. Принудительный завоз на Крайний Север крестьян из хлебобродных районов обернулся гибелью почти половины от общего количества переселенных. В насильно созданных семьях было немало случаев убийства супругов и даже детей. Их заменили бродягами, часть из которых пришлось вывозить из-за неспособности к жизни в экстремальных условиях. Большинство жителей, насильно водворенных в Туруханский край, при первой возможности старались его покинуть [2, с. 334].

Поведенческие особенности русского населения во многом определялись местом поселения на Енисейском Севере. Жители приангарских сел, и в частности села Кежемского, которые занимались хлебопашеством, скотоводством, охотой, рыболовством, по утверждению А.А. Пестова, были ленивыми [1, с. 175–177, 179, 182]. Их «леность», скорее всего, объяснялась тем, что они получали доход от недобросовестной скупки пушнины и спаивания тунгусов, которые приходили в село в январе и июне. А.А. Мордвинов писал, что подобной скупкой пушнины, кроме жителей села Кежемского, занимались жители станков по дороге от Енисейска до Карского моря, вахтеры хлебных магазинов и казаки на сугланах [5, с. 37].

Потомки русских переселенцев, которые жили в относительно заселенной южной части Туруханского края, где было 28 сел из 3–12 домов, сохраняли обычаи и традиции, приобретенные на «исторической родине». П.И. Третьяков описывал их как самостоятельных, физически крепких, внешне благообразных людей, отличающихся здравым смыслом. Они жили в домах с остекленными окнами, которые отапливались печками с трубой, имели по несколько лошадей и коров, принадлежности для охоты и лова рыбы, выращивали в огородах репу, редьку, картофель и капусту и получали от государства плату за обывательскую гоньбу. Основу их рациона составляла

свежая и сушеная рыба, так как соль была дорогой, они любили чай и вино [2, с. 440, 480]. Одной из проблем русского населения была значительная нехватка женщин, поэтому крестьяне не считали грехом брать замуж беременных женщин, но за ними нужно было ехать за сотни верст [2, с. 362].

Так как уровень благополучия семьи на севере зависел от сочетания многих факторов, то жители скрывали друг от друга размеры добычи, ревниво относились к успехам друг друга, завидовали, злословили и враждовали [2, с. 371].

В Туруханске, по утверждению А.А Пестова, в конце 20-х гг. XIX в. проживало 35 русских крестьян и более 230 мещан мужского и женского пола. Он писал, что они по образу жизни мало чем отличались от северных народов, носили одежду из звериных шкур, ели сырую рыбу и мясо без соли, строганину из мороженой рыбы без приправ, запивали пищу водой из Енисея [1, с. 204, 205].

По утверждению П.И. Третьякова, потомки первых русских поселенцев, которые вступали в брак с женщинами из коренных народов, чаще селились в малонаселенной северной части Туруханского края. В этих местах уже не было огородов, лишь несколько семей держали коров. Зато в хозяйствах крестьян на север от Туруханска было 1600 оленей, в среднем по 12 животных на хозяйство. Они нередко брали в жены якуток, которые отличались сходным образом жизни, трудолюбием и чистоплотностью [5, с. 54].

В отличие от русских жителей южной части Туруханского края, в их облике присутствовали азиатские черты, речь отличалась косноязычием и заимствованием слов из языка матери. Они носили одежду тех народов, к которым относились их матери и жены. Формально были христианами, но заимствовали от матерей элементы языческих представлений. Их кругозор был ограничен проблемами выживания, многие из них никогда не видели растущего дерева и не знали, как вести себя за пределами мест проживания.

В их избах были печи без труб, которые топились по-черному, а в окна были вставлены льдины. Якутская и долганская юрта была теплее и уютнее русской избы. Для этих жителей, по утверждению П.И. Третьякова, были характерны «...тупость, беспечность, легкомыслие, подобострастие и нехитрое лукавство» [2, с. 362, 368].

И чем дальше на север, тем больше было в облике и поведении русских поселенцев черт, характерных для коренных народов Севера, которые не принимали русских в систему своей внутривидовой защиты. Так, авамские и вадеевские самоеды, кочевавшие со стадами домашних оленей в бассейнах рек Пясины и Хатанги, как писал А.А. Мордвинов, уклонялись от принятия христианства и общения с русскими [5, с. 44].

Поведенческие особенности русского населения Туруханского края определялись родом деятельности, местом поселения и взаимодействием с коренным населением. В отличие от коренных народностей Севера, которые выживали, опираясь на внутривидовую солидарность и взаимопомощь, семьи русских поселенцев могли рассчитывать только на собственные силы.

Библиографический список

1. *Пестов И.С.* Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 года, составленные статским советником И. Пестовым. М.: Унив. тип., 1833. 298 с.
2. *Третьяков П.И.* Туруханский край, его природа и жители. Спб.: Типография В. Безобразова и К°, 1871. 316 с.
3. *Степанов А.П.* Енисейская губерния. Красноярск: Горница, 1997. 223 с.
4. *Миддендорф А.Ф.* Путешествие на север и восток Сибири. Спб., 1878. Ч. II: Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Отд. VI: Коренные жители Сибири. 833 с.
5. *Мордвинов А.* Инородцы, обитающие в Туруханском крае // Вестник Императорского Русского географического общества. Спб.: Типография В. Безобразова и комп., 1860. Ч. XXVIII. С. 25–64.

РОЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СЛУЖЕБНОЙ ЭТИКЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

THE ROLE OF TRADITIONAL
SPIRITUAL AND MORAL VALUES
IN THE SERVICE ETHICS OF MUNICIPAL EMPLOYEES

Е.В. Безвиконная

E.V. Bezvikkonnaja

Духовно-нравственные ценности, служебная этика, муниципальная служба, служение.

В условиях трансформации мировоззренческой парадигмы России актуализируется проблема трансляции новой картины мира в контексте традиционных духовно-нравственных ценностей, закрепленных Указом Президента РФ № 809. Цель статьи – оценить значение духовно-нравственных ценностей для формирования основ служебной этики на муниципальной службе. Именно служащие призваны транслировать данные ценностные установки в местном сообществе, но только при условии выхода на ценностный уровень их принятия.

Spiritual and moral values, professional ethics, municipal service, and ministry.

In the context of the transformation of Russia's worldview paradigm, the issue of transmitting a new worldview in the context of the traditional spiritual and moral values enshrined in Presidential Decree № 809 has become relevant. The purpose of this article is to assess the significance of spiritual and moral values for the formation of the foundations of service ethics in municipal service. It is the duty of municipal employees to transmit these values to the local community, but only if they reach the level of acceptance.

Служебная этика занимает особое место в трансформации мировоззренческой картины мира современных

муниципальных служащих. Являясь частью профессиональной этики, служебная этика охватывает нормы морали и нравственности, связанные с осуществлением трудовых функций по замещаемой должности. Однако неотъемлемым компонентом этики становится готовность следовать данным нормам в конкретной жизненной ситуации. Служебная этика не формирует новые морально-нравственные установки, а трансформирует уже имеющиеся к сфере профессиональной деятельности служащего. Результатом становятся принятие или непринятие данных установок, а значит, и организационной культуры служебной деятельности.

Отсутствие практики отбора кандидатов на вакантные должности муниципальной службы на основе оценки морально-нравственных установок, соответствующих общим принципам служебной этики, приводит к системному противоречию между установленными в нормативных и локальных актах профессионально-этическими ценностями и личными ценностями служащего. Например, ключевые ценности гуманизма, патриотизма и оптимизма невозможно сформировать у муниципального служащего, который никогда не демонстрировал готовности расставлять приоритеты в пользу общественных, а не личных интересов.

Организационная культура на муниципальной службе отличается формализованным характером, поскольку получила юридическое закрепление в нормативных актах. Однако неотъемлемым ее компонентом выступают ценности личности, которые не всегда зависят от профессионально-квалификационных характеристик служащего или уровня его знаний и умений. Поэтому закрепленные в статье 14.2. Федерального закона № 25 [1] требования к служебному поведению муниципального служащего отличаются достаточно субъективным характером. Например, обязанность соблюдать нейтральность по отношению к политическим партиям, общественным организациям может трактоваться

представителем нанимателя в зависимости от его собственных убеждений и собственного жизненного опыта.

Принятие Кодексов служебного поведения, своеобразных «этических кодексов» для служащих, берет начало с Указа Президента РФ № 885 [2], которым было рекомендовано принятие подобных локальных актов в органах исполнительной власти. Последующий типовой кодекс этики и служебного поведения служащих, утвержденный в 2010 г. [3], сформировал практику формального подхода к закреплению морально-нравственных принципов служебной этики. Например, Постановлением администрации города Омска от 8 августа 2016 г. № 983-п утвержден подобный Кодекс для муниципальных служащих [4]. Результатом становится ограниченность потенциала подобных Кодексов в связи с отсутствием реальных механизмов обеспечения их реализации.

В условиях смены цивилизационной парадигмы на новую картину мира, основу которой составляют традиционные духовно-нравственные ценности России, утвержденные Указом Президента РФ № 809 [5], принципиальное значение приобретает формирование образа «мы» в общественном сознании. Консолидирующим началом данного образа становятся ключевые духовно-нравственные ценности. Условиями реализации последних становятся их историческая преемственность и фундаментальность, несмотря на отсутствие цельной картины мира, включающей ценности в общую парадигмальную основу.

Объединяющей ценностью служебной этики муниципальной службы и традиционных духовно-нравственных ценностей становятся ценность служения Отечеству и ответственность за его судьбу. Именно служащий является ключевым носителем данных ценностей и транслятором их в местном сообществе. Консолидирующим ценностным ориентиром становится служение, объединяя все ценност-

ные ориентиры, формируя своеобразную иерархию ценностей, направленную на консолидацию государственного и общественного интереса. Ключевым условием формирования гражданской идентичности становится включенность ее компетентных и профессиональных носителей – служащих в общественно-политические процессы на муниципальном уровне публичной власти.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации» от 02.03.2007 № 25-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 марта 2007 г. № 10 ст. 1152.
2. Указ Президента РФ от 12.08.2002 № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих» // Собрание законодательства Российской Федерации от 19 августа 2002 г. № 33 ст. 3196.
3. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих. Одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21) [Электронный ресурс]. URL; <https://docs.cntd.ru/document/420254359?ysclid=mglslr0b4g718485835> (дата обращения: 10.10.2025).
4. Постановление администрации города Омска от 08.08.2016 № 983-п «О Кодексе этики и служебного поведения муниципальных служащих администрации города Омска» [Электронный ресурс]. URL; <https://docs.cntd.ru/document/441632559?ysclid=mglslsmzq97803119623> (дата обращения: 08.10.2025).
5. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. URL; <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S> (дата обращения: 11.10.2025).

ЦЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ ДУХОВНО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИДЕАЛОВ

VALUES OF RUSSIA'S TRADITIONAL
SPIRITUAL AND LEGAL CULTURE:
CONTINUITY OF IDEALS

Л.Л. Еремейкина

L.L. Eremeykina

Научный руководитель **О.Л. Казанцева**
Research advisor **O.L. Kazantseva**

Традиционные ценности, преемственность, правовая культура.
В статье рассматривается преемственность традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа и раскрываются особенности его духовно-правовой культуры. Автором обосновывается связь духовной и правовой культуры, а также предлагаются меры по укреплению и трансляции ценностных ориентиров.

Traditional values, continuity, legal culture.
The article examines the continuity of the traditional spiritual and moral values of the Russian people and reveals the features of their spiritual and legal culture. The author substantiates the connection between spiritual and legal culture and proposes measures for strengthening and transmitting the value orientations.

Перед Российской Федерацией на современном этапе развития правовой системы возникла задача определения идеологических основ российской государственности. В связи с этим был принят Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором закреплён

перечень традиционных духовно-нравственных ценностей, нормативно отражены наиболее важные институты российского общества, а также утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, согласно которой определены национальные интересы и стратегические приоритеты Российской Федерации (Указ от 02.07.2021 № 400). К таковым относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд и т.д., всего 17 ценностных идеалов.

Истоки духовного мира личности следует искать в генетическом коде культуры [1, с. 120]. Духовная и правовая культура российского народа тесно связаны, поскольку имеют общее ценностное начало, а также определенные особенности, которые выражают уникальное сочетание морали и истинного права.

Духовно-правовая культура россиян зиждется на следующих началах, которые определяли вектор государственной политики в различные периоды истории.

1. Правда [2], в том числе и историческая, как важнейшая нравственная категория, ориентация на ее сохранение. Честь, истина и служение правде – ориентир и правовых установлений, и повседневной нравственности. Право также нацелено на установление истинных предписаний, способных максимально эффективно и справедливо регулировать общественные отношения.

2. Соборность и коллективизм, цивилизационная идентичность, многообразие культур и единство российской самобытности.

3. Семейственность. Расширенная семья, укрепление родовых связей, взаимоуважение, защита материнства, отцовства, детства, сохранение семейных ценностей, в том

числе при расторжении брака, естественное продолжение жизни – главные характеристики семейственности в Российской Федерации.

4. Взаимопомощь и гостеприимство, служение Отечеству и патриотизм. Имманентное российскому народу стремление трудиться на благо общества, природы и государства, безусловно, отражает природу гражданственности в России.

5. Традиционность с учетом инноваций. Основу российского права и государства всегда составляли традиции и ценности, а их сохранение подразумевает отстаивание национальной идеи Российской Федерации [3]. Тем не менее нововведения также могут быть имплементированы в правовую и культурную систему, если не противоречат основным традиционным началам.

6. Толкование нормативных правовых актов через призму духа права, а не буквы закона.

Таким образом, становится очевидной преемственность традиционных ценностей российского народа. Следует отметить, что для укрепления института духовных ценностей и государственного суверенитета России необходимо использовать меры повышения уровня исторической и правовой культуры: поощрение проведения семинаров и лекций, посвященных повышению значимости института семьи; правовое и историко-культурное просвещение детей и молодежи посредством приведения примеров проявления доблести и гражданственности; привлечение молодежи к научной деятельности [4, с. 384] и т.д.

Библиографический список

1. *Киреев М.Н., Киреева Н.В., Коренева Е.Н., Кистенев В.В.* Ценностный потенциал славянской культуры как основа формирования и воспитания личности // Наука. Искусство. Культура. 2018. № 3 (19). С. 119–134.

2. *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Харьков; М., 1999. 258 с.
3. *Чепенко Я.К., Галактионова А.И.* Традиционные российские духовно-нравственные ценности как национальная идея Российской Федерации // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 2. С. 131–139.
4. *Еремейкина Л.Л.* Защита исторической правды как конституционной ценности: проблемы и пути их решения // Нравственные императивы в праве, образовании, науке и культуре: сб. материалов XIII Международного молодежного форума (научно-практической конференции), Белгород, 28 мая 2025 г. / под. ред. Е.В. Сафроновой, А.Н. Пасенова. Белгород: ЦПП ИД БелГУ НИУ «БелГУ», 2025. С. 381–385.

**ЭСТЕТИКА ПАТРИОТИЗМА:
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В СИМВОЛИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ,
ИСКУССТВЕ И РИТУАЛАХ**

THE AESTHETICS OF PATRIOTISM:
REPRESENTATIONS OF NATIONAL IDENTITY
IN SYMBOLIC PRACTICES, ART, AND RITUALS

В.А. Ильина

V.A. Ilyina

Научный руководитель **А.Е. Комлев**
Research advisor **A.E. Komlev**

Патриотизм, память, Великая Отечественная война, патриотическая эстетика, ритуалы, праздники.

В статье рассматривается роль эстетических инструментов в формировании мировоззрения молодежи посредством литературы, искусства, кинематографии, государственной символики и военно-патриотических мероприятий. Отмечается значимость патриотической эстетики для защиты уникальности России, определения традиционных и современных символов.

Patriotism, memory, the Great Patriotic War, patriotic aesthetics, rituals, and holidays.

The article examines the role of aesthetic tools in shaping the worldview of youth through literature, art, cinema, state symbols, and military-patriotic activities. It notes the importance of studying patriotic aesthetics to protect Russia's uniqueness and to define traditional and contemporary symbols.

Великому русскому полководцу А.В. Суворову принадлежит изречение: «Кто любит свое Отечество, тот подаст лучший пример любви к человечеству» [1]. Это чувство

любви к Отечеству редко рассматривается сквозь призму эстетики. Настоящая работа имеет своей целью анализ специфики эстетических форм патриотизма и особенностей его формирования у каждого человека. Патриотизм рассматривают как искреннее чувство любви к своей стране и народу, которое позволяет людям ощущать себя неотъемлемой частью нации и находиться в гармонии с другими гражданами. А.Н. Толстой дал следующее определение: «Патриотизм – это не только любовь к своей Родине, это гораздо больше... Это – сознание своей неотъемлемости от Родины и неотъемлемое переживание вместе с ней ее счастливых и ее несчастных дней» [2].

Мы говорим о долге, о памяти, о политике, но забываем, что любовь к родине – это прежде всего глубоко переживаемый, почти чувственный опыт, облакаемый в плоть символов, образов и ритмов. Чувственное восприятие и эстетическое переживание являются ключевыми факторами конституирования образа окружающего мира в нашем сознании. Укрепление единства и государственной легитимности требует активного использования эстетических инструментов в целях формирования и продвижения духовных ценностей и патриотического дискурса [3, с. 504].

Эстетика патриотизма – это не про внешнюю красоту, а про внутреннюю, часто иррациональную логику, по которой национальная идентичность становится видимой, слышимой, осязаемой для самого себя. Это сфера, где абстрактное понятие нации спускается с небес политической теории на землю конкретных практик, обретая форму, цвет и звук. Важнейшую роль играет деятельная сторона патриотического воспитания, так как именно она преобразует чувственное начало в конкретные поступки на благо Родины. Познание духовного наследия и приобщение к русской

народной культуре направлены на передачу опыта и ценностей, обучение и воспитание гармонично развитой личности. Эстетическое воспитание присутствовало в культуре с древнейших времен. Во все исторические эпохи разные культуры имели собственные идеалы, системы воспитания и методы образования, соответствовавшие условиям развития того или иного общества [4].

Патриотическая литература – от народных сказок и легенд до исторических романов и поэтических произведений – формирует образ Родины как объекта любви и преданности. Она воспитывает гордость за национальную историю и культуру, формирует чувство ответственности за будущее своей страны. В произведениях Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, М.А. Шолохова, В.М. Шукшина и других русских писателей патриотизм представлен как чувство, развивающее в человеке духовность и высокую нравственность. Через призму этих качеств их произведения призывают нас внимательно относиться к прошлому и настоящему своего государства, его культуре, искусству и языку [5, с. 62].

Кинематограф является мощным инструментом раскрытия патриотической темы. Фильмы, изображающие исторических героев, подвиги солдат, национальные ценности, формируют определенное представление о Родине и ее истории. В настоящее время выпускается большое количество фильмов, которые воспевают мужество и героизм нашего народа. Художественные произведения и кинокартины, изображающие исторические события, национальных героев, пейзажи Родины, способствуют формированию визуального образа нации. Искусство в целом становится главной мастерской, где национальная идентичность не просто воспроизводится, но постоянно пересобирается, оспаривается и заново осмысливается.

Наиболее узнаваемыми и широко используемыми элементами патриотической эстетики являются государственные символы: флаг, герб и гимн. В них заключены история, ценности и идеалы народа, представленные в виде образов, которые способны пробуждать патриотические чувства. Государственные символы воплощают эстетику строгости линий, торжественности цвета, возвышенной мелодии, которая способна заставить сжаться сердце у самого скептически настроенного человека. Это не просто знаки отличия; это визуальные и акустические якоря, бросаемые в бурное море истории, чтобы удержать корабль национального «мы» от распада. Ритуал поднятия флага или исполнения гимна становится коллективным перформансом, где каждый участник через простое, повторяемое действие прикасается к чему-то большему, чем он сам.

Мероприятия военно-патриотической направленности имеют важное воспитательное и нравственное значение. Патриотические ритуалы формируют чувства национальной общности и идентичности. Военные парады, посвященные национальным праздникам, демонстрируют мощь и силу государства, укрепляя чувство национальной гордости и единства. Церемонии возложения венков к памятникам героям войны и другим значимым историческим личностям являются ритуалами памяти и уважения к прошлому.

Таким образом, эстетика патриотизма – это фундаментальный способ бытия-вместе, материализованный в символах, отрефлектированный в искусстве и прожитый в ритуалах. Это живая, дышащая ткань, сотканная из миллионов отдельных переживаний, которые, сплетаясь, создают картину национального самосознания. В результате патриотического воспитания молодое поколение начинает понимать свое место и значение в современном обществе, осознает

важность и ценность таких понятий, как Родина, Отечество, Отчизна и государственность, а также их роль в объединении народа. Патриотическая эстетика помогает визуализировать уникальность России и обозначить символы, которые формируют национальную идентичность.

Библиографический список

1. *Нагорная Л.Н.* Мысли и афоризмы Александра Васильевича Суворова [Электронный ресурс]. URL: <https://nsportal.ru/user/205463/page/mysli-i-aforizmu-a-v-suvorova> (дата обращения: 16.10.2025).
2. *Королькова А.В., Ломов А.Г., Тихонов А.Н.* Словарь афоризмов русских писателей [Электронный ресурс]. URL: <https://kartaslov.ru/словарь-афоризмов-русских-писателей> (дата обращения: 16.10.2025).
3. *Жирнов О.Н., Комлев А.Е.* Духовный кризис как угроза безопасности общества: уроки истории // Манускрипт. 2025. Т. 18, вып. 2. С. 504–509.
4. *Петрова М.И.* Эстетическое воспитание как фактор и условие патриотизма // Молодой ученый. 2015. № 1 (81). С. 466–468.
5. *Окочук К.И.* Формирование гражданской позиции будущих режиссеров средствами театрализованных мероприятий военно-патриотической направленности. Луганск, 2024. 92 с.

РОЛЬ РОССИЙСКОЙ КОНСУЛЬСКОЙ СЛУЖБЫ В СТАНОВЛЕНИИ ПРАВОСЛАВИЯ В АВСТРАЛИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

THE ROLE OF THE RUSSIAN CONSULAR SERVICE
IN THE ESTABLISHMENT OF ORTHODOXY IN AUSTRALIA
IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

А.Я. Массов

A.Ya. Massov

Православие, Австралия, Россия, российская консульская служба.
В статье раскрывается та позитивная роль, которую русская консульская служба в Австралии сыграла в деле духовной самоорганизации как православных выходцев из Греции и Ближнего Востока, так, позднее, и собственно русской общины. Активная поддержка консулами православных верующих служила наглядным подтверждением дипломатического и духовного присутствия России в Австралии и повышала ее престиж в глазах австралийского общества.

Orthodoxy, Australia, Russia, Russian consular service.

The article explores the positive role the Russian consular service in Australia played in the spiritual self-organization of Orthodox Christians from Greece and the Middle East, and later, of the Russian community itself. The consuls' active support for Orthodox believers served as a clear confirmation of Russia's diplomatic and spiritual presence in Australia and enhanced its prestige in the eyes of Australian society.

Сохранение национальной идентичности и духовных ценностей, возможность исповедовать свою традиционную религию всегда оставались одними из существенных задач национальных диаспор, которые оказывались в иноэтничном окружении в странах с другим культурным архетипом. Данное утверждение в полной мере применимо к истории становления православной общины Австралии.

Со второй половины XIX в. после открытия золота и начала золотой лихорадки в английских переселенческих колониях в Австралии отмечен бурный рост населения. Среди новых эмигрантов было немало людей, исповедовавших православие. В то время это были в основном греки и арабы-христиане, выходцы из Сирии и Ливана. По данным на 1894 г., православная община Австралии насчитывала примерно 1000 человек [1, л. 9], однако недостаток средств не давал возможности организовать собственный православный приход с постройкой церкви и приглашением священника. Православную общину стремились подчинить своему влиянию католики, предпринимавшие попытки создать для них униатский приход [2, с. 780–781]. В поисках поддержки и помощи православные Австралии обратились к работавшим там представителям единой России. С 1894 г. в Мельбурне начало свою деятельность штатное российское консульство, и хотя в обязанности консулов не входила забота об обеспечении духовных потребностей единоверцев-иностранцев, представители православной России не остались безучастными к их нуждам. Помощь православным оказывалась не только по соображениям нравственного долга помогать единоверцам (среди чиновников, исполнявших должность российских консулов в Мельбурне, были как православные, так и лютеране). Российские консульские представители понимали, что забота о православных Австралии несет политическую выгоду России и поднимает ее престиж в глазах австралийцев, причем отнюдь не только исповедующих православие.

Уже первый штатный российский консул в Мельбурне А.Д. Путята активно поддержал намерение православной общины Мельбурна собрать деньги на строительство своего храма. Он немедленно вступил в переписку с российским МИДом, обер-прокурором Святейшего Синода К.П. Победоносцевым, российским консульством в Иеруса-

лиме и иерусалимским патриархом Герасимом с просьбой помочь деньгами, книгами и иконами, а также прислать в Мельбурн священника, говорящего по-гречески и по-арабски [1, л. 7–7 об, 2–2 об.; 3, л. 6–7; 4, л. 2–5 об.]. После долгих бюрократических проволочек в 1897 г. Иерусалимская патриархия прислала в Мельбурн священника из Багдада архимандрита Дорофея. Однако, не сумев наладить отношения с прихожанами, Дорофей вскоре покинул Мельбурн. Российский консул Р.Р. Унгерн-Штернберг выделил ему необходимую сумму денег для отъезда, посчитав, что для престижа России было бы непростительной ошибкой оставить православного священника, пусть и иерусалимской патриархии, без должной поддержки [3, л. 32–34].

Следующий российский консул Н.П. Пассек вновь активизировал помощь консульства православным Австралии. «Мне хотелось бы вселить в сердце не только здешних православных, но и всему населению здешней английской колонии, – писал он в одном из своих донесений в июне 1900 г., – что великая православная Русь... везде и всегда покровительствовала православию, невзирая на народы и их подданства» [5, с. 168]. Н.П. Пассек лично возглавил комитет православной общины Мельбурна по сбору средств для строительства православной церкви. На собранные деньги был куплен участок земли, составлен проект храма и 19 (6 по ст. ст.) декабря 1900 г., в день тезоименитства российского императора Николая II, состоялась закладка здания [5, с. 168–169]. Н.П. Пассек постарался придать церемонии закладки максимально политизированный характер. Были приглашены представители властей колонии Виктория, мэр Мельбурна, представители других религиозных конфессий. В речах отмечалось, в частности, «пламенное и достойное похвалы усердие» консула православной России в деле строительства храма [6, л. 12]. Подробные отчеты об этом событии появились в австралийской прессе, где оно было названо «уникальным

для анналов австралийкой истории» [7, р. 6]. По окончании церемонии закладки Н.П. Пассек устроил для ее участников прием [6, л. 20]. Сообщения о закладке православной церкви в Мельбурне были отправлены телеграммой посланнику России в Греции для передаче королеве Ольге, а также министру иностранных дел России В.М. Ламздорфу. Расчет при этом делался на то, что с телеграммой ознакомят государя, и, действительно, Николай II сообщение о закладке православной церкви в Мельбурне прочел. На обороте телеграфного бланка император начертал: «Радуюсь этому событию, благодарю, сообщите о сем всем участникам церемонии» [5, с. 169–170].

С началом XX в. в Австралии появляется и нарастает поток эмигрантов из России. К 1914 г., по данным российского генерального консульства в Мельбурне, их насчитывалось уже примерно 11 тысяч человек [5, с. 296]. После революции 1905–1907 гг. в Австралии появляется небольшая, но очень активная группа эмигрантов-революционеров, которая энергично занималась социалистической пропагандой и агитацией среди членов русской общины. Православие теперь служит не только для духовного окормления верующих, но и как средство умиротворения и отвлечения их от радикальных революционных идей. На это обстоятельство особое внимание обращал российский генеральный консул в Мельбурне в 1910–1917 гг. А.Н. Абаза. В 1915 г. он предложил пригласить в Австралийский Союз русского православного священника, сделав его резиденцией столицу штата Квинсленд город Брисбен, в то время центр русской эмиграции на пятом континенте [5, с. 294]. Когда в начале 1916 г. свои услуги А.Н. Абазе предложил протоиерей Яков Корчинский, российский генеральный консул немедленно пригласил его в качестве священника. В Австралии Я. Корчинский побывал в Мельбурне, Сиднее, Ипсвиче и, наконец, обосновался в Брисбене. Однако из-за постигшей его тяжелой болезни он прослужил только пять месяцев.

За это время Я. Корчинский посетил примерно 750 русских семей, встретился и пообщался более чем с полутысячей других православных австралийцев. Он проводил венчания, крестины, отпевания, совершал другие необходимые требы. Получив материальное вспомоществование от А.Н. Абазы, Я. Корчинский вынужден был в июле того же года покинуть Австралию и отправиться в Россию [8, р. 32–34].

Можно, таким образом, утверждать, что русская консульская служба сыграла свою позитивную роль в деле духовной самоорганизации православных в Австралии как выходцев из Греции и Ближнего Востока, так, позднее, и собственно русской общины. Активная моральная, а подчас и материальная поддержка русскими консулами православных верующих Австралии служила наглядным подтверждением дипломатического и духовного присутствия России в этой стране и в известной степени повышала ее престиж в глазах австралийского общества.

Библиографический список

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 64. Д. 160.
2. Православная церковь в Австралии // Приложения к церковным ведомостям. 1894. № 23. С. 780–781.
3. РГИА. Ф. 796. Оп. 176. Д. 3581.
4. РГИА. Ф. 799. Оп. 5. Д. 851.
5. Российская консульская служба в Австралии 1857–1917 гг.: сб. документов / сост. и авт. вв. ст. и коммент. А.Я. Массов и М. Поллард. М.: Международные отношения, 2014. 345 с.
6. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1004.
7. Greek Orthodox Church. Laying the Foundation Stone // The Age. 20.12.1900.
8. Protopopov M.A. The Russian Orthodox Presence in Australia. PhD Thesis, Australian Catholic University, Melbourne, 2005.

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ДЕТЕЙ-СИРОТ В ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ

THE FORMATION OF A SYSTEM OF SOCIAL SUPPORT FOR ORPHANED CHILDREN IN THE AGE OF ENLIGHTENMENT

П.Б. Некрасов

P.B. Nekrasov

Дети-сироты, призрение, социальная поддержка, история социальной работы.

До XVIII в. в России отсутствовала система социальной поддержки детей-сирот на государственном уровне. Социальная помощь социально уязвимым категориям населения осуществлялась на церковном и местном уровнях. В век Просвещения под руководством И.И. Бецкого проводятся реформы, которые закладывают основу становления государственной системы социальной поддержки детей-сирот.

Orphans, charity, social support, history of social work.

Until the 18th century, there was no system of social support for orphaned children at the state level in Russia. Social assistance to socially vulnerable categories of the population was provided at the church and local levels. In the age of Enlightenment, reforms are being carried out under the leadership of I. I. Betsky, which lay the foundation for the formation of a state system of social support for orphaned children.

Вторая половина XVIII в., названного веком Просвещения, приходится на период правления Россией Екатерины II. В век Просвещения развивается идея изменения отношения к детям [1, с. 95]. Появляются новые представления о воспитании, которые нашли отражение во всех сферах общественной жизни. Принципы уважения к личности ребенка и стимулирования его разностороннего развития приводят к тому, что дети, лишившиеся родительской опеки,

нуждаются в заботе со стороны государства. Идеи гуманизма и человеколюбия позволили через реформы И. Бецкого и профессора А.А. Барсова открыть воспитательные дома для детей-сирот в Москве и Санкт-Петербурге [2, с. 16]. Реформы И. Бецкого и открытие воспитательных домов для детей-сирот в России позволили организовать достойное содержание и воспитание детей, оставшихся без родительского попечения, и стали основой ряда мер по призрению сирот в России. Призрение – оказание специализированной помощи, в том числе детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей [3, с. 97]. Призрение детей-сирот является прототипом оказания социальной поддержки и государственной помощи социально уязвимым и нуждающимся слоям населения. Социальная поддержка является одним из элементов общественно-политической сферы, включающей в том числе правовую и законодательную деятельность государства, общественных объединений и других организаций, а также результатом взаимодействия индивидов внутри самых разнообразных микрогрупп [4, с. 8].

Воспитательные дома в век Просвещения имели свою структуру, занимающуюся воспитанием и подготовкой к жизнедеятельности ребенка как в доме, так и за его стенами. При этом данные дома ребенка стремились к закрытости, чтоб оградить воспитанников от «внешнего пагубного влияния» [5, с. 103]. Структура домов ребенка, основанная по «Генеральному плану Императорского Воспитательного дома и Госпиталя», предполагала создание сети закрытых учебно-воспитательных заведений, призванных обеспечить воспитание и образование незаконнорожденных детей, сирот и детей родителей, которые по бедности или болезни не могли содержать их. Таким образом, Воспитательные дома ребенка, созданные в век Просвещения, являются прототипами современных центров содействия семейному воспитанию и детских домов.

С целью становления и развития социальной поддержки в то же время разрабатывается и внедряется ряд законов по призрению детей-сирот. Детям предоставлялись бесплатное проживание, питание, образование. Воспитательная и образовательная деятельность строилась по программе учебно-педагогической реформы, в методику которой были заложены такие элементы, как изоляция от пагубного влияния общества, обучение без принуждения, наглядное обучение, запрет телесных наказаний и трудовое воспитание. При воспитательных домах имелись структуры, занимающиеся подготовкой воспитанников к жизни вне стен данных домов; открывались различные школы: фельдшерская, земледельческая, гончарная и т.д. Также воспитанникам выплачивалось денежное жалование, выдавалось пособие после окончания воспитательного дома, воспитанники не могли становиться крепостными после издания Манифестов о государственном призрении детей-сирот.

Духовно-нравственное просвещение в век Просвещения в связи с особенностью традиций и конфессиональностью Русского государства становится одним из важных инструментов воспитания и образования детей-сирот. При воспитательных домах открываются храмы, а для духовно-пастырского окормления воспитанников приписываются священнослужители.

В век Просвещения усилилось внимание к нуждающимся, в том числе к детям-сиротам. В сфере благотворительности идеи Просвещения нашли выражение в создании учебно-воспитательных учреждений, основанных на принципах человеколюбия. При этом многие меры социальной поддержки находят отражение и в современной системе государственной социальной защиты детей-сирот: воспитанники центров содействия семейному воспитанию и детских домов получают стипендии при обучении в школе

и профессиональных учебных заведениях, после окончания колледжа и вуза получают «выпускное» денежное пособие, а также имеют ряд льгот и социальных гарантий по законодательству Российской Федерации и нормативно-правовых актов субъектов РФ, в которых проживают. При этом система социальной поддержки начинает свое становление в век Просвещения благодаря реформам Ивана Бецкого в период правления Екатерины Великой. Духовно-нравственное просвещение детей-сирот, являясь одной из мер социальной поддержки, на протяжении долгого периода истории России служит важным инструментом процесса социализации детей, оставшихся без родительского попечения.

Библиографический список

1. *Короткова М.В.* Детские проблемы и воспитательный процесс в столичных дворянских семьях в эпоху Просвещения в России // Преподаватель XXI век. 2007. № 2. С. 59–66.
2. *Абашин В.Г., Цвелев Ю.В.* Учредитель «воспитательных домов для приносных детей и гофшпиталей для бедных родильниц» (к 300-летию со дня рождения Ивана Ивановича Бецкого) // Из истории медицины. Журнал акушерства и женских болезней. 2004. № 4. С. 93–99.
3. *Фролова И.В.* «Благотворительность», «призрение», «филантропия», «милосердие»: историография понятий // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. Т. 2. С. 39–44.
4. *Лифинцев Д.В., Серых А.Б., Анцута А.Н.* Социальная поддержка: сопоставительный анализ политико-правового и социально-психологического подходов // Вестник ПСТГУ. Сер. IV: Педагогика. Психология. 2016. № 2 (41). С. 7–14.
5. История России. 8 класс: учебник для общеобразовательных организаций: в 2 ч. / под ред. А. В. Торкунова. М., 2016. 111 с.

Г.П. ФЕДОТОВ О МИЛОСЕРДИИ В АКСИОЛОГИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

G.P. FEDOTOV ON MERCY
IN THE AXIOLOGY OF ANCIENT RUSSIAN CULTURE

И.А. Введенский

I.A. Vvedensky

Религиозная культура, этика, милосердие, Г.П. Федотов, русская философия.

Статья посвящена анализу этических представлений в Древней Руси в историософии Г.П. Федотова. В работе раскрыто значение милосердия как аксиологического основания русской религиозной культуры.

Religious culture, ethics, charity, G. P. Fedotov, Russian philosophy.

The article is dedicated to the study of ethical concepts in Ancient Russia in G.P. Fedotov's historiosophy. The work reveals the importance of charity as an axiological foundation of Russian religious culture.

Духовно-нравственные ценности всегда были в фокусе внимания русских мыслителей, не будет преувеличением сказать, что аксиологическая проблематика выступает основной темой и у религиозных философов послеоктябрьского зарубежья. Среди многообразия идейных воззрений пассажиров «философского парохода» особого внимания заслуживают авторы журнала «Новый град», издававшегося в Париже с 1931 по 1939 г. В их числе следует отметить таких выдающихся русских философов, как Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский. Основателями журнала были И.И. Бунаков-Фондаминский, Ф.А. Степун и Г.П. Федотов, являвшийся не только автором, но и редактором этого издания. Исследователь Е.Ю. Машукова, анализируя тематику журнала «Новый Град», отмечает, что в центре внимания

авторов было «этическое и социальное содержание христианства» [1]. Цель данной статьи – эксплицировать ключевые результаты исследований русской религиозности Г.П. Федотова в контексте этических представлений в Древней Руси.

Георгий Петрович Федотов закончил историко-филологический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. В годы студенческой подготовки на формирование Георгия Петровича как историка особое влияние оказал И.М. Гревс, с именем которого связана подготовка плеяды выдающихся медиевистов дореволюционной России. Сферой научных интересов Г.П. Федотова первоначально была церковная история раннего Средневековья Европы. Революционные события и вынужденная эмиграция изменили направление его научной работы. В настоящее время он известен как историк русской культуры, яркий публицист, религиозный философ. Его ключевыми работами по истории русской духовности являются: «Святой Филипп, митрополит Московский» (1928), «Святые Древней Руси» (1931), «Стихи духовные» (1935), «Русская религиозность» (1946. Ч. I). Последняя работа может считаться итогом его научных поисков. Первый том «Киевское христианство: с десятого по тринадцатый век» был опубликован в 1946 г. издательством Гарвардского университета. Второй том, посвященный Средним векам, не был закончен и вышел после смерти автора под редакцией протоиерея Иоанна Мейендорфа в 1966 г. [2].

Как отмечает историк А.В. Антощенко, работа «Русская религиозность» была задумана в конце 1930-х гг. [3], т.е. еще в «новоградский» период Г.П. Федотова. Данное обстоятельство позволяет предположить, что это также предопределило включение в текст книги отдельных частей, посвященных этической проблематике. Во введении к первому тому «Русской религиозности» самим автором было заявле-

но, что именно этика и «религиозно значимые общественные нормы», как элементы духовной жизни, выступают основным предметом исследования. В утилитарной плоскости этическую проблематику можно свести к вопросу «как жить и что делать для спасения?». По мнению Г.П. Федотова, основным отличием русской религиозности от византийской было то обстоятельство, что путь спасения был определен в нравственном образе жизни, а не в церковных таинствах. Основополагающей ценностью древнерусской этики Г.П. Федотов считал милосердие, которое не имеет особого статуса в контексте других культурных традиций в истории христианства. Так, например, «в центре англосаксонской этики – чистота и закон в различных сочетаниях» [2 с. 346]. Напротив, по мнению Федотова, эти две категории не являлись центральными в древнерусском сознании. Свою позицию он обосновывает тем фактом, что за период Древней Руси из 12 канонизированных русской православной церковью женщин только одна была девой – Евфросиния Полоцкая. Сам историк объясняет этот факт исключительным культом священного Материнства, прослеживаемым от языческого периода с культом Матери-Земли и до особого почитания Богородицы в христианский. Закон в контексте правосудия также в древнерусском периоде приобретает национальную специфику, оно оценивается как таковое с точки зрения милосердия. Каритативное понимание правосудия объясняется приданием ему нравственной ценности, если оно осуществлялось в отношении бедных и угнетенных. «Милосердие – общий знаменатель русской этики», – констатирует Г.П. Федотов [2, с. 347]. Согласно его исследованию, милосердие на Руси имело ряд национальных особенностей. Первая из которых – связь с патриархально-родовым укладом. В языческой Руси олицетворением милосердия выступала Земля, в ней он выделяет безличное и

родовое, с чем был связан культ Матери-Земли. С этим культом тесно связан культ прародителей – Рода. Общественная этика строилась по примеру семейной жизни, а отношения между людьми восходят до уровня кровного родства. При этом деревенская русская община основывалась не столько на кровном родстве, сколько на общем землевладении, таким образом, вся общность рассматривалась как семья. С принятием христианства эта особенность сохранилась и трансформировалась в братство людей в духовном смысле, но сохранившего также значение кровного родства в границах нации или расовой общности.

Второй особенностью, выделяемой Федотовым, можно считать то, что «чисто русская этика основывается на религии униженного, или “кенотического”, Христа» [2, с. 347]. В качестве обоснования этой особенности древнерусского мировоззрения Г.П. Федотов приводит аргумент, что первыми национальными святыми стали князья Борис и Глеб, прославленные как страстотерпцы. По мнению Федотова, основным мотивом их почитания являлись именно трагические обстоятельства их гибели, что выделяет их, например, из ряда святых крестителей и просветителей, почитаемых в качестве первых национальных святых в других православных странах. Г.П. Федотов подчеркивает, что «в основе этого почитания лежит, видимо, идея об искуплении и очищении страданием и смертью» [2, с. 108]. Современные исследователи К.А. Костромин, А.В. Петров констатируют, что последующие работы, посвященные почитанию свв. Бориса и Глеба, не смогли опровергнуть основного утверждения Г.П. Федотова об уникальности древнерусского культа этих святых в христианском мире [4].

В заключение следует отметить, что милосердие, выделяемое Г.П. Федотовым как базис древнерусской этики, безусловно присутствует и в современном культурном коде.

В редакторской статье первого номера журнала «Новый град» Г.П. Федотов, определяя кредо издания, обозначает, что он адресован тем, кто готов отправиться в странствие «к Новому Граду, который должен быть построен нашими руками, из старых камней, но по новым зодческим планам» [5, с. 130]. В этом контексте милосердие и в будущем должно оставаться фундаментом русской жизни.

Библиографический список

1. *Машукова Е.Ю.* Христианство «Нового града» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2025. Т. 26, № 1. С. 87–97.
2. *Федотов Г.П.* Русская религиозность. Ч. I: Христианство Киевской Руси // Собрание сочинений: в 12 т. М.: Sam & Sam, 2015. Т. 10. 400 с.
3. *Антощенко А.В.* «Русская религиозность» Г.П. Федотова в зеркалах обзрений // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 134–142.
4. *Костромин К.А., прот., Петров А.В.* Образы святых Бориса и Глеба в парадигме идейно-философских исканий Г.П. Федотова и И.А. Ильина // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 101–113.
5. *Федотов Г.П.* Новый Град № 1 От редакции // Собрание сочинений: в 12 т. М.: Sam & Sam, 2012. Т. 4. С. 128–132.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПРИОРИТЕТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION
AS A STRATEGIC PRIORITY
OF RUSSIA'S NATIONAL SECURITY

И.В. Абрашина

I.V. Abrashina

Национальная безопасность, духовно-нравственное воспитание, национальные ценности, образовательная политика, традиционные ценности, образовательные стратегии.

В статье рассматривается взаимосвязь между духовно-нравственным воспитанием и национальной безопасностью Российской Федерации. Обосновывается позиция, согласно которой укрепление внутреннего единства и социальной стабильности напрямую зависит от эффективности системы образования в формировании ценностных ориентаций, основанных на национальных культурных и религиозных традициях. Предлагается комплексная система мер по интеграции духовно-нравственного воспитания в образовательную практику как ключевого элемента обеспечения национальной безопасности России.

National security, spiritual and moral education, national values, educational policy, traditional values, educational strategies.

This article examines the relationship between spiritual and moral education and the national security of the Russian Federation. The position is substantiated, according to which the strengthening of internal unity and social stability directly depends on the effectiveness of the education system in the formation of value orientations based on national cultural and religious traditions. A comprehensive system of measures for the integration of spiritual and moral education into educational practice as a key element of ensuring the national security of Russia is proposed.

Современная геополитическая ситуация представляет серьезные вызовы национальной безопасности России, требующие комплексного подхода к их решению. Согласно действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, определение национальной безопасности подчеркивает ее всеобъемлющий характер, охватывая не только традиционные военные и политические аспекты, но и гуманитарные и социальные составляющие [1]. Такое понимание создает теоретические предпосылки для рассмотрения образовательной сферы как неотъемлемого элемента системы национальной безопасности.

Спектр угроз национальной безопасности России исключительно широк. Их можно разделить на внешние и внутренние. К внешним угрозам относятся: стремление ряда стран к единоличному доминированию, совершенствование оружия массового поражения, военные конфликты вблизи границ России, международный терроризм и ряд других факторов. К внутренним угрозам относятся: экономический кризис, крупномасштабные чрезвычайные ситуации, коррупция, организованная преступность, терроризм, демографические проблемы, информационное противоборство, киберугрозы, распространение наркомании и низкий уровень духовно-нравственного воспитания [1].

Анализ показывает, что большинство внутренних угроз имеют общий источник – духовно-нравственный кризис общества, проявляющийся в утрате нравственных ориентиров и девальвации традиционных ценностей. Именно поэтому укрепление духовно-нравственных основ – это не просто одно из направлений воспитательной работы, а ключевой фактор обеспечения национальной безопасности [2].

В этой связи следует отметить в первую очередь воспитательный потенциал традиционных религиозных культур России. Разные мировоззренческие группы должны иметь возможность получать его в духе своих убеждений. Право-

славные – в православном духе, мусульмане – в исламском, неверующие – в духе светской этики и так далее. Вместе с тем в стране, культурный код которой сформирован Православием, подрастающие граждане не могут не иметь базовых представлений о православной культуре [3]. Такой подход сочетает принцип уважения к религиозному многообразию с признанием исторической роли Православия в формировании русской культуры и государственности [4].

Нельзя отрицать и педагогическое наследие русской научной педагогики, которое имеет непреходящее значение для понимания путей развития духовно-нравственного воспитания [5].

Концепция «педагогической антропологии» была новаторской для своего времени, поскольку рассматривала воспитание в единстве физического, умственного и духовного развития. К.Д. Ушинский, как основоположник этих идей, считал, что воспитание должно основываться на национальных традициях и учитывать культурные особенности народа. Особое значение имеет идея о том, что основу знаний для каждого человека должны составлять, помимо умения читать, писать и считать, знания основ своей религии и знание своей Родины. Это прямо указывает на неразрывную связь образования и духовно-нравственного развития, основанного на национальных культурных традициях [5].

В современной педагогике эти идеи, помимо педагогической антропологии, развиваются в таких направлениях, как лично ориентированный подход – уважение к личности ребенка, учет его индивидуальных особенностей – и аксиологический подход – ориентация на нравственные идеалы и смыслы.

Государственная политика последних лет направлена на активное возвращение воспитательной составляющей в российскую школу на основе перечисленных направлений. Как отмечал В.В. Путин на заседании Совбеза, «российская

школа системно возвращала воспитательную составляющую. И такой подход важен для детей. Его поддерживают и родители, и педагоги, которые понимают, что воспитание и обучение неотделимы друг от друга – именно вместе они формируют гармоничную личность» [6].

Современные образовательные практики, направленные на укрепление духовно-нравственных ценностей, включают не только «Разговоры о важном» – общероссийский еженедельный урок для укрепления традиционных ценностей, патриотизма и исторического просвещения, реализуемый с 2022 г. Это и введение новых единых учебников истории с расширенными разделами о роли России, истории науки и культуры, и общественные движения («Движение первых», «Юнармия»), реализующие внеурочные воспитательные программы на основе традиционных ценностей [7], и новый обязательный предмет для 5–7-х классов «Духовно-нравственная культура России», который будет введен в 2026/27 учебном году [8].

На основе проведенного анализа можно предложить комплексную систему мер по интеграции духовно-нравственного воспитания в современное образовательное пространство как ключевого элемента национальной безопасности.

1. Введение во все образовательные программы воспитательной составляющей. При этом содержание должно опираться на национальный культурный код и традиционные ценности.

2. Включение основ религиозной культуры в региональный компонент образования на всех ступенях образования с учетом конфессионального многообразия России.

3. Создание условий, при которых мероприятия, связанные с духовно-нравственным воспитанием, станут приоритетными по сравнению с другими видами деятельности.

4. Изменение подхода к подготовке будущих учителей таким образом, чтобы каждый выпускник понимал важность решения воспитательных задач и обладал необходимыми для этого компетенциями.

5. Создание программ курсов повышения квалификации педагогов образовательных учреждений по совершенствованию навыков в решении воспитательных задач.

6. Разработка научно-методической базы, обоснованно регламентирующей необходимость и возможность решения воспитательных задач. Эта база должна интегрировать классическое наследие русской педагогической мысли и современные образовательные подходы.

Реализация этих мер позволит системе образования стать эффективным инструментом укрепления национальной безопасности России через формирование духовно и нравственно развитой личности, способной противостоять современным вызовам и угрозам.

Проведенный в статье анализ позволяет сделать вывод о том, что духовно-нравственное воспитание является не просто одним из элементов воспитательного процесса, а важнейшим фактором обеспечения национальной безопасности России. Современные вызовы и угрозы, стоящие перед нашей страной, требуют комплексного подхода, в котором образовательная политика становится неотъемлемой частью стратегии национальной безопасности.

Библиографический список

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 03.11.2025).
2. *Чекарь В.Н., Зуева Т.М.* Роль государственных органов власти в сохранении и укреплении традиционных российских духовно-нравственных ценностей // KANT: Social Sciences & Humanities. 2025. № 2 (22). С. 142–146.

3. *Абрашина И.В., Попова Е.В., Солдатова М.А.* Повышение уровня духовно-нравственного воспитания как приоритетная задача преодоления внутренних угроз национальной безопасности России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2018. № 4. С. 168–173.
4. *Разоренова Е.Л., Макарова Е.В.* Духовно-нравственное воспитание как компонент образовательной программы учебного учреждения // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2013. № 23. С. 359–362.
5. *Абрашина И.В.* Русские народные подвижные игры как средство воспитания нравственного поведения в процессе обучения: специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования»: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2005. 211 с.
6. Заседание Совета Безопасности Российской Федерации 10 июня 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/77160> (дата обращения: 03.11.2025).
7. Путин отметил роль детских движений в укреплении традиционных ценностей [Электронный ресурс]. URL: http://rapsinews.ru/incident_news/20250610/310947613.html (дата обращения: 03.11.2025).
8. В школах появится предмет «Духовно-нравственная культура» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/22/08/2025/68a88c579a79476fe1024448> (дата обращения: 03.11.2025).

ЖЕНСКАЯ ДУША РУССКОГО НАРОДА

THE FEMININE SOUL OF THE RUSSIAN PEOPLE

А.В. Теняков

A.V. Tenyakov

Женская душа, символ, философия, миф.

Автор раскрывает многогранность этого концепта как культурного и философского явления. Рассматривая женский образ в контексте русской истории, музыки и литературы, автор подчеркивает, что он символизирует не только силу и заботу, но и глубокую связь с природой.

Female soul, symbol, philosophy, myth.

The author reveals the versatility of this concept as a cultural and philosophical phenomenon. Considering the female image in the context of Russian history, music and literature, the author emphasizes that it symbolizes not only strength and care, but also a deep connection with nature.

Женская душа русского народа представляет собой не только яркий культурный стереотип или мифологизированный образ, но и глубокий философский концепт, отражающий многогранность человеческого существования [1]. Этот концепт пронизывает различные аспекты жизни, включая историю, музыку и литературу, где женская сущность раскрывается как символ умиротворения, гармонии и неразрывной связи с природой.

В истории России женский образ часто олицетворял не только силу, но и мягкость, заботу и вдохновение. Его можно встретить в произведениях великих авторов, где женщины становятся хранительницами традиций и культурных ценностей. Например, в творчестве Анны Ахматовой и Марии Башкирцевой женская душа предстает как глубокая, много-

слоиная личность, способная к пониманию и чувственному восприятию мира.

В музыке этот философский концепт также занимает важное место. Композиторы обращаются к женскому образу, создавая произведения, в которых звучит тонкая мелодия, олицетворяющая женскую душу, – ее страсть, тревогу и стремление к свободе [2]. Например, в романтических мелодиях Чайковского и Рахманинова женский образ является символом внутреннего мира, наполненного эмоциями и глубиной.

Литература, в свою очередь, служит отражением общественных и культурных реалий, где женская сущность часто выступает в роли проводника в мир чувств, воспоминаний и мечтаний. Это философский концепт, который подчеркивает важность женской энергии в формировании духовного облика народа. В произведениях Льва Толстого, Федора Достоевского и других классиков женщины являются не только центральными персонажами, но и носителями философских размышлений о жизни, любви и судьбе.

Таким образом, женская душа русского народа – это многогранный философский концепт, который имеет глубокие корни в культуре и истории страны. Она воплощает в себе те вечные ценности, которые позволяют сохранить гармонию и мышление, усовершенствовать душевное состояние человечества, научить пониманию и сосуществованию. Этот образ не только важен для понимания российской идентичности, но и способствует поиску общего языка между культурами, напоминая о ценности женщины в обществе и ее роли в формировании человеческих отношений.

Экзистенциальные аспекты женской души. С точки зрения экзистенциальной философии женская душа предоставляет уникальную перспективу на глубокие вопросы бытия, смысла жизни и взаимодействия с окружающим миром [3].

В отличие от традиционных представлений, часто ассоциируемых с индивидуализмом и рациональностью, женская природа проявляет себя в стремлении к установлению связей и отношений. Этот диалогический подход открывает новые горизонты в понимании экзистенциальных аспектов человеческого существования.

Женщина воспринимает жизнь как сложный и динамичный процесс, в котором важны каждая эмоция и переживание. Она более чувствительна к внутреннему миру как своему, так и окружающих, что позволяет ей углубить понимание собственной сущности и контекста, в котором она существует. Это свойство становится основополагающим для формирования более полного и целостного взгляда на реальность.

В экзистенциальной философии важен акцент на значении человеческого опыта, и женская душа, с ее эмпатией и отзывчивостью, обогащает это понимание. Женщина, как носительница уникального жизненного опыта, может рассматривать экзистенциальные аспекты через призму коллективной памяти, культурных традиций и социальных взаимодействий. Это позволяет разрабатывать более комплексные модели понимания индивидуальности и свободы, которые учитывают не только личный выбор, но и влияние общего контекста.

Таким образом, женская душа в экзистенциальной философии ведет диалог между личным и общим, внутренним и внешним, создавая пространство для более глубокого осмысления жизни и ее беспокойства. Этот подход может вдохновлять на поиски смысла и цельности в условиях современного мира.

Миф и символика. Женская душа, как и сама природа, пронизана множеством мифов и символов, глубоко укоренившихся в русском фольклоре [4]. Эти мифологические

образы, такие как Мара и Матушка-Природа, не просто составляют часть мифологического наследия, но и формируют уникальное восприятие роли женщины в русском обществе. В этом контексте женщина становится не только носителем жизни, обладая способностью создавать и сохранять семью, но и выразителем духовных и моральных ценностей, которые сохранялись и передавались через поколения.

Символы женщины как хранительницы очага отражают вековые традиции и верования, в основе которых лежит почитание материнства, заботы и любви. Женская фигура в русском фольклоре наделяется силой и мудростью, способностью к исцелению и трансформации. Мифологические персонажи часто являются воплощением противоречивых динамик: они могут как приносить умиротворение и гармонию, так и быть источником искушений и конфликтов.

Кроме того, в мифах женская фигура нередко ассоциируется с природными элементами, что подчеркивает взаимосвязь женщины с окружающим миром. Матушка-Природа олицетворяет плодородие и изобилие, а в то же время она может выступать и как символ разрушительной силы, что отражает философию цикличности жизни, присутствующую в русском сознании.

Таким образом, мифы и символы, связанные с женской душой, образуют сложную и многослойную концепцию, тонко переплетенную с культурной идентичностью России. Женщина в этом контексте становится хранительницей не только материального очага, но и духовности, культуры и человеческих ценностей, что делает ее центральной фигурой в формировании и сохранении национального самосознания.

Библиографический список

1. *Рогоза Н.В.* Мифологическая природа женственности в русской культуре // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 4-4. С. 142–147.

2. *Гудимова С.А.* Музыкальная эстетика романтиков // Музыка в контексте культуры: сб. ст. / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. отд. культурологии; отв. ред. И.Л. Галинская. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 394–411.
3. *Шевырногова Л.А.* Женщина в экзистенциальных ситуациях // Сибирское медицинское обозрение. 2001. № 2 (20). С. 43–44.
4. *Андреева П.А.* Сущность женщины в мифологических представлениях славян // Аналитика культурологии. 2008. № 2 (11). С. 8–11.

**СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТ ИЛИ РЕАБИЛИТАЦИЯ:
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЛЕПОТЫ
В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ
ПО ОТНОШЕНИЮ К ИНВАЛИДАМ В 1920-е гг.
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КИНОЖУРНАЛОВ**

SOCIAL CONSTRUCT OR REHABILITATION:
THE REPRESENTATION OF BLINDNESS
IN THE CONTEXT OF SOVIET POLICY
TOWARDS THE DISABLED (1920S)
THROUGH THE LENS OF NEWSREELS

Н.С. Скляренко

N.S. Sklyarenko

Советская социальная политика, история слепоты, визуальная пропаганда, социальный конструкт инвалидности.

Статья анализирует репрезентацию слепоты в советских киножурналах 1920-х гг., показывая, как медиа конструировали одобренный властью образ слепого, ориентированный на трудовую реабилитацию. Автор исследует, как через визуальный нарратив киножурналов продвигалась модель слепоты, основанная на идеях обучения, трудовой адаптации и социальной полезности.

Soviet social policy, history of blindness, visual propaganda, social construction of disability.

The article analyzes the representation of blindness in Soviet newsreels of the 1920s, demonstrating how the media constructed a state-approved image of the blind individual, focused on labor rehabilitation. The author explores how the visual narrative of the newsreels promoted a model of blindness based on ideas of education, labor adaptation, and social utility.

Формирование образа инвалидности в публичном пространстве является не просто отражением социальной реальности, но и мощным инструментом государственной

политики. Особый интерес в этом контексте представляет ранний советский период (1920-е), когда закладывались основы новой модели социального обеспечения, основанной на принципах коллективизма и трудовой утилитарности.

1920-е гг. в СССР стали временем активного становления системы социальной защиты. В ответ на масштабные последствия Первой мировой и Гражданской войн государство создавало сеть специализированных учреждений (учебно-производственных мастерских, школ, домов инвалидов), декларируя целью не просто обеспечение, но «трудовую реабилитацию» и интеграцию «инвалидов труда и войны» в строительство социалистического общества. Однако насколько эта официальная риторика соответствовала реальной практике? И каким образом новые ценности и модели поведения транслировались массовой аудитории?

Ключевым механизмом формирования общественного мнения в этот период стали киножурналы, такие как «Союзкиножурнал» или «Совжурнал». Будучи официальными рупорами государства, они выполняли не только информационную, но и мощную идеологическую функцию, конструируя одобренные властью социальные типы и нормы. Именно через призму этого медиума данная статья исследует, каким образом визуализировалась и осмысливалась слепота.

Современная историография утверждает, что в СССР государственная модель социальной помощи заменила упраздненную благотворительность, ориентируясь на трудовую реабилитацию инвалидов [1; 2]. Эта система находилась под полным контролем государства. К.А. Юдин анализирует роль кинематографа 1920–1940-х гг. как важнейшего средства пропаганды и формирования общественных представлений. Кино в СССР рассматривалось как «орудие воспитания масс» и жестко контролировалось партией

и государством [3]. Через этот канал активно транслировался дискурс «трудовой утилизации» инвалидов, которые представлялись не как объекты сострадания, а как ресурс для социалистического строительства. Таким образом, закладывается методологическая основа для исследования визуальных репрезентаций инвалидности. Кинематограф, создавая «гиперреальность», формировал социально одобренный образ инвалидности (в частности, слепоты) не как трагедии, а как состояния, преодолеваемого через труд и коллектив.

На примере сюжета «На заводе «ЗМС» показано формирование образа незрячего труженика, который представлен как компетентный, самостоятельный и полноценно интегрированный в общество [4, 7'48"–8'55"]. Визуальные приемы, такие как акцент на их «нормальности» (выполняли возложенные трудовые функции без видимых затруднений) и чистоте рабочих мест, убеждали зрителя в успешной трудовой реабилитации. Успехи этих работников (как мужчин, так и женщин) напрямую связывались с поддержкой Компартии и их вкладом в социалистическое строительство, подчеркивая государственную идеологию.

Образование выделялось как ключевой путь к социальной полезности [4, 8'56"–9'40"]. Кадры с вечернего рабфака, где незрячие и зрячие студенты (юноши и девушки) обучаются вместе, символизировали инклюзивность. Равные возможности демонстрировались через одновременное использование традиционного письма и Брайля, а образ незрячего юноши, читающего пальцами, метафорически воплощал идею преодоления ограничений через знания, предоставляемые системой.

Сюжет «На съезде слепых» дополнял этот образ, представляя незрячих не как пассивных объектов благотворительности, а как активных политических субъектов

[5, 4'33"–5'36"]. Их участие в собраниях и выступлениях, а также упоминание как «Ветеран-большевик ШЕЛГУНОВ» или «Слепой профессор ЩЕРБИН», создавало имидж новой элиты из числа инвалидов. Ключевым посланием стал отказ от филантропии в пользу стремления быть «полезными обществу», что противопоставляло советскую модель дореволюционной благотворительности, утверждая достоинство и продуктивность как основы нового подхода.

Проведенный анализ фрагментов кинохроники дает понять, что репрезентация слепоты в советских киножурналах 1920-х гг. была целенаправленным социальным конструктом, служившим целям государственной политики. Визуальный нарратив последовательно исключал образ страдания, зависимости и изоляции, заменяя его тремя взаимосвязанными образами: слепого-рабочего, чей труд полезен для страны; слепого-учащегося, стремящегося к знаниям; и слепого-гражданина, активно участвующего в общественно-политической жизни. Эта триада формировала «гиперреальность», в которой слепота была не медицинской трагедией, а преодолимым препятствием на пути построения социализма. Таким образом, кино выполняло двойную функцию: с одной стороны, оно было инструментом реабилитации, показывая самим инвалидам возможные пути интеграции, а с другой – мощным пропагандистским инструментом, формировавшим в массовом сознании одобренный государством образ «правильного» инвалида, чья ценность определялась его трудовым вкладом.

Библиографический список

1. *Ковалев А.С.* Благотворительность «по-советски»: комитеты помощи инвалидам войны в 20-х гг. XX в. (на материалах Сибири) // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12, № 1. С. 77–94.

2. *Ковалев А.С.* Государственная социальная политика в отношении инвалидов и пожилых людей в сельской местности РСФСР в 1920–1930-х годах: оригинальные идеи и повседневные практики // *Крестьяноведение*. 2025. Т. 10, № 1. С. 77–103.
3. *Юдин К.А.* Кинематографическое искусство в отечественных исследованиях 1920 – начала 1940-х гг. и проблемы современной историографической ретроспекции // *Исторический журнал: научные исследования*. 2018. № 4. С. 58–70.
4. РГАКФФД. Т 1-2177. Союзкиножурнал № 77/340. Союзкино. 1930 г.
5. РГАКФФД. Т 1-1648. Совжурнал № 7/116. Совкино. 1928 г.

**СОХРАНЕНИЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ
ЦЕННОСТЕЙ ЧЕРЕЗ НАРРАТИВЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В РАМКАХ ОСВЕЩЕНИЯ
СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ
В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ УГРОЗ**

PRESERVATION OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES
THROUGH THE NARRATIVES
OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
WITHIN THE FRAMEWORK OF THE COVERAGE
OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION
IN THE ERA OF DIGITAL THREATS

Ю.А. Тимиряев

Yu.A. Timiryayev

Научный руководитель **А.О. Наумов**
Research adviser **A.O. Naumov**

Историческая память, информационные войны, цифровизация, Великая Отечественная война, специальная военная операция.

В работе анализируются попытки подмены и фальсификации исторических фактов о Великой Отечественной войне и специальной военной операции в информационном пространстве в период ее начала и проведения. Проанализированы основные популярные направления формирования позитивного образа СВО через применение символов и нарративов Великой Отечественной войны.

Historical memory, information wars, digitalization, the Great Patriotic War, Special Military Operation.

The paper analyzes attempts to substitute and falsify historical facts about the Great Patriotic War and the Special Military Operation in the information space during the period of its initiation and implementation. The main popular directions in shaping the positive image of the Special Military Operation through the use of symbols and narratives of the Great Patriotic War are examined.

...И в Берлине, в праздничную дату,
Был воздвигнут, чтоб стоять века,
Памятник Советскому солдату
С девочкой, спасенной на руках...

В последнее время попытки искажения истинной истории самой кровопролитной войны, которую знало человеческая цивилизация, стали носить системный характер. Накануне празднования 80-летия Великой Победы Трамп заявил о ведущей роли США в победе над нацизмом [1]. В данном ключе и даже более радикально высказываются европейские лидеры. Политические элиты Великобритании, например, ранее отмечавшие решающий вклад СССР в победу над гитлеровской Германией, после начала специальной военной операции резко сменили риторику: в дискурсе местного истеблишмента появилось абсурдное утверждение о том, что Запад победил во Второй мировой войне благодаря помощи Украины.

Создание ложных нарративов, всевозможные фальсификации, формирование альтернативных трактовок причин, хода и результатов Второй мировой войны со стороны стран коллективного Запада приобрели невиданный масштаб весной 2025 г. в преддверии 80-летнего юбилея Великой Победы. В контексте политики искажения исторической памяти на Западе все чаще обращаются к событиям специальной военной операции, которую в настоящий момент проводит Российская Федерация с целью демилитаризации и денацификации Украины, ставшей антироссийским орудием в руках США и Европейского союза.

С началом специальной военной операции в информационном поле проявилась новая деструктивная тенденция: при формировании ложных нарративов стали использоваться сравнения Великой Отечественной войны и СВО,

разумеется, исключительно в негативном ключе (гигантские потери, ошибки командования, нарушения правил ведения войны и т.д.). Характерно в это плане видео, опубликованное 8 мая 2023 г. в канун праздника Великой Победы, с названием «Стыдная правда о войне 1941–1945 и специальной военной операции» [2], за 10 дней набравшее почти полмиллиона просмотров. В снятом иноагентом ролике развивалась идея, что как в СССР лишь пропаганда заставляла людей защищать Родину, так и сейчас в России «идет промывка мозгов» бойцов СВО. Создатели ролика подводят аудиторию к мысли, что история повторяется и в наши дни; проводились параллели между начальными этапами Великой Отечественной войны и специальной военной операции, активно продвигался тезис о том, что нет смысла в личном героизме и человеческая жизнь не стоит любых стратегических и политических целей. Еще один ложный нарратив: Россия напала на Украину как гитлеровская Германия на СССР. Попытки фальсифицировать данные о действиях солдат советской армии на освобожденных территориях (пытки, насилие, грабежи) и притянуть эту фальсификацию к СВО и нашим ребятам, находящимся на освобожденных территориях. Продвижение таких нарративов проходит в запрещенных на территориях Российской Федерации социальных сетях и видеоплатформах. Хочется отметить, что в отечественном сегменте сети Интернет данных роликов значительно меньше и они не продвигаются алгоритмами, но с определенной частотой загружаются на отечественные платформы.

И все же стоит отметить, что с началом СВО появилась и другая тенденция, в которой параллели между двумя конфликтами носят позитивный характер. Так, если накануне и во время Великой Отечественной войны происходило обращение к образам и символам предыдущих поколений защит-

ников нашей Родины (отметим фильмы Сергея Эйзенштейна «Александр Невский», Всеволода Пудовкина «Суворов», Владимира Петрова «Петр Первый»), то после начала специальной военной операции этот смысловой ряд был продолжен нарративами Великой Отечественной войны. Стали проводиться параллели как с точки зрения глобального дискурса (Россия вновь воюет против коллективного Запада, как во времена вторжения Наполеона и Гитлера, боевые действия ведутся на той же территории, на которой в 1940-х гг. наша страна давала отпор немецко-фашистским захватчикам»), так и в рамках отдельных эпизодов Великой Отечественной войны. Уже на начальном этапе специальной военной операции бои за Мариуполь и масштабы разрушения города в российском медиапространстве сравнивали со Сталинградской битвой [3]. Все чаще звучат утверждения, что теперь уже внуки и правнуки тех, кто сражался под Москвой, отстаивал Сталинград, прошел через ужасы блокадного Ленинграда и освобождал Европу от немецко-фашистских захватчиков, выполняют свой исторический долг по защите людей от неонацистского режима и его европейских пособников [4]. Приводятся примеры, что в армии, противостоящей российским Вооруженным силам, воюют представители европейских наций, которые когда-то уже приходили на нашу землю в составе войск третьего рейха [5]. Очень популярен стал тезис, и с ним нельзя не согласиться, что нынешнее поколение воинов с честью выполняет свой долг перед героями Великой Отечественной войны, чтобы вновь подарить миру освобождение от человеконенавистнической идеологии нацизма и фашизма.

Всю значимость текущей проблемы отражают слова нашего президента, который тоже проводит эту важную параллель. В.В. Путин в речи на параде Победы 9 мая 2022 г., обращаясь к Вооруженным силам и ополченцам Донбасса,

заявил: «Сегодня вы защищаете то, за что сражались отцы и деды, прадеды. Для них высшим смыслом жизни всегда были благополучие и безопасность Родины. И для нас, их наследников, преданность Отчизне – главная ценность, надежная опора независимости России. Те, кто сокрушил нацизм в годы Великой Отечественной войны, показали нам пример героизма на все времена. Это поколение победителей, и мы всегда будем равняться на них».

В ходе работы над докладом определено взаимное влияния идейных и культурных параллелей между специальной военной операцией и Великой Отечественной войной в 2025 г., что открывает новые горизонты для национальной борьбы за историческую справедливость.

Библиографический список

1. Трамп вновь заявил о наибольшем вкладе США в победу во Второй мировой // РБК. 25.05.2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/68328c069a7947c22c403441> (дата обращения: 25.10.2025).
2. Стыдная правда о войне 1941–45 и специальной военной операции // Youtube. 08.05.2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GLPrk3OSz7E> (дата обращения: 25.10.2025).
3. Сравнение Мариуполя со Сталинградом сыграло с Украиной злую шутку // РИА Новости. 23.05.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20220523/ukraina-1790007131.html> (дата обращения: 25.10.2025).
4. По стопам дедов: как военнослужащие СВО повторяют подвиг Сталинградской битвы // ФедералПресс. 02.02.2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://fedpress.ru/article/3192978> (дата обращения: 25.10.2025).
5. *Коц Андрей*. «Собрались со всего мира». Кто едет воевать на Украину // РИА Новости. 11 марта 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20220311/spetsoperatsiya-1777516637.html?in=t> (дата обращения: 25.10.2025).

**«МЕДНЫЙ ВСАДНИК»
В СВЕТЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ЭСХАТОЛОГИИ:
К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНО-ЭТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ
ПЕТРА I А.С. ПУШКИНЫМ**

“THE BRONZE HORSEMAN”
IN THE LIGHT OF OLD BELIEVERS’ ESCHATOLOGY:
ON THE QUESTION OF A.S. PUSHKIN’S RELIGIOUS
AND ETHICAL ASSESSMENT OF PETER I

Д.Н. Лебина

D.N. Lebina

Научный руководитель **Е.Г. Июльская**
Research adviser **Ye.G. Iyulskaya**

А.С. Пушкин, Петр I, «Медный всадник», старообрядческая эсхатология, антихрист.

Статья исследует образ Петра I в поэме А.С. Пушкина «Медный всадник» через призму старообрядческой эсхатологии. В работе анализируется, как библейские мотивы и апокалиптические образы формируют в тексте комплекс представлений о монархе-антихристе и божественном возмездии, раскрывающих трагическую природу петровских преобразований.

A.S. Pushkin, Peter the Great, “The Bronze Horseman”, Old Believer eschatology, Antichrist.

This article examines the image of Peter the Great in A.S. Pushkin’s poem “The Bronze Horseman” through the lens of Old Believer eschatology. The paper analyzes how biblical motifs and apocalyptic imagery shape the text’s complex ideas about the Antichrist monarch and divine retribution, revealing the tragic nature of Peter’s reforms.

Цель настоящего исследования – выявление и анализ мотивов и образов поэмы, восходящих к старообрядческой эсхатологической традиции, и ее специфической интерпретации фигуры монарха.

В 1830-е гг. Пушкин переживает переоценку собственной жизни с позиции христианства и начинает более серьезно относиться к религии, что находит отражение в его творчестве. Вступление «Медного всадника» основывается на библейском сюжете о сотворении мира. Для возникновения Петербурга достаточно только мысли о нем монарха [1, с. 9], ведь «в начале было Слово» (Ин 1:1). Уподобление Петра I творцу Пушкин подчеркивает посредством использования вместо имени местоимения «он», однако намеренно употребляет его со строчной буквы. Так, в поэме «чудотворный строитель» может быть прочитан как фигура, претендующая на роль демиурга, «державца полумира».

Действия Петра Великого, интерпретируемые как вмешательство в божественный порядок, приводят к ответной реакции стихии: Нева предстает как сила, пытающаяся уничтожить творение монарха – Петербург. Это позволяет рассматривать образ правителя как антихриста, к признакам пришествия которого относятся природные катаклизмы (Мф. 24:7; Лк. 21:25) и выдавание себя за Христа (Мф. 24:5).

Однако стоит разграничивать старообрядческое и народное восприятие Петра как «последнего и главного врага Христа» [2, с. 25]. Именно народное восприятие зачастую закладывается в интерпретацию образа монарха как антихриста в «Медном всаднике» [3, с. 211; 4, с. 12; 5, с. 37, 254; 6, с. 106]. При этом «антихрист» употребляется по отношению к правителю «как ругательное слово вроде “черт”, “бес” или “сатана”». В то же время старообрядческое восприятие основывается на близком «знакомстве ее проповедников со Священным Писанием» [7, с. 84] и рассматривает «антихриста» в прямом смысле этого слова. Так, легенда о «Петре-антихристе» бытует среди староверов с 1697–1698 по 1722 г. [8, с. 137]. Основой легенды служат различные библейские эсхатологические тексты,

в которых староверы пытаются найти подтверждения дьявольской природы петровских преобразований. Подобное восприятие личности и действий монарха постепенно становится достоянием широких народных масс, среди которых возникает упрощенно-метафорическое именование Петра I.

Еще одна из существующих легенд о Петре I появилась после 1782 г., когда на Сенатской площади был поставлен памятник правителю. Староверы, по-прежнему относящиеся к бывшему монарху с предубеждением, прозвали монумент всадником Апокалипсиса. Учитывая осведомленность писателя в старообрядческих воззрениях на Петра I, можно предположить, что между апокалиптическим всадником и главным героем произведения также есть не только типологическая, но и непосредственная связь.

Староверы цитировали Откровение Иоанна Богослова: «И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя “смерть”» (Откр 6:8). В пушкинском же тексте смерть в буквальном смысле охватывает город: «Гроба с размытого кладбища плывут по улицам» [1, с. 15]. Более того, бунт Невы в «Медном всаднике» также происходит по воле бога: Александр I, наблюдая за рекой, называет ее «божией стихией» [1, с. 15], а сам народ, чувствуя приближение Апокалипсиса, «зрит божий гнев и казни ждет» [1, с. 46].

Более того, согласно пророчеству апостола, за всадником на бледном коне следует ад. В пушкинском же тексте Петр поднимает страну «над самой бездной» – не источником зла, ведь «звери и антихрист, выходящие из бездны в конце времен (Дан. 7:3; Откр. 11:7), сражаются с теми, кто твердо держится Божьего слова» [9, с. 217]. В данном контексте строки, где правитель «на высоте, уздой железной / Россию поднял на дыбы» [1, с. 21], могут быть интерпретированы таким образом, что сама Россия репрезентируется в образе бледной агонизирующей лошади, которую

Петр Великий, подобно апокалиптическому всаднику, устремляет в адскую пучину. Так, согласно данной трактовке, в «Медном всаднике» монарх одновременно выступает в двух ипостасях: демиург-реформатор России и антихрист.

В заключение старообрядческая эсхатология становится одной из важнейших перспектив в структуре поэмы, где восхищение мощью «Петра-демиурга» сочетается с осознанием цены его преобразований для «маленького человека».

Библиографический список

1. *Пушкин А.С.* Медный всадник / изд. подгот. Н.В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. 293 с. (Литературные памятники).
2. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов; Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 2-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000.
3. *Виротайнен М.Н.* Медный всадник. Петербургская повесть // Звезда. 1999. № 6. С. 208–219.
4. *Немировский И.В.* Библейская тема в «Медном всаднике» // Русская литература. Л., 1990. № 3. С. 3–17.
5. *Виротайнен М.Н.* Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб.: Амфора, 2003. 503 с.
6. *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы: Избр. тр. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. 616 с.
7. *Перри М.* Русская народная эсхатология и легенда о Петре I – Антихристе // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. № 4. С. 77–86.
8. *Чистов К.В.* Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 539 с.
9. Словарь библейских образов: справочник / под общ. ред. Л. Райкена, Дж. Уилхойта, Т. Лонгмана II; ред.-конс.: К. Дюриес, Д. Пенни, Д. Рейд; пер.: Б.А. Скороходов, О.А. Рыбакова. СПб.: Библия для всех, 2005. 1423 с.

**ВОИНСКИЙ ДОЛГ КАК ПРАВСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ
СОВЕТСКИХ СОЛДАТ – УЧАСТНИКОВ
ВОЕННОГО КОНФЛИКТА В АФГАНИСТАНЕ
(НА ОСНОВЕ ЭГО-МАТЕРИАЛОВ)**

MILITARY DEBT AS A MORAL VALUE
OF SOVIET SOLDIERS PARTICIPATING
IN THE MILITARY CONFLICT IN AFGHANISTAN
(BASED ON EGO-MATERIALS)

И.В. Фролов

I.V. Frolov

Научный руководитель **Е.Л. Зберовская**
Scientific adviser **E.L. Zberovskaya**

Конфликт в Афганистане 1979–1989 гг., устная история, воинский долг, духовно-нравственные ценности, интернациональный долг, ОКСВ.

В статье рассматриваются результаты интервью с участниками конфликта в Афганистане 1979–1989 гг. на тему воинского долга, дающие основу формированию исторической памяти о конфликте и его переосмыслению. Воинский долг представляется как базис интернационального долга. Автор приходит к выводу, что транслируемые ценности были приняты солдатами и свой воинский долг они выполнили.

Conflict in Afghanistan 1979–1989, oral history, military duty, spiritual and moral values, international debt, LCST.

The article examines the results of interviews with the participants in the conflict in Afghanistan 1979–1989 on the topic of military duty, giving the basis for forming a historical memory about the conflict and its reinterpretation. Military duty is presented as the basis of international debt. The author concludes that the values were accepted by the soldiers and that they fulfilled their military duty.

Историческая память об афганской войне долгое время определялась политической конъюнктурой. По прошествии трех десятилетий после вывода советских войск из Афганистана, эти события по-прежнему остаются недостаточно изученными. Обращение к истории афганской войны через привлечение эго-документов – воспоминаний рядовых участников – позволит раскрыть один из важнейших аспектов этого конфликта: понимание воинского и интернационального долга. Другим аспектом исследования стал феномен постпамяти о конфликте у его участников.

Цель данного исследования заключается в формировании исторической памяти о военном конфликте в Афганистане (1979–1989) через устную историю. Центральной проблемой стало понимание ветеранами-респондентами воинского долга как духовно-нравственной ценности.

Особенность устной истории – трансформация памяти и личного эмоционального опыта, трансляция воспоминаний через ассоциативные ряды, имеющие под собой глубокий психоэмоциональный фон [1, с.1–132].

Основой для нашего исследования стали устные нарративы – интервью, взятые у участников афганской войны, проживающих в настоящее время в Красноярске: И.А. Воробьева, ВДВ [2]; В.В. Фролова, ПВ [3]; Р.Ф. Файзрахманова, ВДВ [4]; О.В. Илатовского, ремонтная рота [5]; А.П. Белова (проходил службу в Афганистане в 1979 г., проводя обучение наших солдат) [6].

При составлении вопросов были использованы следующие принципы: 1) чередование фактических вопросов и вопросов-импульсов; 2) использование перекрестных вопросов; 3) бытовые и фактологические воспоминания, смысл и интерпретация; 4) выделение из общего ядра повествования вопросов о частных моментах; 5) принцип реконструкции субъективного опыта и памяти; 6) реконструкция

ментальности, ценностей, модальностей [1, с. 1–132]. Интервью базировалось на системе перекрестных вопросов, рассматривающих: 1) динамику изменения отношения к конфликту; 2) восприятие, ретрансляцию и рефлексию воинского и интернационального долга; 3) эмоции, воспоминания и ассоциации ветеранов-респондентов.

Общие нарративы присутствуют во всех интервью: 1) при описании отношения к конфликту и его восприятия, а также понимания воинского долга все респонденты ссылаются на Великую Отечественную войну и подвиги предков, как на модель поведения, пример патриотизма, самоотверженности и героизма: «был страх, что не выпадет случая проявить подобный героизм», «подвигом могу назвать то, что делали наши предки в войне, а мы просто выполняли задачи» [2]. Очевидно, что воинский долг у советских солдат был основан именно на репрезентации подвига предков в Великой Отечественной войне. Р.Ф. ссылается на проявления интернационального долга в историческом прошлом России в крупных конфликтах [4]; 2) воинский долг для наших респондентов – это бескорыстное, беспрекословное, самоотверженное выполнение своих задач и обязанностей, несение ответственности перед товарищами, защита и помощь Родине, патриотизм; 3) в вопросе интернационального долга все ветераны ссылаются на воинский долг и на стремление «помочь братскому народу», «защитить Родину от внешних угроз», «помочь закончить гражданскую войну в Афганистане и ликвидировать терроризм» [3; 5; 6]; 4) общим рефреном звучит тема смены политического курса во время перестройки и после нее. И.А. и О.В. отмечают несправедливое забвение ветеранов конфликта во время перестройки и после нее [2; 5]; 5) для всех респондентов братство во время конфликта и после него является одной из ключевых ценностей. Так, Р.Ф. вспоминает тяжесть расставания

с товарищами после комиссования, а В.В. командировался в Афганистан вместе с лучшим другом, чтобы поддержать его [4; 3]; 6) рефлексировав об опыте участия, ветераны говорят о формировании личностных качеств. Этот опыт впоследствии позволил заниматься общественной деятельностью Р.Ф. (был 2-м секретарем горкома ВЛКСМ, вел ВПК) и И.А. (региональный руководитель «Боевого братства») [4; 2]; 7) все ветераны хорошо помнят географические объекты, наименования орудий, рисуют образы локаций и т.д., что говорит об их тонком восприятии конфликта и ретрансляции фактов в памяти. Многие ветераны не воспроизводили некоторые травмирующие воспоминания, что проявлялось в резких изменениях жестикологии, темпа речи и т.д.

Выделяя частное, следует отметить, что В.В. обращает особое внимание на то, что наиболее «темные» страницы афганского конфликта обусловлены стремлением многих офицеров «выслужиться и поскорее отправиться в училище» [3]. В.В. и Р.Ф. выделяют как общее, так и различное между афганским конфликтом и Великой Отечественной войной: «не было ожидаемой линии фронта», «не было такого что тут “хорошие”, тут “плохие”» [3; 4]. И.А. особое внимание уделяет термину «война в Афганистане», характеризуя этот конфликт как военную агрессию, как и О.В., как партизанскую войну, и делает вывод, что можно и нужно было решить мирно [2; 5]. В.В. же использует термин «миссия в Афганистане» выделяя главную задачу – ликвидацию террористов [2].

Данное исследование позволяет нам сделать следующие выводы: 1) динамика изменения отношения к конфликту у всех ветеранов имеет одинаковый вектор: неизвестность – участие – смена политического дискурса – рефлексия, память о конфликте; 2) воинский долг для участников конфликта в Афганистане – это основополага-

ющая духовно-нравственная ценность, идентифицируемая как повторение подвига предков в Великой Отечественной войне на благо Родины. Однако все ветераны рассказывают о различных своих подвигах и подвигах товарищей как о повседневности. Интернациональный долг – защита своей Родины за рубежом, спасение дружественного государства от экспансии Запада и терроризма.

Таким образом, каждый ветеран-респондент, согласно воинской присяге, был «честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранившим военную и государственную тайну, беспрекословно выполнявшим все воинские уставы и приказы командиров и начальников» [4], а также доблестно и бескорыстно, «не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами» [4], защищал «завоевания социализма».

Библиографический список

1. *Нитхаммер Л.* Вопросы к немецкой памяти: статьи по устной истории / пер. К. Левинсон, Е. Щербакова. М.: Новое изд-во, 2012. 535 с.
2. *Воробьев И.А.* Интервью «Рефлексия опыта участия в афганском конфликте» // Личный архив автора. 12.11.2025.
3. *Фролов В.В.* Интервью «Рефлексия опыта участия в афганском конфликте» // Личный архив автора. 18.11.2025.
4. *Файзрахманов Р.Ф.* Интервью «Рефлексия опыта участия в афганском конфликте» // Личный архив автора. 20.11.2025.
5. *Илатовский О.В.* Интервью «Рефлексия опыта участия в афганском конфликте» // Личный архив автора. 23.11.2025.
6. *Белов А.П.* Интервью «Рефлексия опыта участия в афганском конфликте». Личный архив автора. 23.11.2025.

**ЖЕНЩИНЫ-ГЕРОИНИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА:
ПОДВИГИ И МОРАЛЬНЫЕ ДИЛЕММЫ
В УСЛОВИЯХ ГОЛОДА И СТРАХА**

WOMEN OF BLOCKED LENINGRAD:
HEROES AND MORAL DILEMMAS
IN A WORLD OF FROST AND FEAR

Я.С. Якунина

Ya.S. Yakunina

Научный руководитель **А.В. Толмачева**
Research advisor **A.V. Tolmacheva**

Блокадный Ленинград, женщины, подвиги, моральные дилеммы, голод, стойкость.

Статья исследует многогранный образ женщины в блокадном Ленинграде, фокусируясь на ее беспримерных подвигах и духовно-нравственных дилеммах в условиях голода и страха. Анализируются их вклад в выживание города, сохранение человеческого достоинства и неиссякаемая воля к жизни перед лицом немислимых испытаний.

Siege of Leningrad, women, feats, moral dilemmas, hunger, resilience.

The article explores the multifaceted image of a woman in besieged Leningrad, focusing on her unparalleled feats and spiritual and moral dilemmas in the face of hunger and fear. It analyzes their contribution to the city's survival, the preservation of human dignity, and their unwavering will to live in the face of unimaginable challenges.

Блокада Ленинграда (1941–1944) – трагический символ небывалой стойкости. 872 дня город выживал в полном окружении, голоде, холоде и под постоянными бомбардировками. В этой бесчеловечной борьбе ключевую роль сыграла женщина, ставшая не только хранительницей очага, но и участницей обороны, труженицей тыла, медсестрой.

Образ женщины-блокадницы воплощает бесчисленные подвиги, невероятную самоотдачу, а также трагические моральные дилеммы на грани человеческого существования. Статья призвана раскрыть эту двойственность: героический подвиг и мучительный внутренний выбор в условиях голода и страха.

Ежедневно тысячи женщин Ленинграда совершали небывалые подвиги: трудились на оборонных заводах по 12–16 часов в сутки, заменяя ушедших на фронт мужчин, несмотря на истощение, очищали город от снега и мусора, тушили пожары, разбирали завалы, строили оборонительные сооружения. О.Ф. Берггольц, «муза блокады», своим творчеством и радиопередачами поддерживала моральный дух города, воплощая образ несгибаемой воли [1].

Неоценимой была их роль в системе здравоохранения и образования. Женщины врачи и медсестры спасали жизни в переполненных госпиталях, часто без света и отопления. Педагоги и воспитательницы, сами голодая, заботились о детях в детских домах и школах, стараясь сохранить для них хотя бы иллюзию нормальной жизни. Дневники и воспоминания блокадников изобилуют свидетельствами поразительной стойкости женщин, которые, несмотря на крайнюю степень дистрофии, продолжали выполнять свой долг, сохраняя дисциплину и надежду [2].

Самым главным и каждодневным подвигом женщины было сохранение жизни своей семьи, особенно детей. Добыча пищи, приготовление еды из того, что было, поддержание хоть какой-то чистоты в доме, попытки согреть близких – эти, казалось бы, бытовые мелочи в условиях блокады превращались в сверхчеловеческие усилия, требующие не только физической выносливости, но и колоссальной моральной силы. Они были живым воплощением патриотизма и несгибаемой веры в Победу.

За героической завесой скрывались и мучительные моральные дилеммы, которые ставил перед женщинами бесчеловечный выбор в условиях предельного голода и страха. Блокадная повседневность не щадила никого, и вопросы этики часто сталкивались с инстинктом выживания.

Главной дилеммой была еда. Пайки были ничтожны, и решение, кто получит лишнюю крошку, а кто нет, становилось трагическим выбором. Множество женщин жертвовали собой ради детей или стариков, отдавая им свою долю, прекрасно понимая, что это лишает их последних сил. Это было величайшее проявление материнской любви и самопожертвования, ярко описанное в дневниках той поры [3]. Но были и другие, более темные грани: кражи продовольствия, спекуляция, а в самых жутких случаях – каннибализм. Это были единичные, но глубоко травмирующие общество случаи, которые свидетельствовали о том, как низко может пасть человек в условиях абсолютного отчаяния [2]. Женщинам приходилось бороться не только с физическим голодом, но и с моральным искушением, выбирая между нравственным законом и инстинктом самосохранения.

Страх стал неотъемлемой частью жизни людей в блокадном Ленинграде из-за голода, холода и угрозы бомбежек. В таких условиях внутренние моральные конфликты обострялись: люди выбирали между выживанием и сохранением человеческих ценностей. Дневники блокадников свидетельствуют о жертвах ради выживания, но также показывают стремление сохранить достоинство и человечность. Эти записи подчеркивают силу духа и важность моральной поддержки друг друга в такие тяжелые времена [1].

Несмотря на эти ужасающие дилеммы, женщины Ленинграда в подавляющем большинстве сохраняли свое достоинство и несли в себе дух человечности. Они находили силы для взаимопомощи, поддержки друг друга. Организовывались «кружки помощи», где делились последним,

помогали ухаживать за больными и умирающими. Культура и искусство, хоть и в урезанном виде, продолжали жить в осажденном городе благодаря женщинам – работницам библиотек, музеев, актрисам и музыкантам, которые в нечеловеческих условиях организовывали лекции, концерты, спектакли, давая людям надежду и пищу для души [3].

Женщины были хранительницами памяти и будущего. Они не только спасали детей, но и передавали им частички довоенного мира, учили стихам, рассказывали сказки и пели песни. Эта культурная деятельность поддерживала веру в возвращение к нормальной жизни и победу света над тьмой. Е.Ю. Савельева подчеркивает, что даже описывая ужасы, женщины сохраняли мощный гуманистический посыл [1].

Образ женщины в блокадном Ленинграде – мощнейший символ несгибаемой воли, самоотверженности и гуманизма. Женщины-блокадницы ежедневно совершали героические подвиги, поддерживая город, переживали сложнейшие моральные дилеммы, борясь за сохранение не только жизни, но и человеческого достоинства. Их опыт свидетельствует о невероятной способности к самопожертвованию и состраданию, о хрупкости моральных устоев перед голодом и страхом. Изучение этой двойственности дает бесценные уроки о значимости мира, гуманизма и способности сохранять свет духа даже в самые темные времена, увековечивая память о силе, преодолевшей немислимые испытания.

Библиографический список

1. *Савельева Е.Ю.* «Голоса блокады»: феномен личных свидетельств женщин о пережитом опыте // Исторические исследования. 2019. № 12. С. 136–148.
2. *Соболев Г.Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде: в 2 кн. 1943. СПб.: СПбГУ, 2015. Кн. 2: Июнь 1942 – январь. 525 с.
3. *Ковальчук В.М.* Ленинград в Великой Отечественной войне (1941–1945). СПб.: Наука, 2000. 240 с.

АГИТАЦИОННЫЙ ПЛАКАТ КАК СРЕДСТВО ПОБЕДЫ «КРАСНОГО» ДВИЖЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

AN AGITATIONAL PLATE
AS A MEANS OF THE RED MOVEMENT'S VICTORY
IN THE CIVIL WAR

А.Е. Ракина

A.E. Rakina

Научный руководитель **А.В. Толмачева**
Research advisor **A.V. Tolmacheva**

Гражданская война, «красные», «белые», агитационный плакат, историческое значение, образ.

Агитационный плакат является важнейшим визуальным историческим источником в изучении периода Гражданской войны в России. В статье представлен детальный анализ агитационных плакатов как средства победы «красного» движения над «белым».

Civil War, “Reds”, “Whites”, propaganda poster, historical significance, image.

Propaganda poster is the most important visual historical source in the study of the period of the Russian Civil War. The article presents a detailed analysis of propaganda posters as a means of the “Red” movement victory over the “White”.

Агитационный плакат в период Гражданской войны являлся одним из важнейших средств, определившим победу «красных». В этом его большое историческое значение. Рассмотрим, как плакат повлиял на исход Гражданской войны.

Следует отметить тематические различия плакатов «красных» и «белых». Плакаты белой армии и вербально, и своими изображениями апеллировали к общечеловеческим

ценностям: «свобода и справедливость», «родина и свобода» для всех, что не находило отклика в среде крестьян и рабочих, осознавших свои классовые интересы [1, с. 69–71]. Плакаты же большевиков, как правило, имели классовый характер, то есть конкретное обращение к крестьянству и пролетариату.

На плакатах «белых» «Мир и свобода в Совдепии», «За единую России» мы можем проследить эту тенденцию. В плакатах отражена основная тематика: негативный образ врага (Троцкий в образе дьявола); противопоставление «добра» «злу» и обязательная победа первого (белый конь (белогвардейцы) побеждает красного змея (большевики)). На плакатах «красных» мы можем заметить прямое обращение к рабочим и крестьянам, упоминание об опасности, которую представляют «белые» для них (например, обратите внимание на плакат «Царские полки и красная армия»). Зачастую такие классовые обращения звучат в заголовках, в самих изображениях.

Кроме того, «красные» изображали на плакатах, что сторона «белых» – это толстые господа, злоупотребляющие своей властью. Например, обратите внимание на плакат «Деникинская банда» и др. Большевики представляли врага, обращаясь в первую очередь к классовым противоречиям, сложившимся в обществе. Через тему ненависти одного класса к другому, что активно отражалось в агитационных плакатах «красных», у народа формировалось негативное отношение к «белым».

Так, принцип понятности, простоты восприятия плаката, и его актуальности для общественных масс, конкретных классов повлиял на численное превосходство, наибольшую поддержку со стороны народа для РККА, а следовательно, и на исход войны.

Кроме того, образ героя на плакатах у большевиков более понятен общественным массам, он отвечает их запросам, представлениям о реальной защите, об армии нового государства, в отличие от мифологического образа богатыря (обратите внимание на плакат «Ты записался добровольцем?») плакатов «белых», где главным стержнем стало обличение врага, при том что собирательного образа своего героя разработано не было [2, с. 212].

Завлекали на свою сторону большевики и гибким отношением к тем, кто перешел к врагу. Советские открытки были более осторожны по отношению к представителям народных масс, поддержавших «капиталистических наемников». Эта политика позволила большевикам протянуть руку всем потенциальным сочувствующим, чья преданность в условиях общественного раскола часто была гибкой [3, с. 205]. Эту мысль подтверждает плакат «Казак, у тебя одна дорога с трудовой Россией». Среди казачества в период Гражданской войны произошел раскол: одна часть поддержала белогвардейцев, а другая – большевиков. «Красные» не представляли казаков в негативном образе, напротив, напутствовали их на принятие «верного» решения. Такая «гибкость», представленная на плакатах, также повлияла на преимущество сил большевиков в Гражданской войне.

Также мысль о «гибкости» в плакатах «красных» подтверждает то, что в них не встречается тенденция антисемитизма, в отличие от плакатов белогвардейцев. Например, на плакате «Вот кто терзает Великую Россию» представлена мысль о том, что во главе нового Советского государства – евреи, ущемляющие интересы исконно русского населения, вынуждающие отказаться от православия. Нередко на плакатах у «белых» встречаются образы известных советских лидеров, в которых подчеркнута их национальная принадлежность, например В.И. Ленина или Л.Д. Троцкого.

Действительно, если у «белых» мы можем увидеть плакаты подобной тематики, то у «красных» таких изображений не встречается, а напротив, в приоритете идея о создании многонационального государства.

Таким образом, категоричное отношение к перешедшим на сторону врага, к еврейской национальности было отражено в агитационных плакатах большевиков и повлияло на формирование их положительного образа в глазах общественного сознания, а следовательно, и на перевес сил в их пользу, и на дальнейший исход Гражданской войны.

Подводя итог вышесказанному, мы можем прийти к выводу о том, что агитационный плакат имеет большое историческое значение. Именно он послужил одним из действенных средств в борьбе «красных» с «белыми» и определил победу первых. Доступность, понятность и актуальность, отраженные в тематическом аспекте, повлияли на факт наибольшей поддержки народом большевиков в Гражданской войне.

Библиографический список

1. *Полонский В.П.* Русский революционный плакат. М.: Гос. изд-во, 1925. 192 с.
2. *Сергеева О.В.* Визуальный язык «красных» и «белых» плакатов периода Гражданской войны в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. № 20 (4). С. 210–229.
3. *Mathew T.* ‘Wish you were (not) here’: Anti-Bolshevik Postcards of the Russian Civil War, 1918–21 // *Revolutionary Russia*, Vol. 23, No. 2, December 2010, pp. 183–216.

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ: ОТРАЖЕНИЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

THE IMAGE OF A WOMAN IN BLOCKED LENINGRAD: REFLECTION IN FOREIGN HISTORIOGRAPHY

Я.С. Якунина

Ya.S. Yakunina

Научный руководитель **А.В. Толмачева**
Research advisor **A.V. Tolmacheva**

Женщина-блокадница, западная историография, блокадный Ленинград, женщина на войне, Великая Отечественная война.

Западная историография рассматривает образ женщины-блокадницы иначе, чем отечественная. Зарубежные исследователи подчеркивают тяжелые условия жизни в блокадном Ленинграде, изображая женщину как мать-защитницу, готовую помочь всем нуждающимся. При этом акцентируются ужас и трагизм того времени, а также отражаются переживания женщин в отношении советской власти и ситуации в целом.

Female blockade survivor, Western historiography, blockade Leningrad, woman in war, Great Patriotic War.

Western historiography views the image of a female blockade-dweller differently than Russian historiography. Foreign researchers emphasize the difficult living conditions in besieged Leningrad, portraying the woman as a protective mother who was ready to help everyone in need. Instead, they focused on the horror and tragedy of the time, as well as the women's experiences in relation to the Soviet government and the overall situation.

Тема женщин блокадного Ленинграда затрагивает крайне важный и необходимый аспект в истории всей Второй мировой войны. Западные историки особо относятся к этой теме, которой посвящено немало работ, начиная с момента

окончания Второй мировой войны и заканчивая современностью. Зарубежная историография по мере развития и получения доступа к новым источникам прошла путь от общих описаний страданий до глубокого анализа конкретных социальных ролей, психологического состояния и агентности женщин в условиях беспрецедентного испытания.

В период холодной войны зарубежные исследователи приоритетно обращали внимание либо на военные и стратегические аспекты хода войны, либо на общую картину страданий советского народа под тоталитарным режимом. Женщины редко выделялись как отдельная социальная группа. Их образ растворялся в коллективном образе «жителей Ленинграда», «советского народа», демонстрирующего беспримерное мужество и жизнестойкость. Если женщины как отдельная категория и упоминались, то как часть общей массы голодающих, работающих на заводах или страдающих от холода. Основным мотивом было описание борьбы за выживание в экстремальных условиях. Главным специалистом в этом направлении стал Гаррисон Солсбери со своей работой «900 дней: Осада Ленинграда», которая стала первым исчерпывающим исследованием на Западе. В этой работе описаны невыносимые условия, но нет углубления в гендерные аспекты [1].

С распадом СССР и открытием архивов зарубежные исследователи получили доступ к личным дневникам, мемуарам, официальным документам и устным свидетельствам. Это позволило перейти от макроистории к микроистории и социальной истории. На Западе в это время активно развивались гендерные исследования, что служило стимулом к изучению роли женщин в различных исторических контекстах, включая войну. Женщины начинают рассматриваться не только как жертвы, но и как активные участницы событий, носительницы специфических ролей и жизненных стратегий [2].

С 2000-х гг. происходит трансформация взглядов зарубежных историков на деятельность женщин в блокадном Ленинграде.

В работах подчеркивалось, что женщины часто становились основными ответственными за выживание семьи. Они занимались распределением скудных пайков, поиском дополнительных источников пищи (например, сбор трав, древесины), приготовлением еды в нечеловеческих условиях. Они были теми, кто боролся за жизнь детей и стариков. Например, работы Лизы Киршенбаум [3], которая изучала детей и семейные отношения в блокаду, часто затрагивали роль матери как центральной фигуры в выживании семьи.

Еще одной исследовательской линией становится тема смены социальных ролей. Исследователи указывают, что в условиях тотальной войны женщины массово занимали рабочие места, ранее считавшиеся мужскими: на заводах (в том числе военных), в оборонных сооружениях, в транспортной системе. Они также служили в частях ПВО, санитарных батальонах и местной противовоздушной обороне. Например, Синтия Симмонс рассматривает проблему адаптации женщин к новым ролям через преодоление традиционных представлений о женственности и мужественности [4].

Исследователи показывают роль женщин как морального стержня общества, они играли ключевую роль в поддержании культурной и образовательной жизни. Учителя продолжали преподавать в полуразрушенных школах, врачи и медсестры работали в переполненных госпиталях, актрисы и музыканты выступали для бойцов и жителей. Зарубежные историки анализируют психологическое воздействие блокады на женщин: горе от потери близких, постоянный страх, стресс, связанные с заботой о детях и поддержанием морального духа семьи.

Особое внимание уделяется дневникам, которые показывают внутренний мир женщин, их страхи, надежды и

стратегии выживания [4]. Работы Алексис Пери по дневникам блокадного Ленинграда ярко демонстрируют индивидуальные женские голоса, их агентность и способность к рефлексии в условиях экстремального стресса [5].

Таким образом, современная историография стремится показать женщин не как пассивных жертв обстоятельств, а как активных субъектов, принимающих решения, сопротивляющихся, адаптирующихся и поддерживающих жизнь в условиях апокалипсиса, их выживание было результатом не только стойкости, но и изобретательности, гибкости и эмоциональной силы.

Итак, зарубежная историография прошла путь от стереотипного восприятия женщин как советских работников на благо общества до попыток раскрыть искреннее человеческое лицо женщин в условиях войны. Показан героический образ женщины-заступницы, подробно описаны ее труд, психологическое состояние и постоянная тревога, акцентировано внимание на страхе за себя, родных и жителей города.

Библиографический список

1. *Солсбери Г.* 900 дней: блокада Ленинграда / пер. с англ. И.С. Вольской; науч. ред. и авт. предисл. О.А. Ржешевский. М.: Издатель-пресс, 1996. 591 с.
2. *Reid A.* Leningrad: the epic siege of World War II. 1941–1944. New York: Walker, 2011. 492 с.
3. *Kirschenbaum L.A.* The legacy of the siege of Leningrad, 1941–1995: myth, memories, and monuments. Cambridge: Cambridge university press, 2006. 309 с.
4. *Simmons C., Perlina N.* Writing the siege of Leningrad: women's diaries, memoirs, and documentary prose / with a forew. by R. Bidlack. Pittsburgh (Pa): Univ. of Pittsburgh press, 2005. 242 с.
5. *Peri A.* The war within: diaries from the siege of Leningrad. Cambridge, Mass.; London: Harvard university press, 2017. 337 с.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

ПОЛИТИКА АВСТРАЛИИ В ОБЛАСТИ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

AUSTRALIAN POLICY IN LANGUAGE EDUCATION:
ETHICAL ASPECTS

А.В. Буденкова

A.V. Budenkova

Двуязычное образование, изучение языка, языковое образование, национальная языковая политика, дискуссионные вопросы, Австралия.

Автором предпринята попытка рассмотреть современные проблемы австралийского языкового образования. Основное внимание сфокусировано на двуязычном образовании как ключевой проблеме, тесно взаимосвязанной с рядом не менее значимых вопросов языкового образования в Австралии, стоящих между свободой выбора и равными возможностями и интересами государства.

Bilingual education, language study, language education, National Language Policy, discussion issues, Australia.

The author takes an attempt to examine contemporary issues in Australian language education. The focus is on bilingual education as a key issue closely intertwined with a number of equally significant language education issues in Australia, which involve a choice between freedom of choice and equal opportunities in studying languages, and the interests of the state.

В целом языковое образование в Австралии можно разделить на несколько основных направлений: преподавание английского как родного языка, английский как второй язык, языки коренных народов, языки национальных сообществ (не коренных народов), язык для глухих (последнее направление в данной работе не затрагивается). Однако скоординированной политики по этим направлениям не велось вплоть до 1980-х гг. Лишь с 1982 г. можно говорить о работе над скоординированной политикой в области языкового образования в Австралии, когда в этом направлении начал свою работу постоянный комитет Сената по образованию и искусству [1, с. 4]. Результатом его работы стал отчет «Разработка и реализация скоординированной языковой политики», 1984 г. [1]. Предоставленные комитету материалы и заявления являются бесценным источником информации о подходах официальных органов и общественных групп к различным языковым проблемам.

В качестве одной из остро стоящих проблем в 1980-е гг. можно выделить актуальный и сегодня вопрос двуязычного образования. Хотя вопрос двуязычного образования постоянно обсуждался во многих странах (например, Канаде, США, многоязычных европейских и азиатских странах), слушания в Сенатском комитете выявили, что мнения о целесообразности и осуществимости двуязычных программ в австралийских школах по-прежнему весьма разнообразны. Так, в документе Министерства образования «На пути к национальной языковой политике» утверждается, что, хотя количество двуязычных программ в Австралии в последнее время увеличилось, они часто считаются временными, поскольку их основная цель – дать детям возможность поддерживать или развивать свои академические знания, пока они еще изучают английский язык. После того как дети овладеют в достаточной мере английским языком, обычно

к концу начальной школы, обучение обычно продолжается только на английском» [2, с. 38]. Как правило, цель двуязычных программ состоит в том, чтобы обеспечить ученикам владение английским языком в долгосрочной перспективе, их родной язык нужен, чтобы начать с известного и перейти к неизвестному.

Однако такой подход к двуязычному образованию не удовлетворяет спрос на программы поддержания языка для детей из семей, где не говорят по-английски, чтобы полностью развивать свои навыки как на родном, так и на английском языке. Так, по данным переписи 2021 г., пять самых распространенных языков домашнего общения, помимо английского, включали мандаринский китайский (2,7 %), арабский (1,4 %), вьетнамский (1,3 %), кантонский китайский (1,2 %) и пенджабский (0,9 %) [3]. В 1980-х гг. уже положительно зарекомендовала себя «Брансуикская модель просвещения, инициированная снизу» (Brunswick grass roots model of enlightenment), которая сама по себе является примером другой точки зрения на билингвальное образование, состоящей в том, что двуязычные программы не должны носить исключительно переходного характера, а должны быть также направлены на сохранение родного языка. «Брансуикская модель» возникла в одноименном пригороде Мельбурна, штат Виктория, в котором родители, в основном мигранты, инициировали изучение второго, как правило, родного, языка в свободное от занятий время и своими силами. Эта инициатива была поддержана администрацией школ и в дальнейшем положительно оценена членами сенатского комитета. Однако в целом данный подход не решил проблемы двуязычного образования. В заявлении Университета Сиднея «К вопросу о языковой и образовательной политике для Нового Южного Уэльса» (2019) констатируется следующее: «фактически изучение языка не является

обязательным в начальных школах Нового Южного Уэльса, и только 100 часов языкового обучения обязательны для учащихся в течение первых четырех лет обучения в старшей школе. Гораздо больше языковое обучение происходит вне школьных занятий, как правило, в 500 филиалах школ языковых сообществ и на 15 площадках субботней школы языков сообщества (Saturday School of Community Languages). Однако внеклассное обучение языкам в школах языковых сообществ не имеет единообразного ресурсного обеспечения, не связано с какими-либо формальными школьными языковыми программами и, следовательно, сильно различается по качеству» [4, с. 3].

Проблема поддержания изучения второго языка – это несогласованность на местах, разное качество образования и широкий охват языков. Более 150 языков преподаются в различных образовательных учреждениях, а 50 языков изучаются вплоть до 12-го класса [5]. Попытки решить эту проблему путем обязательного включения второго языка в учебные планы школ не имели успеха. Предлагалось преподавать предметы на двух языках, и в пример приводился канадский подход, однако сенатская комиссия сочла, что не видит развития Австралии по канадской модели, так как существует один официальный язык. По мнению комиссии, переходный двуязычный подход очень полезен и должен поддерживаться, особенно для учащихся старшего возраста, прибывающих в качестве новичков, а также для детей аборигенов. Однако что-либо большее, чем переходный двуязычный подход, в Австралии вряд ли возможно [2, с. 38–39]. Эта позиция австралийского правительства тесно связана с другой проблемой австралийского языкового образования – проблемой одноязычного менталитета, которая влечет за собой низкую заинтересованность в изучении языков в университетах. Кроме того, к основным

проблемам можно отнести и отсутствие национальной языковой политики, а также каких-либо четких директив и финансовых вливаний, несмотря на то, что было принято несколько нормативных актов, таких как National Policy on Languages (1987), Australian Language and Literacy Policy (1992), National Asian Languages Strategy (1994), Commonwealth Literacy Policy (1997), the National Statement and Plan for Languages (2005), the National Indigenous Languages Policy (2009), the second iteration of National Asian Languages and Studies in Schools Program (NALSSP, 2013), Yalbilinya: National First Languages Education Project (2021). Все эти важные документы, хотя и касаются политики языкового образования, между собой не связаны, в отличие от австралийских реалий, когда политика, проводимая в одной области языкового образования, всегда влияет на процессы в другой области, например, политика по повышению грамотности в области английского языка на преподавание языков коренных народов. Проблемы языкового образования остаются прежними, в то время как правительство в поиске этического баланса в стремлении поддержать языковое многообразие и всеобщую грамотность при использовании английского языка в 2021 г. обнародовало для обсуждения Национальный план и стратегию по изучению языков.

Библиографический список

1. The Development and Implementation of a Co-ordinated Language Policy. Senate Standing Committee on Education and the Arts, The Parliament of the Commonwealth of Australia, Parliamentary Paper, No. 61/1984. 6 p.
2. Ozolins U. A Language Policy for Australia // The Aboriginal Child at School, 12 (2), 1984, pp. 34–46 [Электронный ресурс]. URL: <https://ajie.atsis.uq.edu.au/acs/article/view/1693> (дата обращения: 25.10.2025).

3. Cultural diversity: Census. Information on country of birth, year of arrival, ancestry, language and religion, 2021. Australian Bureau of Statistics [Электронный ресурс]. URL: <https://www.abs.gov.au/statistics/people/people-and-communities/cultural-diversity-census/2021> свободный (дата обращения: 25.10.2025).
4. Towards a languages and learning policy for NSW. The University of Sydney. Sydney University Press, 2019. 10 p.
5. Lo Bianco J., Slaughter Y. Language Policy and Education in Australia, 2009 [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/111620681/Language_Policy_and_Education_in_Australia свободный (дата обращения: 25.10.2025).

ОБЫЧАЙ И ПРАВО В РЕГУЛИРОВАНИИ СЕМЕЙНЫХ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В КРЕМОНСКОЙ ОКРУГЕ В XII в.

CUSTOM AND LAW IN REGULATING FAMILY PROPERTY RELATIONS IN THE CREMONA DISTRICT IN THE 12TH CENTURY

А.Г. Канаев

A.G. Kanaev

Кремонская округа, XII в., семья, имущественные отношения, обычное право, римское право.

В статье на основе анализа кремонских нотариальных актов XII в. рассматривается процесс трансформации и взаимодействия обычного лангобардского права и римского права в регулировании имущественных отношений в семьях, живших на территории Кремонской округа. Делается вывод о превращении римского права под влиянием лангобардских обычаев в нормы, по существу, обычного права.

Cremonese district, 12th century, family, property relations, customary law, Roman law.

This article, based on an analysis of Cremonese notarial acts of the 12th century, examines the process of transformation and interaction of customary Lombard law and Roman law in regulating property relations in families living in the territory of the Cremonese circle. The conclusion is made about the transformation of Roman law under the influence of Lombard customs into norms that were essentially customary law.

Изучение кремонских нотариальных актов XII в. [1] позволяет увидеть интересный процесс трансформации и взаимодействия обычного лангобардского права и римского права в регулировании имущественных отношений в семьях, живших на территории Кремонской округа. Эти документы свидетельствуют о постепенном отмирании норм

лангобардского права в сфере имущественных интересов жителей кремонской области или, по крайней мере, о возможных отступлениях от него.

В целом же ограничение на отторжение имущества широким кругом родственников было характерно для многих варварских прав, в том числе и для лангобардского законодательства в период становления собственности аллодиального типа. Такого типа собственность у лангобардов складывается в общих чертах в VII–VIII вв., но при этом в законодательстве сохранялся ряд правовых институтов, ограничивавших свободу владения имуществом, проживающих, таким образом, и до XI–XII вв.

Одним из таких институтов была традиция мундиума, или покровительства. Институт мундиума, то есть опекуна над женщиной или любым неполноправным членом общества, нуждающимся в той или иной степени защиты, был характерным древнегерманским принципом и ярко выражен именно в лангобардском обычном праве как у Ротари, так и в более поздних законах [2, ст. 14, 19, 141]. Ни одна женщина в лангобардском королевстве не могла жить без мундиума [3, ст. 204]. Развитие института мундиума подтверждается рядом статей лангобардского законодательства. Так, например, эдикт короля Ротари ограничивал право женщины распоряжаться своим движимым и недвижимым имуществом [3, ст. 204, 215]. Она могла дарить или продавать что-либо из своего имущества лишь с разрешения своего мундоальда, то есть супруга или ближайшего родственника. Подобная практика сохранялась и в последующие столетия, особенно среди людей, живших по лангобардскому праву.

Свидетельства сохранения этой традиции мы встречаем и в наших документах, особенно среди лиц, живших по лангобардскому праву. В документальных источниках XI в. упоминания о мундоальдах, живущих по лангобардскому

праву, не редкость. Например, в документе 1019 г., зафиксировавшем отступную от земли в пользу кремонского епископа, мундоальдом назван граф Ардиун, муж графини Вилии (*Ardiunus comes... et Wilia... qui professi sumus ambo ex natione nostra lege vivere Langobardorum, ipso namque iugale et mundoaldo meo*) [1, № 29, а.1019, р. 55]. В документе 1022 г., являющемся актом дарения кремонским епископом графу Бонифацию поместья в местечке Пьядена, этот граф также назван мундоальдом своей жены (*Bonifacius marchio... et Richilda comitissa iugales... sumus iugales ex natione nostra legem vivere langobardorum, ipse namque Bonifacius iugale et mundoaldo meo*) [1, № 42, а.1022, р. 59]. Также своим мужем и мундоальдом называет некоего Агирарда жительница местечка Тиченго Берта, отказываясь в 1054 г. от прав на землю, подаренную ее мужем кремонскому епископу Убальду (*Berta filia Teudoldi de loco Tocingo qui professa sum ex natione mea legem vivere longobardorum consenciente Agirardo iugale et mundoaldo meo*) [1, № 111, а.1054, р. 74]. Как мы видим, обычно в качестве мундоальда выступает супруг, и для лиц, живших по лангобардскому праву, этот институт сохранял свою серьезную значимость, по крайней мере, на протяжении XI в. В течение XII в. упоминания о мундоальдах становятся в документах все реже, и, видимо, в конце XII в. этот правовой институт отмирает: в любом случае в последний раз упоминание о мундоальде мы встречаем в документе, датированном 1173 г. [1, № 296, а.1173, р. 143].

Постепенное отмирание этого традиционного института лангобардского права является, по сути, одним из важных свидетельств изменения его норм. Скорее всего, эти изменения происходили под активным влиянием римского права. Но в других случаях традиционные нормы лангобардского права достаточно долго продолжали влиять на практику имущественных сделок.

Ярким свидетельством этого являются кремонские материалы, упоминающие об институте мундиума относительно людей, живущих по римскому праву.

Например, в документе 1119 г., зафиксировавшем факт продажи земли, продавцами выступают кремонцы Гвиберт и Альсенда, его жена, оба живущие по римскому праву, но оговаривается, что Гвиберт является также мундоальдом Альсенды (*consensiente Alcendae Guiberto iugale et mundoaldo eius*) [1, № 41, a.1119, p. 101]. В документе 1137 г., представляющем собой акт дарения, мундоальдом называется некий кремонец Боновичин, муж Скрибанны, также живущий по римскому праву (*concentiente Scribannae Bonovicino mondoaldo eius*) [1, № 105, a.1137, p. 111].

Следовательно, отмеченное нами явление, когда мундоальдом называют человека, живущего по римскому праву, свидетельствует о влиянии норм и институтов лангобардского права на коренных жителей Кремонской округи в сфере имущественных отношений. Мы вправе говорить о явном взаимопроникновении сфер действия римского и лангобардского права, о взаимном влиянии двух правовых традиций в имущественных отношениях. Причем в ходе этого процесса определенным изменениям подвергались нормы как лангобардского, так и римского права. Это свидетельствует о том, что нормы римского права не были застывшей моделью, как утверждают некоторые исследователи [4, с. 200], по крайней мере, для жителей Кремонской округи. Нормы римского права, которые регулировали повседневные сделки жителей округи, считавших себя по происхождению и по праву римлянами (*natione et lege romanorum*), к этому времени превратились в нормы права, по сути, обычного, существовавшего наряду с германским лангобардским правом.

Библиографический список

1. Codex diplomaticus Cremonae. 715–1334 / Ed. a Astegiano. Tomus I. Taurinorum, 1896. 450 p.
2. Законы короля Лиутпранда // Шервуд Е.А. Законы лангобардов: Обыч. право древнегерм. племени: (К раннему этногенезу итальянцев). М.: Наука, 1992. С. 68–110.
3. Эдикт Ротари // Шервуд Е.А. Законы лангобардов: Обыч. право древнегерм. племени: (К раннему этногенезу итальянцев). М.: Наука, 1992. С. 15–62.
4. *Берман Г.Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1998. 622 с.

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СЕМЬИ
И НРАВСТВЕННОСТИ
В ГЕРМАНИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ
(НА ПРИМЕРЕ МЮНСТЕРА)**

**CRIMES AGAINST FAMILY AND MORALITY
IN GERMANY OF THE EARLY MODERN PERIOD
(USING MÜNSTER AS AN EXAMPLE)**

О.В. Чавкина

O.V. Chavkina

Мюнстер, раннее Новое время, нравственность, преступление, наказание, Каролина, судебная практика.

В статье на основе анализа Каролины и судебной практики Мюнстера рассматриваются особенности правового регулирования привлечения к уголовной ответственности за преступления против семьи и нравственности в XVI–XVII вв. Автор приходит к выводу, что в целях сохранения семейных ценностей и защиты морально-нравственных устоев немецкого общества система наказаний носила карательный характер.

Münster, early modern period, morality, crime, punishment, Carolina, judicial practice.

The article, based on an analysis of Carolina and the judicial practice of Münster, examines the specifics of legal regulation of criminal liability for crimes against the family and morality in the 16th and 17th centuries. The author concludes that, in order to preserve family values and protect the moral foundations of German society, the penal system was punitive in nature.

В период раннего Нового времени в целях пресечения внебрачных связей и поддержания порядка в государстве власти Германии осуществляли защиту семьи как социально значимой ячейки общества с помощью различных правовых механизмов. Так, например, в Германии указанного времени действовала двухуровневая система правового

регулирования – общеимперская и местная. Принятое рейхстагом в Регенсбурге в 1532 г. уголовно-судебное уложение Карла V Каролина [1] носило рекомендательный характер. Это означало, что городские власти на практике могли применять свое местное право.

Следует сказать, что в современной историографии вопрос о правовом регулировании преступлений против семьи и нравственности по Каролине продолжает оставаться недостаточно изученным. Отечественные исследователи О.Л. Лысенко [2, с. 64–65], А.В. Шидловский [3] рассматривали в основном систему преступлений по Каролине, а зарубежные ученые Р. Андреас [4, р. 91–101], А. Гризебнер [5, р. 65–66] останавливались на изучении отдельных деяний, закрепленных в Каролине. Однако общих работ по данной теме в историографии нет. В связи с этим возникает необходимость попытаться выявить особенности правового регулирования и практики применения преступлений против нравственности (на примере Мюнстера).

Большинство исследователей считают, что в Каролине еще не сложилась четкая систематизация преступлений, хотя они и были сгруппированы по более или менее однородным категориям. По мнению О.А. Жидкова, Н.А. Крашенинниковой, к преступлениям против семьи и нравственности относились: противоестественный разврат (ст. 116), кровосмешение (ст. 117), похищение замужних женщин и девушек (ст. 118), изнасилование (ст. 119), прелюбодеяние (ст. 120), двоебрачие (ст. 121), вовлечение в разврат жены и детей в целях наживы (ст. 122), сводничество (ст. 123), супружеская измена (ст. 124) [6, с. 427].

Что касается судебной практики Мюнстера XVI–XVII вв., то анализ источников позволяет нам выделить следующие деяния – блуд/прелюбодеяние, противоестественный разврат, сводничество, кровосмешение. Рассмотрим наиболее тяжкие преступления в вышеназванной категории.

Как показывает анализ практики, наиболее распространенными преступлениями, нарушавшими моральные устои в обществе в раннее Новое время, являлись блуд («Unzucht») / прелюбодеяние («Ehebruch»). Всего за XVI в. известно 5 случаев блуда и 19 дел о прелюбодеянии, а за период XVII в. соответственно 4 и 3 случая. Если мы обратимся к тексту Каролины, то обнаружим, что понятие «блуд» в источнике не упоминается, а под «прелюбодеянием» понимается деяние, совершаемое мужчиной с замужней женщиной, и наоборот (ст. СХХ) [1]. Следует сказать, что в Каролине ответственность за прелюбодеяние не предусматривалась, в отличие от Бамбергского уложения 1507 г., в котором четко регламентировалось наказание в виде обезглавливания мечом (СХLV) [7].

Хотелось бы отметить, что судебная система Мюнстера была более мягкой в назначении наказания за данное деяние. В большинстве случаев прелюбодеи подвергались наказанию в виде изгнания из города. В качестве примера приведем дело Анны Ниманс, совершившей прелюбодеяние с женатым палачом Гансом Леппером. Согласно приговору суда она была изгнана из города 31 июля 1587 г. [8].

Следует сказать, что не менее опасным деянием, морально разлагающим немецкое общество, чем прелюбодеяние, как в Каролине, так и в судебной практике Мюнстера являлся противоестественный разврат. Анализ ст. СХVI Каролины позволяет нам выделить следующие виды преступлений против природы: половое сношение человека с животным (скотоложство), мужчины с мужчиной (мужеложство), женщины с женщиной (женоложство) [1]. Стоит отметить, что в судебной практике Мюнстера XVI в. противоестественные половые связи встречаются лишь в двух случаях – мужеложство и скотоложство.

В целях сохранения семейных устоев власти Мюнстера устанавливали высшую меру наказания за мужеложство – смертную казнь через обезглавливание или путем сожжения,

как это закреплено в Каролине. Так, врач магистр Франц из Брабанта совершил противоестественный блуд с трактирщиком, пекарем, пивоваром, торговцем. Согласно приговору суда магистр Франц был обезглавлен 19 февраля 1537 г. [9].

Важно отметить, что не менее тяжким грехом и преступлением, нарушавшим христианские моральные устои в Германии XVI–XVII вв., являлось кровосмешение (Blutschande). Следует сказать, что в судебной практике Мюнстера таких дел было небольшое количество, всего два случая за указанный период. Проанализировав ст. CXVII Каролины, можно выделить следующие категории близких родственников, с которыми запрещалось вступать в половую связь: с падчерицей, женою своего сына (снохой), с мачехой или более близкими по степени родства лицами [1]. Что касается меры наказания, то Каролина отсылала в данном вопросе за разъяснениями к законооведам. Если мы обратимся к судебной практике Мюнстера, то обнаружим, что преступники подвергались смертной казни, как в случае с меховщиком Йоханом Шмидтберндтом из Нойбрюка, вступившим в половую связь со своей мачехой (1613) [10].

Таким образом, можно сказать, что в обоих источниках система наказаний носила карательный характер в борьбе с «безнравственными» деяниями, такими как противоестественный разврат и кровосмешение. Что касается борьбы с прелюбодеянием, то власти Мюнстера проводили умеренную политику, назначая за его совершение менее суровое наказание – изгнание из города, в отличие от Каролины, в которой предусматривалась смертная казнь. В целом можно отметить, что количество совершаемых деяний в нравственной сфере за указанный период в Мюнстере было незначительным. Можно предположить, что это было связано с тем, что власти Мюнстера проводили эффективную политику по сохранению традиционных семейных ценностей мюнстерского общества посредством установления суровых наказаний.

Библиографический список

1. Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V / пер., предисл. и примеч. С.Я. Булатова. Алма-Ата, 1967 [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/acts/16/1/1532_karolina.html cdj,jlysq (дата обращения: 16.10.2025).
2. *Лысенко О.Л.* Каролина 1532 г. – памятник права средневековой Германии: цивилизационный подход к изучению // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2014. № 5. С. 52–74.
3. *Шидловский А.В.* Влияние средневековых памятников уголовного права Беларуси и Германии на дифференциацию наказания в современном законодательстве // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2017. № 3. С. 98–104.
4. *Andreas R.* Crimen contra naturam // *Stolleis M.* Natural Law and Laws of Nature in Early Modern Europe: Jurisprudence, Theology, Moral and Natural Philosophy. Routledge, 2016. P. 89–104.
5. *Griesebner A.* Sin, Misdemeanor, Capital Crime? Adultery and Bigamy in the Holy Roman Empire // *Frühneuzeit – Info.* 2012. Vol. 23 (1/2). P. 64–79.
6. История государства и права зарубежных стран: учебник для вузов: в 2 ч. / под общ. ред. О.А. Жидкова и Н.А. Крашенинниковой. М.: Норма, 2004. Ч. 1. 624 с.
7. *Schwarzenberg J. von.* Bambergische peinliche Halsgerichtsordnung: Constitutio criminalis Bambergensis [Электронный ресурс]. URL: https://de.wikisource.org/wiki/Bambergische_Peinliche_Halsgerichtsordnung свободный (дата обращения: 16.10.2025).
8. StdAMs, Gerichtsarchiv, VII Acta Criminalia Nr. 180/19 (1587) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 16.10.2025).
9. StdAMs, Gerichtsarchiv, VII Acta Criminalia Nr. 73/1 (1537) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 16.10.2025).
10. StdAMs, Gerichtsarchiv, VII Acta Criminalia Nr. 158/7 (18.06.1613). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 16.10.2025).

КЕЛЬТСКИЕ ЭТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ: ПОНЯТИЕ ЧЕСТИ И ВЕРНОСТИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

CELTIC ETHICAL TRADITIONS: THE CONCEPT OF HONOR AND LOYALTY IN MEDIEVAL EUROPE

В.В. Гердт

V.V. Gerdt

Германские племена, рыцарство, честь, верность.

История Средних веков неразрывно связана с рыцарством, которое, в свою очередь, восходит к истокам чести в кельтской легендографии и устной традиции. Мы попытаемся проследить, как честь и верность рождались в условиях постоянной межплеменной конкуренции, романтизированной героической поэзии и практических потребностей защиты общины от внешних угроз на примере германских племен.

Germanic tribes, chivalry, honor, loyalty.

The Middle Ages are deeply tied to the concept of chivalry, which itself has roots in ancient ideas of honor found in Celtic legends and oral traditions. This study traces how honor and loyalty emerged under conditions of intertribal rivalry, in the milieu of romanticized heroic poetry, and from the practical needs of protecting the community against external threats, using the Germanic tribes as a guiding example.

Кельтские этические традиции в средневековой Европе представляют собой многослойную область исследований, где переплетаются устные традиции кельтов с более широкими европейскими культурными и религиозными процессами. В центре внимания этой статьи – понятия чести и верности, которые в кельтских обществах воспринимаются не только как личные добродетели, но и как социальные договоры, регулирующие отношения между

вождем и дружиной. Эти концепты формировались под влиянием кельтской мифологии, фольклора и ритуалов, а затем адаптировались в условиях христианизации и мелкой феодализации, создавая уникальное сочетание семейной и общественной ответственности, клятв и обрядов крови.

Британский историк Морис Кин отмечает, что рыцарство может быть определено как некий этос, в котором воедино сплавлены военные, аристократические и религиозные составляющие [1, с. 80]. Понятие рыцарства включало в себя такие составляющие, как кодекс и особая культура военного сословия, рассматривавшего войну как свою профессию, переданную по наследству. Ученые приходят к выводу, что истоки рыцарства следует искать в культуре древней Германии. Традиции германских племен оказались настолько устойчивыми, что практически без изменений прошли сквозь века вплоть до Средневековья. Именно эта преемственность сделала германское общество ключевым звеном в формировании средневекового рыцарства. Особую ценность представляют наблюдения специалиста по скандинавистике Александра Хлевова. В своих исследованиях он убедительно доказал, что именно германские племена заложили фундамент рыцарской культуры [2, с. 36]. Проходя через этап развития, типичный для ранних обществ, германцы привнесли в него собственные правила. Их мировоззрение отличалось особым культом войны: военные подвиги идеализировались, а военное дело становилось центром общественной жизни.

В раннегерманском обществе действовала жесткая, всеобъемлющая система этических правил, которая пронизывала всю жизнь людей. В центре находились три ключевых принципа: доверие, преданность и бесстрашие. Для древнегерманца понятие славы обретало абсолютную ценность – жизнь без чести теряла всякий смысл.

Тацит оставил яркое описание древнегерманских воинских традиций: «Постыдно вождю уступить кому-либо

в доблести, постыдно дружине не уподобляться доблестью своему вождю. А выйти живым из боя, в котором пал вождь, – бесчестье и позор на всю жизнь» [3, с. 465–466]. Это иллюстрирует жесткую иерархию и экстремальные требования к воинской чести, которые кардинально отличали германское общество от структуры Римской империи. Именно эта система ценностей заложила основу для будущих традиций средневекового рыцарства.

Как подчеркивает Франко Кардини [4, с. 72], ключевым источником славы и почета для германца была война – не просто средство защиты или завоевания, а священная миссия. Эта идея находила отражение даже в мифологии: бог войны Вотан (Один) предстал перед людьми в окружении своей дружины – *Gefolg-schaft*, «свиты доблестных мужей», которые неукоснительно следовали этическим канонам. Германский вождь выстраивал свою власть по божественному образцу: он служил примером высшей доблести и собирал вокруг себя элиту – достойных воинов, способных разделить с ним славу и опасности. Эта модель лидерства стала прообразом рыцарских идеалов. У древних германцев период юности представлял собой суровую школу испытаний. Молодому воину предстояло пройти через череду серьезных проверок, чтобы доказать свою состоятельность и заслужить уважение соплеменников. Эта традиция ярко отразилась в эпических произведениях: в знаменитой англосаксонской поэме «Беовульф» и в германских эпических текстах X–XI вв. Позднее этот мотив трансформировался в сюжетную основу рыцарских романов [1, с. 98].

Особого внимания заслуживает религиозная составляющая рыцарской войны. Если в древности военные подвиги освящались языческими верованиями, то с приходом христианства военная доблесть приобрела новый духовный смысл и оправдание.

Анализируя истоки рыцарской культуры, можно выделить два ключевых источника ее формирования: 1) кельтское наследие с его особым культом вождя; 2) христианская традиция служения, которая привнесла в рыцарский идеал идею безусловного служения вышестоящему лицу.

Преданность сеньору на поле боя напрямую восходит к традициям германских дружин. Однако христианская мораль вышла за рамки чисто военных обязательств, превратив почитание вышестоящего и преданность ему в фундаментальный принцип всей социальной жизни. Этот ценностный сдвиг существенно трансформировал саму суть рыцарства. Если изначально германские воины ценили прежде всего личную свободу и воинскую доблесть, то теперь от рыцаря требовалось не столько блистать на поле боя, сколько быть безупречным слугой [5, с. 57]. Такая переориентация ценностей стала важнейшим этапом в эволюции рыцарского идеала.

Таким образом, феномен рыцарства возник на пересечении двух культурных пластов: древнегерманских и кельтских традиций военной демократии, где свободным вооруженным воинам отводилась центральная роль в общественной структуре и христианской этике служения, которая переосмыслила и возвысила воинскую доблесть до уровня духовного подвига.

Библиографический список

1. *Кин М.* Рыцарство / пер. с англ. И.А. Тогоевой. М.: Науч. мир, 2000. 516 с.
2. *Хлевов А.А.* Краткая история Средних веков: эпоха, государства, сражения, люди. СПб.: Амфора, 2008. 365 с.
3. *Тацит Корнелий.* Анналы. Малые произведения / пер. с лат. А.С. Бобовича. М.: АСТ: Астрель, 2010. 505 с.
4. *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства / сокр. пер. с итал. В.П. Гайдука; вступ. ст. и общ. ред. В.И. Уколовой, Л.А. Котельниковой. М.: Прогресс, 1987. 360 с.
5. *Бартелеми Д.* Рыцарство от древней Германии до Франции XII века / пер. с фр. М.Ю. Некрасова. СПб.: Евразия, 2012. 580 с.

ВСТРЕЧА ДВУХ МИРОВ: ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОСТОЯНИЯ АБОРИГЕНОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ В РАННЕЙ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ

A MEETING OF TWO WORLDS:
SPIRITUAL AND MORAL ASPECTS
OF THE NATIVES' RESISTANCE
TO EUROPEAN COLONIZATION
IN EARLY AMERICAN HISTORY

А.Л. Заика

A.L. Zaika

Северная Америка, европейская колонизация, сопротивление индейцев.

В статье анализируются противоречия между индейскими народами и евро-американцами, которые привели к открытому столкновению в XVII–XVIII вв. на востоке современных США. Особое внимание уделяется духовно-нравственному аспекту противоречий различных культур, разных социально-экономических систем.

North America, European colonization, Native American resistance.

This article analyzes the tensions between Native American peoples and Euro-Americans that led to open conflict in the 17th and 18th centuries in the eastern United States. Particular attention is paid to the spiritual and moral aspects of these conflicts between different cultures and socioeconomic systems.

Ранний период американской истории насыщен боевыми столкновениями между аборигенами и европейскими колонизаторами. Причиной сопротивления индейцев априорно считается агрессивная колониальная политика европейских держав, экспансионизм США. Причиной поражения аборигенов перед натиском цивилизации – превосходство

европейцев в технологиях. Между тем необходимо отметить, что корень противоречий был заложен не столько в разном уровне общественно-экономического развития, сколько в различиях мировоззрения, которое во многом определяло морально-этические нормы жизни социума. Целью данной работы является рассмотрение духовно-нравственных аспектов антагонизма европейской цивилизации и индейских сообществ.

Первые контакты аборигенов с европейцами начались после плаваний к канадским берегам в 1497 г. Джона Кабота и в 1534–1535 гг. французского моряка Жака Картье. Но серьезно европейцы начинают осваивать континент лишь в начале XVII в. Успешному закреплению на новых землях способствовала не только малочисленность ее хозяев (последствия эпидемии болезней, занесенных европейцами), но и их доброжелательность, благосклонность и готовность помочь мигрантам [1, с. 36; 2, с. 77].

Колониальная политика Франции была сравнительно умеренной по отношению к индейцам и ограничивалась торговыми отношениями с аборигенами, миссионерской деятельностью. В отличие от ситуации в Новой Франции, где охотничьи племена были для колонизаторов прежде всего поставщиками «мягкого золота», в английских колониях экономические отношения с аборигенами не имели существенного значения. Напротив, для переселенцев из Великобритании, где набирали обороты новые экономические отношения, особую ценность представляли земли и природные ресурсы. Приток населения и экстенсивные формы хозяйствования требовали все больше земельных пространств. По сути, для англичан захват земель являлся американским вариантом «огораживания».

Вопрос о земле явился краеугольным камнем противоречий, вылившихся в открытые столкновения между коренным населением и европейцами. Возмущение индейцев

вызывали и жестокие методы войны, которые применял противник. Весь широкий спектр различий во взглядах на определенные нравственно-ценностные ориентиры можно представить в таблице.

Индейцы	Евро-американцы
Земля и ее ресурсы	
Человек – часть природы. Земля дарована высшими силами, и никто не имеет права владеть ей лично, эксплуатировать ее ресурсы [1, с. 99; 2, с. 17; 4, с. 17; 5, с. 277–278, 349]	Человек – хозяин природы. Земля и ее ресурсы – предмет эксплуатации, объект частной собственности. Кто ее не использует, тот ей не владеет [6, с. 46; 7, с. 82–84]
Социально-политический аспект. Межчеловеческие отношения	
Коллективизм, общественные интересы выше личных. Человек человеку – друг, «брат» [1, с. 77; 7, с. 127–128]	Индивидуализм, личные интересы выше общественных. Человек человеку – соперник, конкурент
Гармоничное сосуществование, взаимное уважение [5, с. 121–122; 8, с. 624–629]	Принцип «Разделяй и властвуй», уважение позиции силы [9, с. 81]
Война – паритетное состязание противников [4, с. 16; 8, с. 167–171]. Убийство – вынужденная мера [8, с. 164–167]	Война – унижение, уничтожение противника [4, с. 17]. Убийство – средство достижения цели [5, с. 185]
Пленник – потенциальный равноправный соплеменник [5, с. 90; 8, с. 630–636]	Пленник – изгой, раб, невольник, слуга [5, с. 30–33]
Этика дипломатии	
Честность, верность слову, ответственность за обещания. Договор – соглашение на все времена («Пока текут реки, пока растёт трава...») [8, с. 616–622]	Договор – формальное соглашение, обещания – заведомая ложь [9, с. 81; 5, с. 180, 220; 7, с. 75]. Данное кому-то слово ни к чему не обязывает [5, с. 19, 80, 245]
Религиозная этика	
Человечество – создание высших сил и все люди равно ответственны перед ними [5, с. 179–180]	Дифференциация на «избранных божьих» и их слуг/противников – «детей сатаны» [1, с. 77]

Нарушение этических норм по отношению к природе, человеку были одной из причин противостояния индейцев европейской колонизации, позже – американскому экспансионизму. Первыми возмутились алгонкины атлантического побережья. Уже в 1608 г. произошел конфликт между колонистами и индейцами паухатан, которые в 1622, 1625, 1644 гг. не раз давали мощный вооруженный отпор англичанам. Известны «пекотская война» 1636–1637 гг., масштабное восстание Метакома в 1675–1676 гг., когда были уничтожены десятки поселений в Новой Англии, выступление конфедерации криков в 1715 г. и др. В XVIII в. противодействие индейцев европейской колонизации, а затем экспансии США приняло более организованный характер. Военно-политический союз алгонкинов в главе с Понтиаком – вождем оттава, одержав ряд побед, практически вытеснил британских колонистов назад на побережье. Крупнейшее за всю историю поражение потерпела армия США в битве с объединенными силами делаваров, шауни, майами и виандотов в 1791 г. [10]. В контексте обсуждаемой темы следует обратить внимание на то, что, одержав победу над превосходящими силами противника, индейцы не стали увлекаться его преследованием. Но выразили ему презрение за алчность, набив рот поверженных врагов земель, за которой они пришли. Дальнейшая столетняя история США была связана с чередой «индейских войн», в ходе которых получили дальнейшее развитие тактика «выжженной земли», политика геноцида по отношению к индейцам. Несмотря на это, коренное население старалось сохранить свою традиционную культуру, основы духовно-нравственного восприятия окружающего мира вплоть до наших дней.

Библиографический список

1. *Лайтфут К.* Права человека по-американски: от колониальных времен до «нового курса» включительно / пер. с англ.; вступит. статья В. Большакова. М.: Прогресс, 1981. 287 с.

2. *Акимов Ю.Г.* Англо-французские отношения и соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в.: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.15 / С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 2003. 43 с.
3. *Калашников В.М.* Текумсе // Вопросы истории. 1978. № 1. С. 215–219.
4. *Тишков В.А.* Без права на жизнь // Браун Д. Схороните мое сердце у Вундед Ни. История американского Запада, рассказанная индейцами / пер. с англ. А.Л. Величанского, В.А. Хитрово. М.: Прогресс, 1984.
5. *Браун Д.* Схороните мое сердце у Вундед Ни. История американского Запада, рассказанная индейцами / пер. с англ. А.Л. Величанского, В.А. Хитрово. М.: Прогресс, 1984. 383 с.
6. Коренное население Северной Америки в современном мире / отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 1990. 396 с.
7. *Калашников В.М.* Становление политики США в отношении индейцев (1776–1814 гг.) // Новая и новейшая история. Саратов, 1983. Вып. 7. С. 71–87.
8. *Стукалин Ю.В.* Индейцы Дикого Запада. М.: Эксмо, 2017. 688 с.
9. *Сартевант К. Уильям.* Из криков в семинолы // Северо-американские индейцы / ред., предисл. и введ. Ю.П. Аверкиевой. М.: Прогресс, 1978. 495 с.
10. *Цветков С.* Крупнейшее в истории поражение войск США [Электронный ресурс]. URL: <https://sergeytsvetkov.livejournal.com/2526017.html> (дата обращения: 21.11.2025).

**ИСТОРИКО-ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ОТ АМИРА ТЕМУРА ДО СОВРЕМЕННОСТИ**

HISTORICAL AND ETHICAL FOUNDATIONS
OF PUBLIC ADMINISTRATION
IN THE POLITICAL CULTURE OF CENTRAL ASIA:
FROM AMIR TEMUR TO THE PRESENT

М.А. Абдукадыров

M.I. Abdukadirov

Этика Амира Темура, политическая культура, государственное управление, этика власти, справедливость, моральное лидерство, традиционные ценности.

В статье рассматриваются нравственные и философские основы государственного управления в политической культуре народов Средней Азии на примере эпохи Амира Темура и последующих исторических периодов. Показано, что в эпоху Тимуридов власть понималась как моральное служение, а этические категории выступали инструментом легитимности. Прослежена трансформация этих принципов, а также их актуализация в современных концепциях «служения народу» и прозрачного государственного управления.

Ethics of Amir Temur, political culture, public administration, ethics of power, justice, moral leadership, traditional values.

The article examines the moral and philosophical foundations of public administration in the political culture of the peoples of Central Asia, using the era of Amir Temur and subsequent historical periods as examples. It is shown that during the Timurid era, power was understood as moral service, and ethical categories functioned as instruments of legitimacy. The transformation of these principles is traced, as well as their revival in contemporary concepts of “serving the people” and transparent governance.

Проблема нравственной и этической базы государственного управления во все времена находила отражение в политической культуре народов Центральной Азии. В условиях многопластовой исторической преемственности – от Великой Степи через исламское Средневековье до советского и независимого периода – продолжали формироваться модели власти, в которых взаимоотношения между правителем, политической элитой, обществом и моралью приобретали особое значение. Пристального внимания заслуживает эпоха Амира Темура, когда была создана централизованная административная система, основанная на принципах справедливости, закона (шариата) и нравственного авторитета правителя.

Период правления Амира Темура (Амир Темура ибн Амир Тарагай ибн Амир Баркуль) является ключевым этапом формирования управленческой этики в Средней Азии (XIV–XV вв.). Его государственная система сочетала принципы исламского права и традиционные нормы адата, что обеспечивало баланс между справедливостью и авторитетом власти.

Как отмечают исследователи, «нравственные критерии и их политические аспекты в управлении обществом того времени были тесно связаны с религиозными и культурными ценностями» [1, с. 246–254]. В «Уложениях Темура» изложены принципы справедливого правления, где правитель заявляет: «моя цель – установить справедливость, укрепить порядок и спокойствие, улучшить жизнь обычных людей». В частности, историк Т. Алимардонов подчеркивает, что система управления Темура строилась на гармонии национальных и религиозных ценностей: «...в древние времена наши предки создавали политические системы, основанные на ценностях, уделяли внимание божественному источнику власти и стремлению к добру» [2, с. 51–59]. Этическими

опорами власти Темура были: справедливость, доверие, умеренность и верность. Таким образом, моральные категории служили не только этическим идеалом, но и инструментом политической легитимности. Амир Темура рассматривал власть как служение, а не как средство личного возвышения.

После эпохи Темуридов политическая культура региона менялась. В Бухарском, Хивинском и Кокандском ханствах сохранялись морально-религиозные основы управления, но они постепенно уступали место прагматическим интересам власти.

Советская эпоха принесла иные идеалы – коллективизм, идеологическую преданность, бюрократическую дисциплину, что вытеснило личностно-этические основания управления. Тем не менее даже в советском контексте народная мораль – честность, справедливость, ответственность за общее дело – сохранялась как неформальная основа социального поведения. В исследованиях отмечается, что «модели власти в Центральной Азии и сегодня основаны на сочетании идеологии, государства и религии» [3, с. 172–183]. Политическая легитимность современной власти по-прежнему связана с моральным образом лидера, что является продолжением средневековой традиции, заложенной Темуром.

Сегодня государства Средней Азии сталкиваются с необходимостью интеграции нравственных принципов управления с современными требованиями: прозрачностью, эффективностью, подотчетностью. В Стратегии национального развития «Узбекистан-2030» особое внимание уделяется понятию служения народу как моральному долгу власти.

Согласно исследованиям Центральноазиатского журнала [4, с. 516–523], в публичном управлении вновь акцентируется значение морального лидерства, основанного

на справедливости и добродетели: «доброе дело лучше тысячи солдат». Эти принципы перекликаются с установками Амира Темура.

Однако остаются проблемы: бюрократическая инертность, коррупция, авторитарные практики. Они подрывают доверие общества и свидетельствуют о разрыве между декларацией моральных ценностей и их реализацией.

Позитивным направлением становятся внедрение этических кодексов госслужбы, расширение участия граждан в контроле за властью, а также развитие управленческого образования, включающего историко-этические примеры из прошлого.

Опыт политической культуры Средней Азии показывает, что устойчивость власти во многом определяется ее нравственным содержанием. Историческая преемственность проявляется в идее адолат – справедливости, которая из эпохи Темура перешла в современную политическую лексику.

Для укрепления этических основ государственного управления необходимы: формирование управленческой культуры на основе морального лидерства; институализация этических стандартов в государственном аппарате; гражданский контроль и общественная оценка деятельности органов власти; образовательная преемственность – включение тематики нравственного управления в учебные программы по истории и философии.

Темуридская модель, основанная на сочетании духовности и рационализма, может служить моральным ориентиром для современного руководителя.

Этические основы государственного управления в политической культуре Средней Азии – от Амира Темура до современности – представляют собой непрерывную линию взаимодействия между личностью правителя, институтами власти и нравственными нормами общества.

В эпоху Темура власть опиралась на веру и справедливость; в Новое время эти принципы подверглись трансформации, но их смысл – ответственность, честность, служение обществу – остается актуальным. Сегодня возрождение нравственных стандартов в управлении способно стать ключевым фактором устойчивого развития, доверия граждан и укрепления культурной идентичности региона.

Библиографический список

1. *Мамасалиев М.М.* Forms of Centralized Management System in the Era of Amir Temur // *Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences*. Ташкент: Oriens, 2023. Vol. 3, No. 2. P. 246–254.
2. *Алимардонов Т.* Harmony of National and Religious Values in the Government of Amir Temur// *The Light of Islam*. Бухара, 2021. Vol. 2, No. 1. P. 51–59.
3. *Dar Z.A., Bhat S.A.* Central Asian Politics: Interplay of Governance, Ideology and Values // *ShodhKosh: Journal of Visual and Performing Arts*. Delhi, 2024. Vol. 5, No. 2. P. 172–183.
4. Amir Temur and the Formation of Political Ethics in the Islamic World. *Central Asian Journal of History and Philosophy*. Tashkent Medical Academy Repository. Ташкент, 2022. No. 3 (11). P. 516–523.

«VIVAT REX» ЖАКА ЖЕРСОНА: КОММЕНТАРИЙ В КОНТЕКСТЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ВЛАСТИ

“VIVAT REX” BY JACQUES GERSON:
COMMENTARY IN THE CONTEXT
OF UNIVERSITY AUTHORITY

И.В. Киселев

I.V. Kiselev

Жерсон, Парижский университет, королевская власть.

Статья рассматривает торжественную речь «Vivat Rex» выдающегося французского богослова и канцлера Парижского университета Жака Жерсона в контексте сложной динамики отношений между университетом и королевской властью в начале XV в. Анализируется не только содержание речи, но и обстоятельства ее произнесения, а также ее вероятное воздействие на аудиторию с целью выявить нюансы проявления и ограничения власти в университетской среде.

Gerson, University of Paris, Royal Power.

This article examines the ceremonial speech “Vivat Rex” by the eminent French theologian and Chancellor of the University of Paris, Jacques Gerson, within the context of the complex dynamics of the relationship between the university and royal power in the early 15th century. It analyzes not only the content of the speech but also the circumstances of its delivery and its likely impact on the audience, seeking to identify the nuances of the manifestation and limitations of power within the university.

Жак Жерсон (1363–1429), один из самых влиятельных интеллектуалов своего времени, занимал пост канцлера Парижского университета в период политической нестабильности и церковного раскола. Его произведения, охватывающие широкий спектр тем от богословия и философии

до политики и морали, отражают его стремление к реформированию церкви и государства. Речь «Vivat Rex» («Да здравствует король!»), произнесенная в неустановленное время, является важным источником для понимания взаимоотношений между Жерсоном, университетом и французской короной. Анализ этого текста позволяет пролить свет на особенности функционирования университетской власти и ее место в сложной политической картине эпохи.

Парижский университет к XV в. обладал значительным политическим влиянием. Он не только готовил кадры для церкви и государства, но и выступал как авторитетная инстанция в религиозных и политических спорах. Канцлер университета Жерсон занимал ключевую позицию, выступая посредником между академическим сообществом и внешним миром. Речь «Vivat Rex», вероятно, произнесенная в присутствии короля или его представителей, могла быть направлена на демонстрацию лояльности университета и одновременно на защиту его прав и привилегий [1].

Университет Парижа и сам Жан Жерсон были сторонниками мирного разрешения кризиса, решительно выступая в этот период за *via sessionis* и призывая лиц, занимающих папский престол, поставить благополучие Церкви выше своей гордости и желаний и уйти в отставку ради всего христианского мира. Парижский университет поддерживал христианскую веру, которая была бы более уязвимой без участия вуза в государственных делах [2]. В своей речи Жерсон намеренно использовал женский образ для университета, несмотря на тот факт, что сам университет был полностью мужским учебным заведением и олицетворял строгий мужской порядок. В то же время, сохраняя зависимость от государства и лояльность университета королю, Жерсон пытался представить университет как единственную надежную, объективную и обладающую моральным авторитетом

фигуру, которая могла помочь королю и его двору укрепить свою власть.

Несмотря на лаконичность речи, она содержит в себе важные элементы, характерные для схоластической традиции и отражающие политические взгляды Жерсона [3]. Фрагменты, восхваляющие королевскую мудрость и справедливость, следует рассматривать не как простую лесть, а как попытку Жерсона направить короля (или его представителей) по пути праведного правления, соответствующего моральным принципам и интересам университета. К сожалению, полная транскрипция речи вместе с ее контекстом остается предметом дискуссий среди ученых. Однако существующие отрывки позволяют сделать некоторые предположения. Так, например, Жерсон мог использовать риторические приемы, характерные для схоластической аргументации, чтобы показать необходимость сотрудничества между университетом и королем. Он мог, например, апеллировать к авторитету Священного Писания или трудам Отцов Церкви, чтобы обосновать легитимность королевской власти и одновременно подчеркнуть важность университетского образования для процветания государства [4].

Несмотря на значительное влияние, университетская власть имела свои ограничения. Королевская власть обладала верховным суверенитетом и могла вмешиваться в университетские дела, особенно в периоды нестабильности. Речь «*Vivat Rex*» может рассматриваться как попытка Жерсона смягчить возможное королевское вмешательство, продемонстрировав лояльность и подчеркнув важность университета для благополучия государства.

Речь «*Vivat Rex*» Жака Жерсона является важным источником для понимания сложной динамики отношений между Парижским университетом и королевской властью в начале XV в. Анализ речи в контексте университетской

власти позволяет выявить нюансы проявления и ограничения этой власти в условиях политической нестабильности. Жерсон как канцлер университета использовал свое влияние и риторические навыки, чтобы защитить права и привилегии университета, одновременно демонстрируя лояльность короне. Дальнейшие исследования архивных материалов и рукописей могут пролить свет на детали этой взаимосвязи и предоставить более полную картину роли Парижского университета в политической жизни Франции XV в.

Библиографический список

1. *Lusignan S.* Université parisienne et pouvoir royal aux XIVe et XVe siècles // *Revue de l'histoire des religions.* 1996. No. 213 (2). P. 157–175.
2. *Delogu D.* The King's Two Daughters: Isabelle of France and the University of Paris, Fille du Roy. *Republics of Letters // A Journal for the Study of Knowledge, Politics, and the Arts.* 2013. No. 3 (2). P. 1–21.
3. *Adams T.* Christine de Pizan, Isabeau of Bavaria and Female Regency // *French Historical Studies.* 2009. No. 32 (1). P. 1–32.
4. *Gerson Jean.* Harengue faicte au nom de l'Université de Paris devant le Roy Charles Sixiesme et tout le conseil, en 1405, contenant les remonstrances touchant le gouvernement du roy et du royaume / Ed. Antoine Marie Henri Boulard. Paris: Debeaussaux, 1824. 48 p.

«УЧЕНИК. ВОСХОЖДЕНИЕ ТРАМПА» – ПОПЫТКА ОЧЕРНИТЬ ПЕРЕД ВЫБОРАМИ?

“THE APPRENTICE: THE RISE OF TRUMP” –
AN ATTEMPT TO SMEAR HIM BEFORE THE ELECTION?

В.С. Рихтер

V.S. Rikhter

Научный руководитель **А.В. Вячистая**
Research adviser **A.V. Vyachistaya**

Д. Трамп, «Ученик», кинематограф.

В статье рассматривается история создания фильма «Ученик. Восхождение Трампа», приводятся значимые для темы элементы из биографий участников команды, высказывания из различных интервью. Делается вывод, что фильм имеет антитрамповскую направленность, однако не в контексте выборов 2024 г.

D. Trump, “The Apprentice”, cinematograph.

The article provides the production history of the film “The Apprentice”, significant elements of the biographies of the team that worked on the film and quotes from various interviews. The article concludes that the film has an anti-Trump orientation, but not in the context of the election 2024.

В 2024 г. Д. Трамп выиграл выборы на пост президента Соединенных Штатов Америки. Первый раз он был выбран на эту должность в 2016 г. Шоумен выиграл за счет большего числа выборщиков, что вызвало неоднозначную реакцию в обществе. С одной стороны, в республиканской партии сформировалось крыло трампистов. С другой – рейтинг одобрения президента в среднем держался на уровне 40–43 % [1]. Все вышеописанное вызывало особый интерес к личности Д. Трампа со стороны кинематографистов.

В мае 2024 г., за несколько месяцев до выборов, на 77 Каннском кинофестивале независимой компанией «Кинематикс» (Kinematics) был представлен фильм «Ученик» (The Apprentice), рассказывающий биографию Д. Трампа в 1970–1980-х гг. Цель работы – выявить намерения создателей биографической киноленты «Ученик».

Оригинальное название «Ученик» знакомо американцам – на местном телевидении выходило одноименное шоу, в котором Д. Трамп выступал в качестве «учителя». Картина же повестует о времени, когда миллиардер сам был учеником известного адвоката Р. Кона. По сюжету, после начала тесного сотрудничества с адвокатом Д. Трамп преобразуется в худшую сторону. Не осталась в стороне и тема политики: главный герой негативно высказывается о возможности вступить в предвыборную кампанию [2].

Кинолента имеет длинную историю. Г. Шерман, либеральный антиреспубликанский журналист [3], утверждает, что избрание в 2016 г. Д. Трампа стало мотивом к написанию сценария. В 2018 г. к нему присоединился режиссер А. Аббаси, не боящийся сложных политических тем и избранного президента [4; 5]. Главного героя сыграл С. Стэн, знаменитый по Мстителям, принимавший участие в анти-трамповском ролике предвыборной кампании 2016 г. Первую жену киногероя представила М. Бакалова, получившая Оскар за лучшую женскую роль в фильме «Борат 2», также содержащем антиреспубликанский контекст.

Голливуд отказался от дистрибуции нашумевшей ленты [4; 6]. А. Аббаси негодовал, поскольку картина рассказывает находящуюся в свободном доступе информацию [7]. Впоследствии дистрибутором стала «Брайарклифф Интертейнмент» (Briarcliff Entertainment), выпустившая в прокат фильма антитрамписта М. Мура «Фаренгейт 11/9» в 2016 г. [5; 8].

На пресс-конференции в Каннах, посвященной картине, режиссер сделал заявление, что «проблема этого мира, в том, что хорошие люди слишком долго хранили молчание. <...> пришло время снова делать фильмы политическими» [9]. Однако через какое-то время, когда фильм начал испытывать сложности, команда смягчила высказывания.

В прокат «Ученик» вышел в начале октября в разных странах мира и собрал кассу на сумму 17 млн долл. при бюджете в 15 млн долл. Однако в Штатах кассовые сборы оказались крайне низкими – 4 млн долл. [2]. А. Хортон, журналист «Гардиен» (The Guardian), критик культуры, занимающийся документальным кино, объяснил это так: «Американская аудитория... не клюнет; это может понравиться только людям за пределами США, которым не нужно думать о нем [Д. Трампе] каждый день» [10]. Мировая аудитория высоко оценила фильм: на «Ротен томатос» (Rotten Tomatoes) 83 % профессиональных критиков и 84 % зрителей оставили положительные отзывы [11].

Таким образом, учитывая все приведенные факты, можно сделать вывод, что создатели картины «Ученик» имели антирамповские намерения при создании. Это подтверждается избирательностью сюжетов, включенных в ленту, составом команды, их высказываниями и политическими взглядами, антирамповскими или оппозиционными действиями в биографиях участников команды, историей дистрибьютера. Однако эти намерения выражались не в стремлении очернить кандидата перед выборами. Скорее авторы стремились объяснить особенности 45-го президента, чтобы предотвратить возвеличивание подобных ему безнравственных и аполитичных, по их мнению, фигур в будущем. Выборы же использовались как элемент рекламы уже готового продукта.

Библиографический список

1. President Trump Job Approval // RealClearPolitics Poll Average [Электронный ресурс]. URL: <https://www.realclearpolling.com/polls/approval/donald-trump/approval-rating> (access date: 01.11.2025).
2. Ученик. Восхождение Трампа (2024) // Кинопоиск [Электронный ресурс]. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/5425336/?utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 02.11.2025).
3. Who Is Gabriel Sherman? How the New System of Tax-Deductible Lefty Journalism Threatens All of Us // Breitbart [Электронный ресурс]. URL: <https://www.breitbart.com/the-media/2012/12/26/who-is-gabriel-sherman-how-the-new-system-of-tax-deductible-lefty-journalism-threatens-all-of-us/> (access date: 01.11.2025).
4. Inside the Fight to Release The Apprentice // Vanity Fair [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vanityfair.com/news/story/inside-the-fight-to-release-the-apprentice> (access date: 01.11.2025).
5. James Shani Launches Creative Studio, Rich Spirit; Banner Serves As Executive Producer For Ali Abbasi Film ‘The Apprentice’ // Deadline [Электронный ресурс]. URL: <https://deadline.com/2024/05/james-shani-creative-studio-rich-spirit-the-apprentice-1235914215/> (access date: 26.10.2025).
6. Controversial Donald Trump Movie ‘The Apprentice’ Made a Splash in Cannes. Is Hollywood Too Scared to Release It? // Variety [Электронный ресурс]. URL: <https://variety.com/2024/film/news/donald-trump-movie-the-apprentice-cannes-release-hollywood-legal-issues-1236020018/> (access date: 26.10.2025).
7. Is The Apprentice Real? New Donald Trump Movie Alleges a Prenup Fight, Liposuction and Fake Cufflinks Is The Apprentice Real? New Donald Trump Movie Alleges a Prenup Fight, Liposuction and Fake Cufflinks // People [Электронный ресурс]. URL: <https://people.com/is-the-apprentice-real-inside-controversial-donald-trump-movie-8718407> (access date: 02.11.2025).

8. 'The Apprentice' Producers Explain Why They Need a Kickstarter Campaign // The Hollywood reporter [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hollywoodreporter.com/movies/movie-features/the-apprentice-movie-kickstarter-1235991544/> (access date: 22.10.2025).
9. THE APPRENTICE by Ali Abbasi – Press conference // Festival de Cannes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.festival-cannes.com/en/medialibrary/the-apprentice-by-ali-abbasi-press-conference/> (access date: 24.10.2025).
10. Americans don't want to see a Trump movie but elsewhere it's a different story // The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/film/2024/oct/22/apprentice-movie-trump-global-box-office> (access date: 26.10.2025).
11. The Apprentice // Rotten Tomatoes [Электронный ресурс]. URL: https://www.rottentomatoes.com/m/the_apprentice (access date: 21.10.2025).

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРАЗДНИКИ МОНГОЛИИ В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ

TRADITIONAL HOLIDAYS OF MONGOLIA
IN THE CONTEXT OF PRESERVATION
OF SPIRITUAL AND MORAL HERITAGE

Д.С. Дьяченко

D.S. Diachenko

Научный руководитель **Н.В. Дьяченко**
Research adviser **N.V. Diachenko**

Монголия, Цаган Сар, Надам, духовно-нравственные ценности.
Статья посвящена анализу роли традиционных духовно-нравственных ценностей в трансформации праздничной культуры Монголии в XX – начале XXI в. Показано, что, несмотря на периоды идеологического давления, праздничные практики Надама и Цаган Сара сохраняли функции передачи нравственных норм, укрепления семейных и общественных связей.

Mongolia, Tsagaan Sar, Naadam, spiritual and moral values.
The article examines the role of traditional spiritual and moral values in the transformation of Mongolia's festive culture in the 20th and early 21st centuries. It demonstrates that, despite periods of ideological pressure, the festive practices of Naadam and Tsagaan Sar continued to serve as a means of transmitting moral norms and strengthening family and social ties.

Воссоздание и использование традиционных культурных пространств обеспечивают восстановление преемственности поколений и укрепляют чувство принадлежности к своему народу. В этом контексте праздник играет роль важного медиатора между наследием прошлого и современными культурными практиками. В таких условиях

традиционные духовно-нравственные ценности воспринимаются как устойчивый ориентир, обеспечивающий культурную преемственность и поддерживающий социальную сплоченность общества.

Обращение к трансформации праздничной культуры в Монголии в XX – первой четверти XXI в. позволяет выявить, каким образом политические и идеологические изменения повлияли на практики коллективной памяти и сохранение национальных традиций.

После провозглашения Монгольской Народной Республики в 1924 г. была инициирована отмена религиозных праздников, связанных с почитанием Богдо-гэгэна, включая торжества в честь его рождения и восшествия на престол. В 1930-е гг. были запрещены все этноконфессиональные праздники, включая традиции, связанные с шаманским культом поклонения духам – покровителям местности. Отказ от религиозных торжеств рассматривался как средство преодоления «старых верований», однако он сопровождался утратой значимых для общества норм взаимоуважения, семейной солидарности и поклонения предкам.

Новыми праздниками стали День победы народной революции, годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, Первое мая, Новый год по григорианскому календарю, впоследствии было введено также празднование Международного женского дня, Дня Народной армии, Дня защиты детей и др.

Культурная политика в Монголии стремилась адаптировать и переосмыслить традиционные формы праздничности, подчеркивая их хозяйственно-социальное значение и соответствие идеологическим задачам эпохи. Введенный в 1959 г. День скотовода унаследовал традиционное празднование Цаган Сар (Цагаан сар – по-монгольски), Нового года по лунному календарю, который приходился на различные дни февраля или марта. К этому времени завершился

годовой пастбищный цикл, скот начинал давать приплод. Название «Цаган Сар» (Белый месяц) связывалось с «белой пищей» – молочными продуктами, их заготовкой впрок [1, с. 70]. Сохраняемые элементы ритуалов отражали стремление общества беречь традиционные добродетели – уважение к старшим, гостеприимство, заботу о близких.

Встреча Нового года начиналась не в полночь, как у европейских народов, а рано утром в первый день нового года, который по древним обычаям предназначался для почитания старших. Накануне вечером каждая семья устраивала прощание с уходящим годом – «битулэг» [2, с. 98]. Утром молодые приходили к старшим родственникам и поздравляли их подношением голубого хадака с пиалой молока, что символизировало искренность пожеланий долголетия и счастья. Таким образом, праздничная практика служила не только формой досуга, но и важным каналом передачи нравственных установлений между поколениями.

Годовщина Монгольской народной революции отмечалась как всенародный праздник Надам (по-монгольски Наадам). Он начинался с торжественного парада и демонстрации в центре Улан-Батора и продолжался в парках и на спортивных площадках. Традиционной основой Надама служил старинный народный обычай проведения спортивных соревнований лучших спортсменов страны.

Название «Надам» происходит от монгольского глагола «надах», что означает «играть, веселиться». А поскольку главными видами спортивных соревнований издавна являются скачки, силовая борьба и стрельба из лука, этот праздник носил еще название «три игры мужей». Отличием социалистического периода было включение в программу Надама как традиционных, так и новых видов спорта: волейбола, баскетбола, легкой атлетики, велогонки, шахмат. Хотя Надам как всенародный праздник отмечался по всей стране, в хуонах (аймаках) нередко проводили еще надомы

местного значения, посвященные какому-либо знаменательному торжеству: досрочному выполнению годового плана, трудовой победе коллектива сельхозобъединения или госхоза в социалистическом соревновании и т.п.

Радикальные преобразования конца XX в. привели к пересмотру идеологических оснований праздничной культуры, что обусловило новое наполнение традиционных праздников и формирование обновленного календаря общественно значимых дат в постсоциалистической Монголии. Несмотря на идеологическое давление, многие ценностные смыслы продолжали существовать в бытовых, семейных и локальных формах практик, ожидая возможности открытого возрождения.

Специальный Закон Монголии четко разграничивает два вида праздников, которые условно можно перевести как «массово отмечаемые праздники», объявленные выходными днями, и «памятные дни» [3, с. 3455]. К первой группе относятся два самых традиционных праздника – Надом и Цаган Сар.

Цаган Сар остается, в большей степени, семейной традицией, его празднование в современной Монголии мало отличается от социалистического периода. В современный период Надом связывают уже не только с годовщиной Народной революции 1921 г., но и с исторической датой основания Великой Монгольской империи в 1206 г. В последние десятилетия Надом приобрел и международное измерение, привлекая внимание иностранных туристов, для которых он стал своеобразным окном в традиционную культуру Монголии. Как отмечают К. О’Горман и К. Томпсон, для зарубежных гостей Надом прежде всего интересен своей исторической традицией и культурной самобытностью, тогда как для самих монголов этот праздник связан главным образом с национальными соревнованиями, общением с близкими и встречей старых друзей. При этом опыт участия в празднике

у местных жителей и иностранцев нередко оказывается разным, поскольку последние знакомятся с ним через туристические программы, задающие определенный формат восприятия [4, р. 194]. Сегодня интерес к праздничному наследию становится частью более широкого движения по укреплению национальной идентичности, в рамках которого духовно-нравственные ценности трактуются как ресурс устойчивого развития и культурной интеграции общества.

Таким образом, трансформация праздничной культуры Монголии в XX – начале XXI в. демонстрирует сложное взаимодействие традиционных духовно-нравственных ценностей с изменяющимися политическими и идеологическими условиями. Социалистический период сопровождался попытками переопределения культурного наследия через акцент на его социально-практических аспектах, однако полностью вытеснить традиционные смыслы оказалось невозможно: они продолжали существовать в семейных и локальных практиках. Постсоциалистические реформы создали условия для восстановления и переосмысления исторических праздников, что способствовало укреплению национальной идентичности и поддержанию преемственности поколений.

Библиографический список

1. *Алтанхуяг З.* К вопросу о методологии изучения монгольской праздничной культуры // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2016. Т. 11, № 3. С. 68–72.
2. *Майдар Д., Турчин П.* Разноликая Монголия: этнографический очерк. М.: Мысль, 1984. 112 с.
3. *Терентьев В.И.* Праздничная культура как фактор и выражение национальной идентичности современных монголов // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12, вып. 9 (90). С. 3454–3464.
4. *O'Gorman K., Thompson K.* Tourism and culture in Mongolia: the case of the Ulaanbaatar Naadam // Tourism and Indigenous People. Oxford: Elsevier, 2007. P. 193–210.

ХРИСТИАНСКИЕ ДАЙМЕ: ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОЗНОГО ОППОРТУНИЗМА

CHRISTIAN DAIMYO:
PROBLEMS OF RELIGIOUS OPPORTUNISM

П.Г. Нелюбин

P.G. Neliubin

Христианские дайме, распространение христианства, Сэнгоку Дзидай, португальские миссионеры, политическая выгода.

В статье рассматривается феномен обращения японских феодалов (дайме) в христианство в период Сэнгоку Дзидай (1467–1603). Автор анализирует комплекс причин, побуждавших дайме принимать новую религию, выделяя среди них не только искреннюю веру, но и прагматичные соображения – доступ к торговле с португальцами.

Christian daimyo, spread of Christianity, Sengoku Jidai, Portuguese missionaries, political benefit.

The article examines the phenomenon of the conversion of Japanese feudal lords (daimyo) to Christianity during the Sengoku Jidai period (1467–1603). The author analyzes the complex of reasons that prompted the daimyo to adopt the new religion, highlighting among them not only sincere faith but also pragmatic considerations – access to trade with the Portuguese.

Период Сэнгоку Дзидай в Японии, характеризующийся постоянными междоусобными войнами, стал уникальным контекстом для проникновения и первоначального распространения христианства. Деятельность португальских иезуитов, начавшаяся с прибытия Франциска Ксаверия в 1549 г., привела к появлению феномена «христианских дайме» – региональных правителей, принявших католичество. Историография долгое время дискутировала о мотивах их обращения: была ли это искренняя вера или холодный политический расчет [1, с. 45].

Анализ исторических источников позволяет выделить несколько ключевых прагматических причин обращения. Во-первых, установление торговых отношений с португальскими купцами, чьи корабли («корабли черного народа», *курофунэ*) привозили в Японию китайский шелк и другие ценные товары [2, р. 78]. Дайме, контролировавший порт, где швартовались такие суда, получал значительные экономические преимущества. Христианские миссионеры часто выступали посредниками в этих сделках, и обращение дайме становилось логичным шагом для укрепления этого альянса.

Во-вторых, важным фактором было огнестрельное оружие (аркебузы). Его технология была завезена португальцами в 1543 г. и быстро преобразила военное дело Японии [3, с. 112]. Доступ к поставкам огнестрельного оружия и обучению его использованию стал мощным стимулом для дайме к сотрудничеству с европейцами и, как следствие, к принятию их религии. Омура Сумитада, дайме Отомо, один из первых и самых известных обращенных, наглядно продемонстрировал эту связь, используя свои отношения с иезуитами для усиления своей военной мощи.

В-третьих, новая религия могла использоваться в качестве инструмента внутренней политики. Приняв христианство, дайме получали идеологический инструмент, некую альтернативу традиционному синто-буддизму. Конфискация земель буддийских монастырей и ослабление их влияния были характерной практикой для некоторых христианских дайме, таких как Такаяма Укон [4, с. 91].

Однако именно преобладание оппортунистических мотивов предопределило недолговечность «Христианского века» в Японии. Когда объединитель страны Тоетоми Хидэеси, а затем и сегуны Токугава осознали, что христианство несет в себе не только экономические выгоды, но и угрозу

для политической стабильности (поскольку верность дайме могла сместиться в сторону европейцев), они начали политику гонений [5]. После издания указа Тоетоми Хидэеси 1587 г. об изгнании миссионеров христианство было практически искоренено.

Таким образом, феномен христианских дайме является классическим примером религиозного оппортунизма, при котором внешнее принятие новой веры было обусловлено в первую очередь прагматичными соображениями военно-экономического и политического характера. Искренняя религиозность, безусловно, присутствовала у части населения и отдельных правителей, но именно оппортунизм элиты стал движущей силой быстрого распространения христианства и одновременно причиной его столь же стремительного упадка, когда прагматическая выгода от него была исчерпана или перевешена рисками.

Библиографический список

1. *Мещеряков А.Н.* Японские христиане: между верой и выгодой // Вопросы истории. 2010. № 5.
2. *Boxer C.R.* The Christian Century in Japan, 1549–1650. Berkeley, 1951. 535 с.
3. *Пасков С.С.* Япония в раннее Средневековье. VII–XII века: исторические очерки. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 194 с.
4. *Эйдус Х.Т.* История Японии с древнейших времен до наших дней: Краткий очерк. М.: Наука, 1968. 223 с.
5. *Kitagawa T.* The Political and Religious Persecution in Tokugawa Japan // Journal of Asian Studies. 1985. Vol. 44, No. 2.

**ЭТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ
РЕФОРМИРОВАННОЙ ЦЕРКВИ ШОТЛАНДИИ
(1560–1581)**

ETHICAL VALUES
OF THE REFORMED CHURCH OF SCOTLAND
(1560–1581)

А.В. Нефедов

A.V. Nefyodov

Научный руководитель **Л.Н. Чернова**
Research adviser **L.N. Chernova**

Кальвинизм, пресвитерианство, этические ценности, «Первая книга дисциплины», «Шотландское Исповедание веры», Генеральная ассамблея Шотландии.

При изучении такого сложного явления, как европейская Реформация, особый интерес представляет формирование новых этических ценностей. В рамках данного исследования внимание уделено процессу выработки и воплощения в жизнь нравственных идеалов в Шотландии второй половины XVI в.

Calvinism, Presbyterianism, ethical values, the First Book of Discipline, the Scottish Confession of Faith, the Scottish General Assembly.

Studying such a complex phenomenon as the European Reformation, the formation of new ethical values is of particular interest. This research focuses on the process of formation and implementation of moral ideals in Scotland in the second half of the 16th century.

Пути Реформации заметно отличались в разных культурных пространствах. Для шотландской Реформации, получившей название Пресвитерианской, наиболее близкими оказались идеи, разработанные в Женеве Жаном Кальвином. Руководство епархиями здесь осуществляли

не епископы, а пресвитеры, состоящие из равного числа министров (священников) и старейшин, и в силу этого Церковь Шотландии оказалась «ближе к людям» [1, с. 77], на повседневном уровне участвуя в распространении и укоренении пресвитерианской этики. Ключевые ее аспекты как христианского этического мировоззрения, основанного на кальвинистском богословии (верховенство Бога, авторитет Писания и спасение через веру), включают в себя трудолюбие, ответственность и усердие как формы служения Богу, точное следование библейским принципам в повседневной жизни: акцент на строгой морали, простоте и умеренности. Эти этические ценности утверждались в шотландском обществе на протяжении десятилетий, что нашло отражение в ряде документов 1560–1581 гг.

Военные успехи протестантских аристократов – Лордов Конгрегации – позволили Парламенту в августе 1560 г. принять «Шотландское Исповедание веры», в котором обозначались новые ценности протестантского общества [2, с. 96–97]. Первые главы документа затрагивают сугубо теологические вопросы – сотворения мира, Святой Троицы, первородного греха и предопределения. 14-я глава касается разных аспектов поведения верующих и содержит список дел, угодных Господу. Они делятся на дела, совершаемые во славу Господа, и дела во благо ближнего. Причем вторая группа значительно больше первой. Это позволяет предположить, что реформаторов прежде всего волновал вопрос регулирования земной жизни общины верующих. Вместе с тем «Исповедание» выделяет и признаки истинной церкви: правильная проповедь Слова Божьего, правильное отправление таинств и наличие церковной дисциплины [3], тем самым уделяя внимание церкви как социальному институту.

Тема церковного порядка была поднята в «Первой книге дисциплины», увидевшей свет в том же 1560 г. За ее

соблюдением следили суперинтенданты и собрания верующих внутри городов, состоявшие из служителей, дьяконов, церковных старост и представителей городских магистратов. Основной мерой наказания являлось исключение человека из городского социума с запретом другим верующим общаться с ним, то есть изгнание из привычного мира и системы коммуникаций. Исключенный мог вернуться в общину, но только совершив акт публичного покаяния [4].

Парламент не принял «Книгу» из-за ее финансовой составляющей, по которой бывшие католические бенефиции переходили новой церкви. Несмотря на это, реформаторы приступили к ее реализации. В значительных городах на основе наиболее крупных приходов возникают церковные суды, а сама Шотландия находится под надзором 10 суперинтендантов, подотчетных Генеральной ассамблее [4]. Не полностью сохранившиеся записи церковных сессий таких городов, как Сент-Эндрюс, Канонгейт и Абердин, позволяют увидеть практическую сторону реализации церковной политики.

Сент-Эндрюс – «реформаторская столица Шотландии» – начинает вести записи с 1559 г. За период 1560–1581 гг. среди всех дел, рассмотренных церковной сессией и суперинтендантом, преобладают категории «блуд» и «супружеская измена» – 58 %. Уже затем идут проступки, связанные с отказом от причастия или католическими практиками – 25 %, прочие – 17 % [5, р. 86–98].

В Абердине записи церковной сессии, которая состояла преимущественно из городских официалов, начинают вестись с 1562 г. И здесь преобладают случаи адюльтера и блуда – 65 %. Только посещение города 1574 г. регентом Муртоном заставит сессию уделять больше внимания проявлениям богохульства и приверженности католицизму – процент этих дел возрастет с 1 до 33. Однако записи

от 1576 г. вновь посвящены нарушениям в сфере семейно-брачных отношений [5, р. 114–125].

Пример пригорода Эдинбурга – Канонгейта, чей регистр охватывает период 1564–1567 гг., показывает, как церковная сессия, состоявшая на момент записи протокола из городских магистратов, изначально пытаясь бороться с блудом, к 1565 г. переключает внимание на ссоры между прихожанами. В указанный период процентное отношение рассмотренных конфликтов с 19 вырастает до 43. Одновременно процент рассмотренных сексуальных правонарушений снижается с 67 до 25. То есть сессия Канонгейта продолжала играть привычную ей роль регулятора внутриобщинных отношений [5, р. 98–105].

Генеральная ассамблея Шотландии дает наиболее полную и динамичную картину проблем, связанных с реализацией новой этической модели. При этом можно выделить два этапа: 1560–1575 гг. и 1575–1581 гг. Для первого характерно преобладание служителей в качестве обвиняемых в недобросовестном исполнении церковных обязанностей [6, р. 57–63]. В качестве оправдания служители почти всегда указывали на нехватку жалования, ссылаясь на нерешенный Ассамблеей финансовый вопрос [6, р. 57, 112, 114]. Случаи же обвинения на почве несоответствия моральным стандартам – чаще всего блуда – были редки [6, р. 29].

После Лейтской встречи 1572 г., возродившей епископат, Ассамблея начинает проявлять интерес к инспектированию его деятельности. Особо пристальное внимание епископату начинает уделяться с 1575 г., когда впервые среди реформаторов прозвучала критика Лейтской программы и разрабатывается новый программный документ – «Вторая книга дисциплины». За этот период все епископы без исключения подвергались обвинениям в небрежении обязанностями и коррупции [6, р. 331–334, 348–351]. Тема бытовых нарушений дисциплины сходит на нет.

Таким образом, несмотря на обширный список правил поведения, как церковные сессии городов, так и Генеральная ассамблея на практике ограничились лишь несколькими направлениями деятельности: борьбой с блудом и социальными конфликтами в первом случае и надзором за деятельностью служителей – во втором. Подобное объясняется как скудностью материальной базы реформаторов, так и относительной легкостью по выявлению именно этих проблем внутри сообщества христиан.

Библиографический список

1. *Ламонт С.Д.* Шотландская Реформация и ее отличие от английской модели // Концепт: философия, религия, культура. 2018. № 4. С. 77–83.
2. *Апрыщенко В.Ю.* Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей. СПб.: Алетейя, 2016. 715 с.
3. The Scots Confession [Электронный ресурс]. URL: <https://www.christianstudylibrary.org/article/scots-confession-1560> (дата обращения: 29.10.2025).
4. The First Book of Discipline [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20191114191246/http://www.swrb.com/newslett/actualnls/BOD_ch03.htm (дата обращения: 29.10.2025).
5. *Graham M.F.* The uses of reform: «Godly Discipline» and Popular Behavior in Scotland and Beyond, 1560–1610. Leiden, 1996. 373 p.
6. Acts and proceedings of the general assemblies of the Kirk of Scotland, from the year M.D.LX. Vol. 1 / Ed. by D. Laing, Secretary of the Bannatyne club, Edinburgh, 1839.

МЕЖДУ АВТОНОМИЕЙ И ОПЕКУНСТВОМ: ДВОЙСТВЕННОСТЬ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ИНДЕЙЦЕВ

BETWEEN AUTONOMY AND GUARDIANSHIP:
THE DUALITY OF AMERICAN POLICY
TOWARDS NATIVE AMERICANS

К.А. Мотылева

К.А. Motyleva

Научный руководитель **А.В. Буденкова**
Research adviser **A.V. Budenkova**

Индейские племена, суверенитет, Дорога слез, закон о переселении, доктрина открытия, резервации.

Статья посвящена анализу эволюции политики США в отношении индейских племен с конца XVIII – начала XX в. на основе ключевых декретов, законов и постановлений правительства. Рассматривается механизм систематического лишения суверенитета и автономии коренных народов США, особое внимание уделяется противоречию между декларируемой правовой нормой и осуществлением политики переселения, анализу ее основных результатов.

Indian tribes, sovereignty, Trail of Tears, Removal Act, Doctrine of Discovery, reservations.

This article is dedicated to an analysis of the evolution of U.S. policy regarding Native American tribes from the late XVIII to the early XX century, drawing on key legislative acts and governmental decrees. The work investigates the systematic process through which the sovereignty and autonomy of Indigenous peoples were dismantled. A central focus is the discrepancy between formally declared legal norms and the implementation of relocation policies, culminating in an analysis of their principal outcomes.

Политика США в отношении индейских племен претерпела значительную эволюцию, отличающуюся от подходов британской колониальной администрации. Индейцы, как и переселенцы, были подданными английской короны, однако индейские племена подвергались систематическому насильственному вытеснению. Положение племен регулировала доктрина «ничьей земли» (лат. terra nullius), которую использовал священник, а также губернатор колонии Массачусетс Джон Уинтроп [1]. Она заключалась в том, что индейцы имеют только природное, а не юридическое право на американские земли, так как не возделывали их, следовательно, не пользовались благами земли. Именно проблемы собственности земли и ее значение будут ключевыми в истории индейских племен и предопределят последующую жизнь народа.

С 1789–1830 гг. начинается эпоха соглашений белого населения США с индейцами. После революции статус индейских племен был автономным. В 1787 г. Конгресс США в «Северо-западном ордонансе» определил независимость индейцев, они стали законными представителями своих земель, а законы штатов не касались их [2]. Самоопределение американской нации только созревало, как и новые классы, желающие обзавестись землей. Рождение американской нации складывалось исходя из желания быть собственниками земли. Плантаторская буржуазия – класс, приверженцами которого были отцы – основатели Америки, будущие президенты страны, вела активную политику освоения Запада. Так, независимость индейских племен и их право собственности стали восприниматься как препятствие для Демократической партии, видевшей в фермерстве основной путь развития США [3].

Апогеем становится 1829 г., приход к власти лидера Демократической партии Эндрю Джексона. 28 мая 1830 г. Кон-

гресс США издал законодательный акт, ограничивающий права коренного населения Америки. Согласно «Закону о переселении индейцев» индейские племена могут обменивать земли, на которых они сейчас проживают, а именно в пределах границ штатов, и переселиться к западу от реки Миссисипи [4]. Согласно Акту президенту Соединенных Штатов Америки будет разрешено выделить такую часть любой территории, принадлежащей стране, но не включенной в состав какого-либо штата [5].

Можно ли назвать политику правительства Америки насильственным переселением племен, учитывая непринудительный характер постановления? Только при желании самих индейцев они могут переселиться за пределы штатов, что говорит о взаимном правовом статусе. На примере племени чероки мы можем судить о правовой двойственности закона. Жители этого племени, чьи земли находились к северу от штата Джорджия, не хотели менять их на земли в районе реки Миссисипи. Несмотря на то что земля для индейцев была выделена, ее площадь была меньше прописанной в законе [6, с. 12], как и выплаты индейцам на добровольное переселение. 500 млн долл. – сумма для проведения политики переселения, на деле индейцам было выплачено 30 млн долл. [6, с. 13]. Племя чероки подверглось насильственному переселению, которое заключалось не только в невыполнении финансовых обязательств правительством США. В период подготовки к переселению индейские племена стремились оспорить нововведения, среди них было дело «Чероки против штата Джорджия». Племя чероки направило иск об отмене законов штата, ограничивающих их владения. Суд не рассмотрел дело, а также постановил, что штат не является иностранным государством в правовом смысле, а подчинен законам США, в котором государство является опекуном над индейцами [7].

Начиная с 30-х гг. XIX в. осуществляется политика «опекунства» над индейскими племенами. Она будет продолжаться на протяжении столетия по отношению к племени чероки, а также к другим индейским племенам, включая «Дело племени осейдж» и закон об их опекунстве 1921 г. [8]. Модель опекунства над индейскими племенами была выведена из доктрины «ничьей земли», племена должны признавать, что их территория – составная часть США, а жители племен должны находиться под защитой государства. Торговля и другие вопросы регулируются правительством.

Результатом политики переселения также стало создание резерваций. По мнению В.Г. Стельмаха, целью их создания было не только переселение, но и перевоспитание. Создание резерваций, как пишет автор, стало лишь начальным шагом на пути приобщения их к благам «американской цивилизации» [6, с. 17]. Оно должно было уничтожить родоплеменные отношения индейцев. По закону Конгресса 1871 г. все индейские земли присоединились к США, тем самым индейские племена утратили свой суверенитет. В 1885 г. Конгресс США принял закон, согласно которому индейцы не могут производить правосудие на территориях резервации [6].

Процесс «Дорога слез» переселил индейцев в резервации дальше от границ штатов, однако покорение западных земель американцами продолжалось, особенно после Гражданской войны, результатом которой стало активное переселение воевавших северян на запад по закону «Гомстед-акта». В конце XIX в. в индейских резервациях нашли залежи золота, началась золотая лихорадка, она же привела к серии войн «Красного быка» и к «войне за Черные Холмы», в ходе которых племена сиу и шайеннов пытались отстоять свои последние священные земли. Результатом войн стала смерть более одной тысячи индейцев [9].

К моменту образования США до закона переселения на территории Америки проживало около 1 млн индейцев. В результате войн, переселений, голода, болезней, создания резерваций к 1900 г. численность индейцев составила 200 тыс. человек [6, с. 41].

«Дорога слез» – кульминация политики переселения, когда процесс достиг своей цели и оказал влияние на историю индейских племен. Главной целью политики было не решение индейского вопроса, а переселение племен в резервации для дальнейшего освоения Запада. Эпоха американского империализма показала, что индейские племена остались на периферии американской истории, особенно с увеличением золотодобычи в землях резервации. «Дорога слез», доктрина «ничьей земли» и законы об опекунствах закрепляли юридическое положение племен, но не гарантировали их безопасность.

Библиографический список

1. *Спиридонова В.И.* Эволюция евро-американской модели цивилизации и ее пределы [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-evro-amerikanskoj-modeli-tsivilizatsii-i-ee-predely/viewer> (дата обращения: 03.10.2025).
2. Northwest Ordinance (1787) Sec 14. Art 3. National archives [Electronic resource]. URL: <https://www.archives.gov/milestone-documents/northwest-ordinance> (access date: 03.10.2025).
3. *Калашников В.М.* Становление политики США в отношении индейцев (1776–1814 гг.) // Новая и новейшая история. 1983. № 7. С. 71–87.
4. St1. CHAP. CXLVIII. Acts of the Twenty-First Congress of the United States [Electronic resource]. URL: <https://tile.loc.gov/storage-services/service/l1/lsl//lsl-c21/lsl-c21.pdf> (access date: 04.10.2025).
5. SEss.I. CH. 148. 1830. Acts of the Twenty-First Congress of the United States. [Electronic resource]. URL: <https://tile.loc.gov/storage-services/service/l1/lsl//lsl-c21/lsl-c21.pdf> (access date: 05.10.2025).

6. *Стельмах В.Г.* Тропою слез и надежд: Книга о современных индейцах США и Канады. М.: Мысль, 1990. 316 с.
7. *Емелин М.Ю., Николаев Б.В.* Доктрина суверенитета индейских племен в решениях верховного суда США [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doktrina-suvereniteta-indeyskih-plemen-v-resheniyah-verhovnogo-suda-ssha/viewer> (дата обращения: 05.10.2025).
8. Modifying Osage fund restrictions. Hearing before the Committee on Indian Affairs, Sixty-Seventh Congress, second session on H.R. 10328. February 15 – Mar. 31, 1922. United States. Congress. House. Committee on Indian Affairs [Electronic resource]. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=nnc1.0315059260&seq=7> (access date: 06.10.2025).
9. *Стукалин Ю.В.* Первая энциклопедия Дикого Запада – от А до Z [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grinchevskiy.ru/books/pervaya-encicljpediya-dikogo-zapada> (дата обращения: 06.10.2025).

ЭВОЛЮЦИЯ НРАВСТВЕННЫХ ОСНОВ ОБРАЗОВАНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ: ОТ МОНАСТЫРЯ К УНИВЕРСИТЕТУ

EVOLUTION OF THE MORAL FOUNDATIONS OF EDUCATION IN MEDIEVAL EUROPE: FROM MONASTERY TO UNIVERSITY

А.И. Шаронова

A.I. Sharonova

Средневековье, образование, монастырские школы, университет, схоластика, этика.

В статье рассматривается переход от монастырских и кафедральных школ к университетам как отражение изменения идеи образования. Показано, что средневековое образование сформировало основу гуманистического понимания человека и заложило фундамент европейской интеллектуальной культуры.

Middle Ages, education, monastic schools, university, scholasticism, ethics.

The article examines the transition from monastic and cathedral schools to universities as a reflection of the changing concept of education. It demonstrates that medieval education formed the basis of the humanistic understanding of the person and laid the foundation for European intellectual culture.

Средневековье стало одним из ключевых этапов в становлении европейской образовательной традиции, где процесс передачи знаний неразрывно связывался с религиозными и этическими представлениями эпохи. Именно в этот период формируется синтез обучения и духовного воспитания, задающий ценностные основания последующего европейского гуманизма. Цель данной статьи – показать трансформацию образовательных институтов (от монастырских и кафедральных школ к университетам), отражающую

изменение самой идеи образования как пути к истине, благу и совершенствованию человека.

Развитие образования в Средневековье было отмечено значительным расширением и диверсификацией. После падения Римской империи ведущую роль в передаче знаний сыграли монастырские и кафедральные (соборные) школы, сочетающие обучение грамоте с моральным наставлением [1].

Монастырские школы раннего Средневековья уделяли особое внимание грамматике, риторике и классическим добродетелям [1], делая упор на духовном развитии. Основной целью было обеспечение целостного образования в синергии смирения, жертвенности и интеллектуальных занятий как для подготовки духовенства и монахов, так и для базового образования мирян. Монастырское образование выработало уникальный подход к обучению, характеризующийся созерцанием и преобразующими встречами с текстами, известными как метаноия [2], способствующими формированию поэтического и преобразующего образовательного видения. Монастырские школы сыграли одну из решающих ролей в формировании европейской культуры и общества, являясь своего рода инкубаторами молодежной культуры в средневековой Европе [3], а монастыри служили центрами обучения, сохранения и передачи знаний, в том числе через производство рукописей. При этом школы являлись частью монашеской жизни, были ориентированы на развитие и поддержание соответствующего образа жизни, то есть имели яркую религиозную направленность.

Более светское обучение, хотя и не без концепции покаяния и личного преобразования, предоставляли кафедральные (соборные) школы, возникшие с ростом влияния церкви в IX–X вв., целью которых было совершенствование физических данных, манер и красноречия учеников, при этом личность учителя служила преобразующей силой (то, что К.С. Йегер назвал «харизматичной педагогикой») [4].

Образование было доступно лишь меньшинству, но достигало значительного знанияевого уровня [5]. Наряду с монастырскими кафедральными школами были центрами обучения, объединяющими знания и этику (*littera et mores*), предоставляя образование клирикам и монахам, служившим как церкви, так и королевским домам, символизируя союз образования и власти, укрепившийся в эпоху позднего Средневековья [1].

Образование в кафедральных и монастырских школах Средневековья сыграло ключевую роль в формировании интеллектуальной традиции, не только обеспечивая подготовку священнослужителей, но и создавая фундамент для систематического изучения христианской веры и философии, с развитием интереса к которым появилась необходимость в более структурированном и аналитическом подходе к изучению религиозных текстов и учений, где берет начало и развивается схоластическое движение, стремящееся к объединению рационального анализа и теологических идей посредством логического рассуждения и аргументации. Схоластика, объединившая христианское богословие с философией Аристотеля [6], систематизировала образовательные методы и утвердила диалектический диспут как основу обучения, что стало основой для последующего расширения образовательных систем, способствуя увеличению доступности и разнообразия образовательных возможностей с появлением университетов, основанных на схоластической традиции, где она достигнет своего расцвета.

Первые университеты средневековой Европы, ставшие безусловной социальной инновацией и представляющие собой значимый шаг в развитии доступности образования (однако все еще предоставляя ограниченный доступ к формальному образованию лишь для меньшинства в связи с узким кругом студентов, в первую очередь состоящим из привилегированных слоев общества, а также в связи с необходимостью финансового обеспечения и предшествующего образования) [5],

возникают как сообщества в XII и XIII вв. в Болонье, Париже и Оксфорде, отражая перемены в социальной и церковной структурах [7]. Эти учреждения появились из-за потребности в образованных людях в меняющемся обществе и характеризовались единой факультетской структурой, схожими учебными планами и студенческой мобильностью [7], способствовали интеллектуальному росту населения, играли решающую роль как институты производства и формирования культурных и социальных знаний [8] и оказали значительное влияние на экономическое развитие городов. Средневековые университеты, заявленные как продукты особой веры в достоинство человеческого разума, стремились достичь всеобщего знания, а также преобразования человека посредством образования, религии и классической литературы [9]. Несмотря на ограничения (например, жесткую учебную программу по семи свободным искусствам (грамматике, риторике, логике, арифметике, геометрии, астрономии, музыке), оставлявшую место для экспериментальной науки, но не истории, поэзии, архитектуры, драмы и т.д., «церковную смирительную рубашку» [10] – доктринальную ортодоксальность и ограниченное практическое применение знаний в связи с теоретическим или схоластическим подходом к обучению [11]), университеты Средневековья институционализировали обучение и стали третьим столпом наряду с монархией (*regnum*) и священством (*sacerdotium*) в поддержании европейского христианства [12].

Несмотря на свою первоначальную религиозную направленность, средневековое образование способствовало сохранению и развитию интеллектуального наследия, что заложило основы европейской модели воспитания человека как духовно-нравственного существа. Становление университетов как автономных центров знания стало выражением веры в силу человеческого разума, а соединение веры и рациональности – главным этическим ориентиром эпохи. Через монастырь, кафедральную школу и университет Средне-

вековье создало фундамент, на котором позднее возникла идея образования как универсальной культурной ценности.

Библиографический список

1. *González S.G.* El saber de los claustros: las escuelas monásticas y catedralicias en la Edad Media // *Arbor-ciencia Pensamiento Y Cultura* 184. 2008. P. 43–455.
2. *Bertucio B.* Paideia as Metanoia: Transformative Insights from the Monastic Tradition // *Philosophy of Education*. 2018.
3. *Reeves A.* Monastic and University Education in Medieval and Early Modern Western Europe // *The Oxford Handbook of the History of Youth Culture*. 2021.
4. *Jaeger C.* The Envy of Angels: Cathedral Schools and Social Ideals in Medieval Europe, 950-1200 // *The American Historical Review*. 101. 1996. P. 317.
5. *Young S.E.* Education in Medieval Europe // *The Oxford Handbook of the History of Education*. 2019.
6. *Баринова С.Г.* Схоластика как систематическая европейская философия периода Средних веков // *Социодинамика*. 2022. № 7. С. 33–40.
7. *Välismaa J.* The Emergence of Universities in the Middle Ages // *A History of Finnish Higher Education from the Middle Ages to the 21st Century*. 2019. P. 11–38.
8. *Malavasi S., Oliveira T., Batista V. da S.* Um olhar da História da Educação para a universidade medieval: a importância social e histórica dessa instituição // *Revista Diálogo Educacional*. 2023. 23 (78).
9. *Pankova N.M.* University as a Sociocultural Phenomenon: the Past and the Present // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS)*. 2016. P. 279–284.
10. *Kempshall M.S.* Universal or Particular // *Oxford Review of Education*, 23. 1997. P. 203–209.
11. *Blockmans W.P.* Medieval Universities and Empirical Research // *Missions of Universities*. 2020. P. 31–42.
12. *Engen V., John H.R.* Learning Institutionalized: Teaching in the Medieval University // *The Journal of Ecclesiastical History*. 2002. 53 (01). P. 108–193.

РОЛЬ ПЕРЛ ГИББС В РАЗВИТИИ ПРАВозащитной Деятельности КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ АВСТРАЛИИ

THE ROLE OF PEARL GIBBS
IN THE DEVELOPMENT OF HUMAN RIGHTS ACTIVITIES
OF THE INDIGENOUS POPULATION OF AUSTRALIA

А.А. Замостная

A.A. Zamostnaya

Научный руководитель **А.В. Буденкова**
Research adviser **A.V. Budenkova**

Перл Гиббс, роль женщин, Австралия, права аборигенов, коренные народы Австралии.

В течение длительного времени вклад женщин-аборигенов в защиту прав коренных народов оставался малоизученным. Статья посвящена анализу роли Перл Гиббс в развитии движения сопротивления и борьбе за гражданские права в Австралии. Особое внимание уделяется историческому контексту политики протекционизма и системной дискриминации, а также деятельности ключевых организаций.

Pearl Gibbs, the role of women, Australia, aboriginal rights, indigenous peoples of Australia.

For a long time, the contribution of Aboriginal women to the defense of Indigenous rights remained understudied. This article analyzes Pearl Gibbs's role in the development of the resistance movement and the struggle for civil rights in Australia. Particular attention is given to the historical context of protectionist policies and systemic discrimination, as well as the activities of key organizations.

Роль женщин в защите прав коренных народов Австралии представляет собой значительный научный интерес, однако до недавнего времени эта тема оставалась малоизученной [1, с. 12–15]. Исторически голоса женщин коренных народов часто исключались из официальных документов и полити-

ческих процессов, что создавало существенный пробел в понимании их вклада в борьбу за права коренного населения [2, с. 219]. Ситуация начала меняться лишь в последние десятилетия, благодаря таким масштабным проектам, как *Wiyi Yani U Thangani (Women's Voices)*, первой за 34 года национальной консультации с представителями коренного населения и жителями островов Торресова пролива, проведенной под эгидой Комиссии по правам человека Австралии [3, с. 5; 11].

Исторически женщины коренных народов Австралии играли фундаментальную роль в сохранении культурной преемственности и управлении сообществами. Как отмечает исследовательница Николь Уотсон, женщины аборигенов стояли у истоков формирования «культуры сопротивления», которая проявлялась в различных формах – от открытого противостояния до стратегий выживания в рамках закона [2, с. 221–223].

Яркими примерами сопротивления выступают такие исторические фигуры, как: Мэри Беннетт, Ширли Эндрюс, Джеральдин Макнамара, Констанция Томкинс, Джесси Стрит, Эвелин Скотт, Фэйт Томас, Молли Келли, Патрисия Тернер, Луиза Далтон. Все вышеперечисленные женщины внесли неоспоримый вклад в развитие правозащитной деятельности аборигенов в Австралии [1, с. 45–67; 4, с. 88–90]. В то время как многие активистки вели борьбу в отдельных штатах или направлениях, Перл Гиббс удалось сделать нечто большее – она объединила разрозненные усилия, выведя борьбу за права аборигенов на общенациональный уровень [5, с. 112; 6, с. 34].

Перл Гиббс – это первая женщина-аборигенка, выступавшая на политической трибуне. Ее жизненный путь, от служанки до основания и лидерства в национальных организациях, является выдающимся примером активного участия в борьбе за гражданские права и против дискриминации [7].

Британская колонизация Австралии началась в 1788 г. Официальной причиной основания колонии было решение проблемы перенаселенности тюрем в Великобритании

после потери американских колоний. Аборигены были вытеснены со своих земель, многие погибли или умерли от болезней, а оставшиеся были вынуждены переселяться в резервации [8, с. 56–59].

Перл Гиббс родилась в год образования Австралийского союза (1901), доминиона Британской империи. Она оказалась свидетельницей и участницей эпохи, когда правовая доктрина в отношении аборигенов была сформирована на принципах «протекционизма». Аборигенное население, не признаваемое полноправными гражданами, находилось под опекой государства, регламентируемой специальными Законами об аборигенах (Aboriginal Protection Acts) в каждом отдельном штате [9, с. 22–25]. Эти нормативные акты наделяли попечительские советы практически неограниченной властью над жизнью коренных народов, что выражалось в принудительном размещении многих аборигенов, включая Перл, имевшую смешанное происхождение, в резервациях или на правительственных станциях [5, с. 78–81].

В рамках этой политики активно проводилась практика изъятия детей смешанного происхождения из семей, что являлось частью стратегии насильственной ассимиляции [3, с. 10–12]. Аборигенам был закрыт доступ к образовательным учреждениям, им запрещалось свободно перемещаться, владеть собственностью, получать равную заработную плату или вступать в брак без специального разрешения властей. Их политические права также были существенно ограничены: аборигены не имели права голоса на федеральных выборах и выборах большинства штатов, что свидетельствовало о системной дискриминации и маргинализации коренного населения [9, с. 30–33].

Несмотря на смену места жительства, Мэри не смогла избежать действия этой порочной системы. Выйдя замуж за английского моряка и переехав в город Брюстер, Мэри вновь оказалась в условиях, где несправедливое отношение

к аборигенам было повседневной реальностью. Однако, несмотря на все трудности, она не утратила решимости и посвятила свою жизнь борьбе за права своего народа [7].

В 1937 г. она переехала в Сидней и активно включилась в политическую деятельность, став одним из ключевых лидеров и соучредителей ряда значимых аборигенных организаций, включая Аборигенский прогрессивный союз (Aboriginal Progressive Association) и Лигу прав аборигенов Австралии (Australian Aborigines' League). Ее вклад в эти структуры был неocenим, и она стала ключевой фигурой в формировании аборигенного движения сопротивления [5, с. 95–98; 10].

Особое внимание следует уделить ее роли в организации протестов в рамках «Дня траура» (Day of Mourning), который состоялся 26 января 1938 г. Эта акция, приуроченная к 150-летию британской колонизации, стала мощным символом борьбы за права аборигенов и ознаменовала собой важный этап в истории аборигенного сопротивления [10].

В 1941 г. Перл Гиббс выступила на политической трибуне Австралии, обращаясь к премьер-министру штата. Ее ораторские способности, отличавшиеся харизмой и бесстрашием, позволили ей эффективно доносить идеи прав аборигенов до широкой аудитории через Рабочую образовательную ассоциацию [7].

После окончания Второй мировой войны она активно противостояла официальной политике ассимиляции, которая, по ее убеждению, стремилась к уничтожению аборигенных традиций [8, с. 143–145]. В 1956 г. совместно с Фейт Бэндлер она стала соучредителем организации «За гражданские права аборигенов» (Aboriginal-Australian Fellowship, AAF), которая сыграла ключевую роль в борьбе за конституционные реформы [6, с. 41–45].

Перл Гиббс является выдающимся примером лидера, который не только преодолел многочисленные трудности, но и внес значительный вклад в развитие движения за права

коренных народов Австралии. Ее деятельность демонстрирует, что коллективные действия и политическая активность могут привести к значительным изменениям и улучшению социального положения маргинализированных сообществ [1, с. 156; 5, с. 203].

Библиографический список

1. *Goodall H.* Invisible Invaders: Black Women and the Struggle for Civil Rights in Australia. Melbourne, 2008.
2. *Watson N.* Aboriginal Women and the Law: Resistance and the Colonial Order // Australian Feminist Law Journal. 2014. Vol. 40, No. 2. P. 217–235.
3. Human Rights and Equal Opportunity Commission. *Wiyi Yani U Thangani (Women's Voices): Report of the National Inquiry into the Separation of Aboriginal and Torres Strait Islander Children from Their Families.* Canberra, 1997.
4. *Huggins J.* Sister Girl: The Writings of Aboriginal Activist and Historian Jackie Huggins. St Lucia, 1998. 152 p.
5. *Maynard J.* Fight for Liberty and Freedom: The Origins of Australian Aboriginal Activism. Canberra, 2007.
6. *Bandler F.* Turning the Tide: A Personal History of the Aboriginal-Australian Fellowship. Canberra, 1989. 173 p.
7. *Gibbs P.* Speech to the New South Wales Premier // Records of the Aboriginal-Australian Fellowship. State Library of New South Wales, Sydney, 1941.
8. *Reynolds H.* This Whispering in Our Hearts Revisited: The Question of Conscience in Australian History. Sydney, 2020. 288 p.
9. *Attwood B., Markus A.* The 1967 Referendum: Race, Power and the Australian Constitution. Canberra, 2007. 188 p.
10. Aboriginal Progressive Association. Minutes of the Day of Mourning Meeting, 26 January 1938. Sydney, 1938.
11. Australian Human Rights Commission. *Wiyi Yani U Thangani (Women's Voices): Summary Report* [Электронный ресурс]. URL: <https://humanrights.gov.au/our-work/sex-discrimination/other-projects/wiyi-yani-u-thangani-womens-voices> (дата обращения: 05.04.2025).

ДЖОВАННИ БОНАВЕНТУРА КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ МОРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

GIOVANNI BONAVENTURE
AS AN EXPRESSION OF THE MORAL VALUES
OF THE MIDDLE AGES

А.С. Гронская

A.S. Gronskaia

Научный руководитель А.Г. Канаев
Research advisor A.G. Kanaev

Джованни Бонавентура, этическое учение, Средневековье, «Путеводитель души к Богу», моральные ценности.

Статья посвящена исследованию этического учения Джованни Бонавентуры как яркого представителя моральных ценностей Средневековья. Проведенный анализ позволяет определить, в чем заключается уникальность его идей и насколько их можно считать типичными для эпохи Средневековья, а также выявить влияние его учения на формирование этической культуры того времени.

Giovanni Bonaventure, ethical teaching, the Middle Ages, “The Soul’s Guide to God”, moral values.

The article is devoted to the study of the ethical teachings of Giovanni Bonaventure as a prominent representative of the moral values of the Middle Ages. The analysis makes it possible to determine the uniqueness of his ideas and to what extent they can be considered typical of the Middle Ages, as well as to identify the influence of his teachings on the formation of the ethical culture of that time.

Средневековая этика характеризуется доминированием С религиозных ценностей, особенно любви к Богу и спасению души, которые считаются высшими добродетелями.

Она сосредоточена на духовном совершенствовании, покорности божественной воле и соблюдении церковных заповедей, а целью является достижение вечной жизни через веру, милосердие и духовную практику. Все морально-этические наставления этой длительной эпохи сводились в конечном итоге к указаниям о путях, ведущих к Царству небесному, тогда как земная жизнь должна была отходить на задний план.

Одним из выдающихся представителей философско-теологической мысли Средневековья является Бонавентура (настоящее имя Джованни Фиданца, 1217–1274), католический богослов и генерал францисканского ордена, ближайший друг Фомы Аквинского, впоследствии был удостоен титулов «серафического доктора» и «короля мистики» (титуловавшие отдали Бонавентуре предпочтение перед Мейстером Экхартом). В детстве он выздоровел после молитвы матери к святому Франциску и с тех пор связал свою жизнь с францисканским орденом, получив образование в Италии и Париже, где начал свою философскую деятельность.

В 1257 г. Джованни Бонавентура был назначен генералом ордена францисканцев, а в 1259 г. посетил гору Альверна, где ему было видение святого Франциска. В том же году он написал популярный труд «Путеводитель души к Богу», содействуя духовному развитию. Он стремился к примирению восточной и западной церквей, что нашло отражение в Лионском соборе 1274 г. Умер он 15 июня 1274 г. во время собора [1, с. 8–19].

«Путеводитель души к Богу» – произведение, служащее ярким примером средневекового духовного поиска, отражает нравственные идеалы и духовные стремления того времени. Оно объединяет теологические идеи, духовные размышления и практические наставления, служащие для духовного совершенствования и приближения к Божественной природе [2, с. 92–93]. «Путеводитель души к Богу»

представляет собой последовательное описание пути души к Богу через внутренний процесс очищения, просветления и единения. В центре внимания – любовь, вера, смирение и внутренняя мотивация к духовному росту. Бонаventura убежден, что нет иного пути восхождения Богу, «...кроме как пути пламенной любви ко Христу Распятому», поэтому он должен быть предварен молитвой. В «Путеводителе души к Богу» выделяются три начала души: осязающее, которое обращено к внешнему миру; дух, обращенный к себе; и разумная душа, направленная к Богу [3, с. 227–228]. Восхождение к Богу предполагает любовь всем сердцем, душой и разумом, а путь души включает три этапа: восприятие природы как след Бога, духовное преобразование человека и мистическое созерцание Бога, приводящее к радости познания и служения Ему. Каждый этап можно воспринимать как через духовное зеркало, подчеркивая многообразие путей и способов постижения Бога [1, с. 24–25].

Вот основные этапы этого пути, которые должен пройти человек по «Путеводителю души к Богу» [1, с. 85–125]:

1) устранение страстей и пороков, создание внутренней пустоты, очищение сердца от земных привязанностей, чтобы подготовить душу к встрече с Богом;

2) признание собственных грехов и слабостей, смирение, очищение разума и чувств, чтобы стать более восприимчивым к божественному свету;

3) развитие добродетелей, света разума и веры, укрепление духа через молитву, размышление и внутреннее соединение с Богом;

4) активное стремление к Богу через любовь и добрые дела, осознанное желание соединения с Ним;

5) состояние духовного союза, когда душа достигает глубокого, личного и незримого соединения с Богом, достигая морфологического, интеллектуального и волевого единства;

б) полное слияние, когда душа становится подобной Богу, достигая божественного царства и вечной жизни в Боге, что и есть конечная цель духовного восхождения.

Таким образом, идеи Бонавентуры можно считать типичными для эпохи Средневековья, поскольку его акцент на духовном развитии личности, вере, смирении, любви и прощении полностью соответствует моральным и религиозным ценностям того времени. Его учение отражает средневековую концепцию внутренней борьбы, покаяния и милосердия, а также подчеркивает важность нравственных качеств как основы гармоничных отношений в обществе. Труд Бонавентуры оказал влияние на формирование этической культуры средневекового общества, способствуя укреплению идеалов духовности и нравственного совершенства, служащих путеводными принципами для верующих.

Библиографический список

1. *Бонавентура*. Путеводитель души к Богу / пер. с лат. В.Л. Задворного. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1993. 188 с.
2. Очерк истории этики / под ред Чагина Б.А. и др. М.: Мысль, 1969. 430 с.
3. *Козарезова О.* «Образ Троицы в трактате Бонавентуры «Путеводитель души к Богу» // Преподаватель XXI в. 2011. № 4. С. 227–231.

ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

**ИДЕНТИЧНОСТИ АННЫ ЛЕОНУЭНС
В КОНТЕКСТЕ ДИХОТОМИИ «СВОЙ/ЧУЖОЙ»
В «АНГЛИЙСКОЙ ГУВЕРНАНТКЕ ПРИ ДВОРЕ СИАМА»**

THE IDENTITIES OF ANNA LEONOWENS
IN THE CONTEXT OF THE “US/ALIEN” DICHOTOMY
IN “THE ENGLISH GOVERNESS AT THE SIAMESE COURT”

Е.С. Меер

E.S. Meer

Анна Леонуэнс, «Английская гувернантка при дворе Сиам», «Путешествие в Сиам», идентичности, свой/чужой, историческая имагология.

В статье на основе «Путешествия в Сиам» Анны Леонуэнс в контексте исторической имагологии анализируются ее идентичности как женщины, англичанки и христианки. Автор показывает их амбивалентность, противоречивость, проблемность и соответствие ожиданиям американской публики.

Anna Leonowens, “The English Governess at the Siamese Court”, “Journey to Siam”, identity, us/alien, historical imagology.

This article, based on Anna Leonowens’s “Journey to Siam”, examines her identities as a woman, an Englishwoman, and a Christian within the context of historical imagology. The author shows their ambivalence, contradictions, problems, and compliance with the expectations of the American public.

В 2024 г. под названием «Путешествие в Сиам» впервые на русском языке была опубликована книга «Английская гувернантка при дворе Сиама» Анны Леонуэнс (1831–1915), описавшей свой опыт пребывания в этой стране в качестве учительницы жен и детей правителя Маха Монгкута с 1862 по 1867 г. [1; 2]. Она представляет собой ценный источник для исторической имагологии.

В России изучение деятельности А. Леонуэнс представлено скудно. Ее имя упоминается в рецензии М.М. Тонковой на англоязычную антологию женской литературы путешествий, в рамках которой обращается внимание на языковые средства создания национального колорита [3, с. 35–36]. Историков и культурологов привлекает кинематографическое воплощение истории А. Леонуэнс, но только в рамках одной ленты – «Анна и король» (1999). Е.Е. Ибраев анализировал этот американский (!) фильм как один из примеров на пути трансформации образа английской женщины в «колониальном» кино Великобритании [4, с. 111–113], Р.Н. Червяков – с точки зрения столкновения культур [5]. Он рассматривается без учета более ранних американских кинолент об Анне и короле Сиама и без привязки к письменному первоисточнику, который лежит в его основе. В англоязычной историографии история Анны вызывает большой интерес. Вероятно, последним крупным вкладом здесь можно считать монографию американского ученого Альфреда Хэбеггера. Историк показывает стадии конструирования проекта об Анне и короле Сиама [6].

В данной статье мы попробуем показать, как в книге А. Леонуэнс конструируются ее идентичности при рассказе о чужом (Сиаме). В качестве источника используется вышеупомянутая книга (эго-источник), впервые опубликованная в США в 1870 г., куда Анна уехала после сиамского опыта. Она является частью первичного пласта легенды. Посвящена

миссис Кэтрин Кобб [1, с. 7], жене друга Анны, бизнесмена Фрэнсиса Дэвиса Кобба. Они открыли для нее двери своего дома в США [6, р. 139–140, 309–310]. Анна пишет также о «щедрой» дружбе «великодушных» американок [1, с. 7], и это не случайно. Состоятельные дамы в США, феминистки, аболиционистки, протестантки составили круг полезных знакомств, которые помогли обеспечить публикацию ее труда о Востоке. Эта была книга для американской публики северных штатов, победивших в Гражданской войне и отменивших рабство, практически ничего не знавшей о Сиаме [6, р. 5–6]. В ходе изучения источника прослеживается целый ряд идентичностей автора, пересекающихся друг с другом, – женщины, англичанки и христианки.

В тексте источника мы видим свободолобивую женщину, которая к месту и не к месту борется за независимость, пытается отстоять личное пространство (право иметь свой дом вне дворца) [1, с. 32, 80–81, 89–91] и помогает женщинам в гареме короля Сиам Монкута (например, в случае несправедливого ареста жены по имени Неуловимый аромат) [1, с. 135–142]. Прослеживается острая озабоченность судьбой восточных «сестер», «бедных, несчастных созданий», которые видятся ею как узницы, рабыни, хотя сами имеют рабынь, дети [1, с. 11, 37, 68, 86–87, 133–134]. Анна заявляет женщинам из гарема первого министра Сиам, что она не такая, как они. Они резвятся, развлекают господина, она же приехала, чтобы работать [1, с. 38]. И тот и другой вариант женской судьбы выглядит при этом печально. «Живым куклам», «пчелам», «попугаям», «глупым девицам» (ряд высокомерных наименований, примененных к женщинам Востока, можно продолжать) [1, с. 35, 37, 65] антитезой является одинокая женщина-вдова, которая должна трудиться, чтобы содержать детей, периодически болеющая [1, с. 38, 95, 334]. Семейная жизнь и идентичность Анны

как жены остаются за кадром источника. Мы видим только осуждение многоженства с ее стороны.

В названии и тексте источника Анна идентифицирует себя и идентифицируется другими через свою принадлежность к англичанам. Ее английскость позиционируется в словосочетаниях «английская леди», «английская женщина», «английская гувернантка» («английская учительница») [1, с. 9, 37, 79–80, 111; 2, р. v, 21]. Анна была приглашена, чтобы преподавать английский язык, науку и литературу, также упоминается, что она должна была обучать этикету [1, с. 10, 111]. Мы узнаем, что приехала она из Малайзии по рекомендации консула Сиам в Сингапуре [1, с. 9]. Текст подразумевает британское происхождение автора, но Анна, как пишет А. Хэбеггер, попадет на туманный Альбион, и то ненадолго, только после Сиам. Она создаст миф о своем рождении и обучении там, но появилась на свет в Индии, получила там образование, имела бабушку индианку и тщательно пыталась преодолеть свои межрасовые истоки, придумав себе чистую английскую идентичность. Большого опыта учительствования (тем более опыта гувернантки) у нее не было [6, р. 4, 7–8, 12–14, 111–113, 138–139, 304]. Английскость наряду с принадлежностью к высшей расе символизирует свободу и защиту прав человека. В случае судебной несправедливости Анна готова звать на помощь британского консула в Сиаме, а секретарю короля, рабу Пхра-Алаку, она желает в следующей жизни стать англичанином или американцем, тогда тот точно будет независимым [1, с. 40, 300].

Другому – буддистам в лице сиамцев – Анна противопоставляет свою идентичность как христианки [1, с. 37]. Но проповедовать христианство ее не приглашали [1, с. 10]. Несмотря на восхищение буддистскими храмами и личное участие в ряде церемоний в них, Анна постоянно заявляет

о том, что буддисты – язычники [1, с. 37, 72, 227–229]. Для нее, с одной стороны, христианство и буддизм составляют антитезу (истина – обман, свет – тьма, жизнь – смерть) [1, с. 79], с другой – она пишет, что между католицизмом и буддизмом немало точек соприкосновения: ритуалы, по сути, те же, обеты священников те же, Спаситель для сиамца – это иностранный Будда, поэтому католицизм сосуществует с буддизмом на Востоке. Успехи же американских миссионеров-протестантов пока в Сиаме скромны [1, с. 172–173]. А. Хэбеггер пишет, что Анна была протестанткой [6, р. 113]. Из текста источника это понять затруднительно.

В итоге мы можем констатировать амбивалентность, противоречивость, проблемность конструируемых А. Леонуэнс идентичностей, в то же время их соответствие ожиданиям американской публики. Как показывает успех ее книги, она сумела извлечь пользу из этого для построения своей дальнейшей карьеры.

Библиографический список

1. *Леонуэнс А.* Путешествие в Сиам. М., 2025. 384 с.
2. *Leonowens A.H.* The English Governess at the Siamese Court: Recollections of Six Years in the Royal Palace at Bangkok. Boston, 1870. 321 p.
3. *Тонкова М.М.* Средства создания национального колорита в женской литературе о путешествиях // Иностранные языки в экономических вузах России: Всероссийский научно-информационный альманах. СПб., 2021. Вып. 20. С. 33–37.
4. *Ибраев Е.Е.* Историческая трансформация английской женщины в «колониальном» кино Великобритании // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 16 (371). История. Вып. 65. С. 108–114.
5. *Червяков Р.Н.* Столкновение культур в фильме «Анна и король» // Молодой ученый. 2019. № 22 (260). С. 665–668.
6. *Habegger A.* Masked: The Life of Anna Leonowens, Schoolmistress at the Court of Siam. Madison, 2014. 543 p.

**К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЯХ МОРАЛИ
В ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ
РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ:
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ФОН РАССКАЗОВ
О ПОСТУПКАХ КОРОЛЕЙ
В СОЧИНЕНИИ ГРИГОРИЯ ТУРСКОГО
«ИСТОРИЯ ФРАНКОВ»**

ON THE CONCEPT OF MORALITY
IN EARLY MEDIEVAL HISTORICAL SOURCES:
THE EMOTIONAL BACKGROUND OF THE STORIES
ABOUT THE ACTS OF THE KINGS
IN GRIGORY OF TURIN'S "HISTORY OF THE FRANKS"

Е.А. Богатов

E.A. Bogatov

Григорий Турский, мораль раннего Средневековья.

Рассматриваются оценки поступков королей Григорием Турским в тексте «Истории франков». С помощью концептуального анализа автором анализируются моральные ценности и ментальные установки людей, живших в период раннего европейского Средневековья.

Gregory of Tours, the Morality of the Early Middle Ages.

The article examines the assessments of the actions of the kings by Gregory of Tours in the text of the History of the Franks. Using conceptual analysis, the author analyzes the moral values and mental attitudes of people who lived during the early European Middle Ages.

Отношение к королевской власти являлось важной составляющей мировоззрения жителей западноевропейских государств в эпоху Средневековья. Особое внимание в этой связи для авторов средневековых произведений имели моральный облик короля, оценка и интерпретация

его поступков и межличностного взаимодействия. В статье мы обращаемся к труду франкского епископа Григория Турского «История франков», написанному в VI в. в форме письменного рассказа и представляющему большую ценность как исторический источник по истории раннего Средневековья. Если ранее это сочинение рассматривалось как основополагающее для истории современных европейских наций, а его автор представлялся основателем национальной исторической традиции, то в современной историографии в первую очередь подчеркиваются ценность и значимость данного источника для исследования политической культуры и идеологии того времени [1, с. 101–102]. В данной связи обращение к анализу этических аспектов деятельности представителей королевских династий в оценке Григория Турского, на наш взгляд, особенно значимо, так как позволяет не только увидеть отношение к власти, но и выделить аспекты мировоззрения, понятий нравственности и этических норм.

«История франков» Григория Турского для современного читателя переполнена примерами жесткости, заговоров, вероломства, подлости и кровавых расправ одних претендентов на трон над другими. При этом данные действия со стороны ряда королей автором практически не маркированы эмоционально, а зачастую оправдываются формальными поводами. Среди событийных контекстов большая часть убийств, упоминаемых в истории, связана с ходом борьбы за власть и расширением территорий. Одним из ярких таких примеров являются действия по захвату новых земель королем франков Хлодвигом. Для обоснования своих преступлений, как правило, он ищет формальный повод нарушения норм чести и моральных норм со стороны жертв своей агрессии. Так, например, перед убийством короля Рагнахара Хлодвиг спросил его: «...Почему ты опозорил франков,

позволив связать себя?» – а убивая его брата Рихара сказал: «...Если бы ты поддержал своего брата, его не связали бы и не унизили таким образом» [2, с. 133]. Также Хлодвиг для достижения своих целей использует обман и манипуляции, с помощью которых он, например, подтолкнул Хлодериха к убийству своего отца Сигиберта, а затем убил его самого, завладев их королевством [2, с. 131–132]. Поводом для войны и захвата королевства мог послужить даже нейтралитет в полыхавших тогда междоусобных войнах, как случилось, например, с королевством Харариха, уничтоженным Хлодвигом [2, с. 132]. Ограничиваясь рядом этих примеров, отметим, что ни в этих, ни в других преступлениях Хлодвига мы не встретим у Григория Турского их осуждения, а напротив, они воспринимаются как элемент обычного политического соперничества. Особое отношение автора «Истории франков» к поступкам Хлодвига во многом обусловлено тем фактом, что он был первым королем, принявшим христианство. Отметим, что критерий отношения к вере и духовенству проходит лейтмотивом в оценке деятельности королей на протяжении всего произведения. На второй план при этом отступали такие качества, как мудрость, милосердие и порядочность, ранее указанные рядом исследователей как первоочередные для идеализированного образа правителя и обоснования его легитимности в раннем Средневековье [3]. Не решаясь осуждать основателя франкского королевства, Григорий не боится критиковать других, в том числе современных ему королей. Обращаясь к ним, он восклицает: «...у вас есть все, вы утопаете в роскоши, ваши подвалы полны вина, хлеба и масла, а сокровищницы ломятся от серебра. Лишь одного вам не хватает – мира по милости Господа. Почему вы стремитесь обокрасть друг друга и покушаетесь на чужое?» [2, с. 224]. Турский епископ также нередко осуждает войны и кровопролитие. Об этом, например, он пишет

во вступлении к началу повествования пятой книги: «...С сожалением я пишу о междоусобных войнах, в которые были вовлечены франки и их короли» [2, с.224]. Наиболее яркую негативную эмоциональную окраску в этой связи имеют королева Фредегонда и безнравственный, по мнению Григория, Хильперик. Здесь прежние описания действий королей с редкими эпитетами, во многом обусловленные жанровой спецификой нарратива, сменяются гневными обличениями. Последние 6 абзацев 6-й книги посвящены характеристике Хильперика как человека, «...предававшегося всем видам существующих пороков и искавшего новые виды мучений для своих подданных» [2, с. 334–335].

Отдельно следует остановиться на концепте мести, часто упоминаемом в исследуемом сочинении. Так, например, причиной убийства Хлодвигом короля Харариха и его сына являлось опасение мести с их стороны [2, с. 132], что не вызывает сомнений и нареканий автора. Некоторое осуждение с его стороны мы видим в желании короля Гунтрамна осуществить кровную месть, хотя в целом образ этого короля представлен благожелательно. Сам концепт мести в качестве наказания Григорием не отрицается, хотя, как ранее отмечалось исследователями, в качестве священнослужителя он предпочел бы отдать исполнение приговора в руки Бога [4, с. 40].

Подводя итог, нужно отметить, что моральные приоритеты в оценке поступков королей Григорием Турским во многом зависят от степени их покровительства христианской вере, но не исчерпываются только этим фактором. Образ первых франкских королей-правителей еще не окутан сакральным символизмом позднего Средневековья и нередко автор «Истории франков», опираясь на собственные нравственные принципы, гневно осуждает убийства родственников, междоусобные войны и захват чужого

имущества. В то же время в тексте часто встречаются перечисления данных преступлений без демонстрации чувств и авторских оценок, а иногда даже можем увидеть попытку их формального оправдания. Данные факты позволяют сделать вывод о принципиальной неоднозначности в оценке моральных убеждений Григория Турского и своеобразии понятий морали человека, жившего в жестокое время первых франкских королей.

Библиографический список

1. *Холсол Г.* Источники и их интерпретация // Новая Кембриджская история Средних веков, 500–700 гг. / под ред. П. Форакра; пер. с англ. Ю.Е. Вершинина и др. М.: Клио, 2020. Т. 1, ч. 1. 521 с.
2. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов (Gética) / вступ. ст., пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетей, 2001. 505 с.
3. *Бразговский Ф.С.* Дискурс-анализ и репрезентации власти в Средние века [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/diskurs-analiz-i-reprezentatsiya-vlasti-v-srednie-veka/viewer> (дата обращения: 10.10.2025).
4. *Вершинина Ю.Е., Маслов А.Н.* К вопросу о переживании родственных связей в период раннего Средневековья (на примере концептов *germanus*, *frater* и *fraternitas* в исторических сочинениях Григория Турского, Беда Достопочтенного и Павла Диакона) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 3. С. 37–49.

**ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ГОРОДА КРАСНОЯРСКА
С ПОМОЩЬЮ ПОКЕТМОДА (КНИЖКИ-МАЛЫШКИ)
НА ПРИМЕРЕ ПЕШЕХОДНОЙ ЭКСКУРСИИ
ПО ПАМЯТНЫМ МЕСТАМ В.И. СУРИКОВА**

STUDYING THE HISTORY OF THE CITY OF KRASNOYARSK
WITH THE HELP OF POKETMOD (LITTLE BOOKS)
ON THE EXAMPLE OF A WALKING TOUR
OF THE MEMORABLE PLACES OF V.I. SURIKOV

А.М. Стеблинский
А.А. Данилин
Н.В. Ворошилова

A.M. Steblinsky
A.A. Danilin
N.V. Voroshilova

Суриков, Красноярск, покетмод, экскурсии, образование.

В статье рассматриваются методические возможности использования покетмодов (книжек-малышек) при изучении истории Красноярска. Анализируется практика их применения на примере пешеходной экскурсии по памятным местам В.И. Сурикова.

Surikov, Krasnoyarsk, poketmod, excursions, education.

The article discusses the methodological possibilities of using “pocket-mods” (baby books) in the study of the history of Krasnoyarsk. The practice of their application is analyzed on the example of a walking tour of V.I. Surikov’s memorable places.

Современная образовательная система направлена на системно-деятельностный подход. И теперь перед учителем ставится задача не только вовлечения ребенка в учебный процесс, но и организации образовательной деятельности. Доминирующим в данном случае становится использование активных форм обучения. И одним из методов практического применения активных форм обучения являются так называемые покетмоды, также известные как книжки-малышки.

Покетмод представляет из себя маленькую 8-страничную книжку, создаваемую путем сгибания и одного надреза бумажного листа форма А4 [1].

На основе содержания выездной лекции «Жизнь и творчество В.И. Сурикова» и обзорной экскурсии по Музею-усадьбе В.И. Сурикова нами был разработан 8-страничный покетмод «Василий Иванович Суриков». Две страницы были посвящены ранней биографии художника, две – его родному дому, расположенному по адресу ул. Ленина, 98. Первая страница выполняла роль обложки. На последней рассказывалось об увековечении имени Сурикова в Красноярске и присутствовала ссылка на аудиогид по экспозиции музея-усадьбы.

Вышеупомянутый покетмод был апробирован на выездных лекциях Музея-усадьбы В.И. Сурикова в МБОУ СШ № 155. А затем был адаптирован для использования в рамках урока-путешествия «В поисках Сурикова», который прошел в формате экскурсии по маршруту: Сквер Сурикова – Всехсвятская церковь – Музей-усадьба В.И. Сурикова – Стадион «Локомотив» – Детская художественная школа № 1 им. В.И. Сурикова [2].

Сам покетмод в рамках урока путешествия использовался преимущественно на локации в Музее-усадьбе В.И. Сурикова, помогая ученикам лучше усваивать рассказ экскурсовода.

Говоря о сложностях, возникших в процессе апробации, стоит отметить в первую очередь проблему удобства заполнения книжки в ходе экскурсии. Заполнять пробелы в книжке гораздо удобнее сидя за столом, чем держа покетмод в руках в процессе экскурсии. Данная проблема частично решается за счет дополнительной раздачи учащимся планшетов.

Немаловажным фактором успешного применения любой образовательной технологии является мотивирование обучающихся. В данном случае мотивацией служило наличие места для небольшой печати, которая при получении учеником от учителя или музейного сотрудника в дальнейшем трансформировалась в положительную оценку от учителя по предмету.

Таким образом, на основании всего вышесказанного мы можем сделать следующие выводы. Покетмод как метод активных форм обучения имеет методический потенциал в рамках школьных уроков в формате экскурсии. Технические и финансовые затраты на изготовление и применение книжек-малышек минимальны, при этом они обеспечивают лучшее усвоение материала обучающимися.

Библиографический список

1. *Попова Д.М.* Детская книжка-игрушка как развивающая дизайн-форма: дис. ... канд. искусствовед.: 17.00.06. М., 2013. 162 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/detskaya-knizhka-igrushka-kak-razvivayushchaya-dizain-forma> (дата обращения: 15.07.2025);
2. Классные часы «Жизнь и творчество Сурикова» в рамках предметной недели / МБОУ СШ № 155. Красноярск [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-212755015_2204 (дата обращения: 20.07.2025).

**КРАХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
КАК ОБРАТНАЯ СТОРОНА
«АМЕРИКАНСКОЙ МЕЧТЫ»
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Т. ДРАЙЗЕРА
И Ф.С. ФИЦДЖЕРАЛЬДА**

THE COLLAPSE OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES
AS THE REVERSE SIDE OF THE “AMERICAN DREAM”
IN THE WORKS OF T. DRYZER AND F.S. FITZGERALD

М.В. Суровцева

M.V. Surovtseva

Научный руководитель **Е.Л. Зберовская**
Research adviser **E.L. Zberovskaya**

«Американская мечта», духовно-нравственные ценности, художественная литература, Т. Драйзер, Ф.С. Фицджеральд.

«Американская мечта», ставшая национальным мифом о богатой и благополучной жизни, является одной из самых популярных тем в художественной литературе США начала XX в. В статье анализируются произведения Т. Драйзера «Американская трагедия», «Сестра Керри» и Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби», отражающие цену стремления героев к успеху.

“American Dream”, spiritual and moral values, fiction, T. Dreiser, F.S. Fitzgerald.

The “American Dream”, which has become a national myth about a rich and prosperous life, is one of the most popular themes in the fiction of the early 20th century in the United States. The article analyzes the works of T. Dreiser “An American Tragedy”, “Sister Carrie” and F.S. Fitzgerald “The Great Gatsby”, reflecting the price of the characters’ desire for success.

Ценности представляют собой одну из составляющих культурного кода нации. За четыре века американской истории население северо-американских колоний

и впоследствии США выработало свою уникальную систему ценностей. Одним из важнейших ценностных ориентиров для американцев стал личный успех, выступающий главным мерилom человеческого счастья. Из установок о стремлении к успеху, богатству и наживе как возможности занять высокое положение в обществе складывается миф об «американской мечте». «Американская мечта» стала выражением жизненного идеала американцев. Она предполагает равные возможности для всех в своем стремлении к успеху и прекрасной жизни.

Основоположник термина «американская мечта» Джеймс Траслоу Адамс признает ее как явление исключительное, оно представляет собой мечту «о лучшей, более богатой и счастливой жизни для всех граждан» [1, S. vii]. Он связывает ее возникновение с тем временем, когда Америка стала центром притяжения для переселенцев. Адамс описывал «американскую мечту» не только как экономический мотив, но и как надежду «на лучшую и более свободную жизнь, жизнь в которой человек мог бы мыслить, как ему вздумается, и развиваться по своему усмотрению» [1, S. 31]. В феномене «американской мечты» он выделял духовную составляющую, заключающуюся в возможности самовыражения и свободного развития себя и своих способностей. Для современного американца «американская мечта» имеет материальное выражение, далекое от идиллического представления Адамса.

Тема «американской мечты» становится одной из самых излюбленных среди американских писателей XX в. Благодаря художественной литературе по этой проблематике, удастся проследить обратную сторону традиционного американского стремления к успеху и богатству, выражающуюся в крахе духовно-нравственных установок героев. Наиболее показательными в этом плане являются труды

Т. Драйзера «Американская трагедия», «Сестра Керри» и Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби», в которых авторы обличают моральное разложение личности в обществе, проникнутом идеалами «американской мечты».

1920-е гг. в США ознаменовались стремительным экономическим ростом, на волне которого идет формирование общества потребления и наступает «бум» накопительских настроений, чреватых распространением идеологии личного успеха. Герои Ф.С. Фицджеральда и Т. Драйзера – это лица эпохи «просперити». Они с детства терпели лишения, а потому схожи в своем амбициозном стремлении к богатству, роскоши и комфорту. Они не боятся перемен, ценят свободу и ищут возможности достичь своей мечты, но цели и пути достижения у них разные.

Джей Гэтсби из романа Ф.С. Фицджеральда делает себе состояние, пробивается в элитное общество лишь ради того, чтобы вернуть Дейзи, которая бросила его четыре года назад, когда герой был беден. Трагедия главного героя заключается в том, что он не смог отделить идеал любви от идеала богатства. Сам Джей оказывается ничем не лучше Дейзи, впадая в духовное заблуждение и считая, что любовь можно купить, «заплатив» за нее больше, чем муж героини. По ходу романа Дейзи оказывается виновницей смерти Миртл Уилсон. Она сбивает девушку, находясь за рулем машины Гэтсби, а главный герой прикрывает свою любимую и попадает под гнев мужа Миртл, который впоследствии убивает Джея. На похороны богача не приходит никто из его многочисленных знакомых, в т.ч. и Дейзи. «Долог был путь, приведший его к этим бархатистым газонам, и ему, наверно, казалось, что теперь, когда его мечта так близко, стоит протянуть руку – и он поймает ее. Он не знал, что она навсегда осталась позади» [2, с. 79]. Так, погоня за «американской мечтой», целью которой являлось расположение Дейзи,

оборачивается крахом нравственных установок Гэтсби и крахом его жизни. А Дейзи, поглощенная обществом, где в приоритет ставятся роскошь и богатство, оказывается нравственно разложившимся персонажем.

Каролина Мибер, которую ласково называли Керри, из произведения Теодора Драйзера «Сестра Керри», имеет достаточно схожий типаж с фицджеральдовской Дейзи. По сюжету, Керри и ее муж Джордж Герствуд постоянно терпят лишения, им приходится экономить на всем, а сам мужчина никак не может обзавестись работой с постоянным доходом. Эти обстоятельства вынуждают Керри, мечтавшую о богатой жизни и популярности, получившую повышение в театре, бросить Герствуда, который не давал ей дальнейших перспектив на ее пути к успеху. Джордж, ставший в конце концов нищим, покончил с собой. В своем стремлении к «американской мечте» Керри превратилась в эгоистку, которой чужды настоящие чувства, милосердие и сострадание. При этом блеск софитов и известность не дают ей внутреннего удовлетворения, «американская мечта» приводит ее к одиночеству и духовной опустошенности.

В произведении Драйзера «Американская трагедия» речь идет о Клайде Гриффитсе, выросшем в бедной семье и мечтавшем изменить свое положение. Его дядя дает ему билет в жизнь, предоставляя должность в его компании. Он же знакомит Клайда с представительницей ликургского бонда по имени Сондра Финчли. Вскоре у них начинается роман, несмотря на то, что Клайд уже состоял в отношениях с Робертой Олден. Роберта и Клайд становятся любовниками. Когда выясняется, что Роберта беременна, главный герой переживает глубокий когнитивный диссонанс и стоит перед выбором: поступить правильно и жениться на девушке, или же остаться с Сондрой, которая открывает ему путь к успешному и безбедному существованию. Он желал той

любви, которая «неотделима от пышности, удовольствий, богатства, видного положения в обществе» [3, с. 1126]. В итоге Клайд совершает убийство Роберты, грозившей рассказать всем об их отношениях. Произведение заканчивается тем, что Клайд получает заслуженное наказание за совершенное преступление: его отправляют в тюрьму Оберна, именуемую Домом смерти. Так, Теодор Драйзер показывает, какова цена бездумного рвения к «американской мечте», когда душевное равновесие и нравственность неминуемо терпят крушение.

Таким образом, в произведениях американской художественной литературы первой четверти XX в. подчеркивается, что «американская мечта» как национальный миф об успехе, пронизывающий американское общество, лишь идеальная картинка, ради достижения которой человек готов мириться с собственным нравственным падением. Авторы показывают, что, достигнув успеха и богатства, пренебрегая при этом нравственными установками, герои не получают удовлетворения, становятся людьми несчастными. В произведениях американских писателей поднимаются актуальные для общества вопросы о цене «мечты» и путях ее достижения. «Американская мечта» как ценностный элемент культуры США выражен в идеале успешной жизни, с одной стороны, и в крахе духовно-нравственных ценностей – с другой.

Библиографический список

1. *Adams J.T.* The epic of America. Boston: Little, Brown and co., 1931. 433 с.
2. *Фицджеральд Ф.С.* Великий Гэтсби / пер. с англ. Е.Д. Калашниковой. М.: Художественная литература, 1990. 284 с.
3. *Драйзер Т.* Американская трагедия / пер. с англ. Н. Галь. М.: Литературное агентство ФТМ, 2022. 1255 с.
4. *Драйзер Т.* Сестра Керри / пер. с англ. М. Волосов. М.: Литературное агентство ФТМ, 2020. 399 с.

**СВЯЩЕННИК, РЕВОЛЮЦИОНЕР, ОТСТУПНИК:
ГЕОРГИЙ ГАПОН В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ ФИЛЬМЕ
«ИЗЛОВЛЕННЫЙ ЛОВЕЦ»**

**PRIEST, REVOLUTIONARY, ASPITE:
GEORGY GAPON IN THE DOCUMENTARY
“THE CAPTURED CATCHMAN”**

К.А. Мотылева

К.А. Motyleva

Научный руководитель **В.И. Федорова**
Research adviser **V.I. Fedorova**

Георгий Гапон, документальное кино, метафора, «Изловленный ловец».

В статье проводится анализ репрезентации образа священника и лидера рабочего движения Георгия Гапона в документальном фильме Юлия Николина «Изловленный ловец» (2001). Основное внимание автор уделяет художественным средствам и метафорам, которые режиссер использует для интерпретации исторических событий. Автор статьи показывает, как через акцент на символических образах создается целостная, критическая трактовка личности Гапона.

Georgy Gapon, documentary film, metaphor, “The Captured Trapper”.
This article analyzes the representation of the image of priest and labor movement leader Georgy Gapon in Yuli Nikolin’s documentary film “The captured trapper” (2001). The author focuses on the artistic techniques and metaphors used by the director to interpret historical events. The article demonstrates how an emphasis on symbolic imagery creates a comprehensive, critical interpretation of Gapon’s personality.

«**Н**а Тебя, Господи, уповаю, преклони ухо ко мне и спаси меня». Сокращенная Псалтирь, звучащая в первых секундах документального фильма «Изловленный ловец»,

посвященного Георгию Гапону [1], выполняет смыслообразующую функцию, выводит в центр авторской интерпретации ключевой конфликт: кем был Георгий Гапон – революционером или отступником?

Основное внимание статьи уделяется анализу той специфической интерпретации, которую предлагают авторы фильма. Их взгляд на Георгия Гапона как на провокатора, движимого тщеславием, является авторской позицией, которая передается зрителю через художественные метафоры. Фильм выстраивает биографию Георгия Гапона через призму его общественной роли и двойственности исторической фигуры. Для передачи этой идеи режиссер Юрий Николин и его команда используют олицетворения и метафоры. Ярким примером такого использования является эпизод, где рассказчик документального кино повествует о двойственной роли Гапона, на экране зрители видят стадо гусей. Прямая цитата из закадрового текста: «Вымуштрованные Гапоном гуси подчинялись его воле, а выбранный ими на роль вожака гусак убивал любых соперников, и наверняка стал бы царем гусей, да взорвавшись, стал клевать всех подряд и был нафарширован яблоками» [1]. Данная художественная трактовка отсылает к ключевому спорному тезису о Гапоне – к его сотрудничеству с охранным отделением. Авторы фильма используют метафору «взорвавшегося гуся» для демонстрации его провокаторской роли в истории.

Еще будучи священником в Полтаве, Гапон проявляет качества лидера, он начинает четко отрабатывать линию поведения с людьми, что предопределяет его дальнейшую судьбу. В автобиографии Гапон пишет о любви народа к нему: «Свою жизнь и поступки я старался согласовать с тем, что я говорил в своих проповедях; на свое призвание я смотрел не как на способ наживаться и довольствоваться тем, что мне давали, и этого одного, не говоря о других

причинах, было достаточно, чтобы привлечь ко мне народ» [2, с. 24]. В апреле 1904 г. при его непосредственном участии было основано «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга», уникальная структура, сочетавшая в себе черты профсоюза, культурно-просветительского общества и религиозной общины. К началу открытия организация насчитывала около 100 рабочих. Из воспоминаний его учителя И.М. Трегубова можно судить о мирной и безоружной деятельности организации и стачек, проводимых рабочими, о том что идеи организатора «с необыкновенной жадностью воспринимаются русским народом» [3, с. 50], стремящимся к переменам. Фильм подчеркивает, что «Гапон не был картой в чей-то колоде» [1], его решения были самостоятельными и продиктованы его желанием. В биографии 1905 г. Гапон, желавший места у власти, писал: «Пользуясь Зубатовым, как орудием, я постепенно забрал контроль в свои руки» [2, с. 60]. Гапон рассказывал литератору В.А. Поссе о своих планах: «Мы бы вышли с царем на балкон, я прочел бы народу указ. Общее ликование». И с этого момента он станет первым советником царя и фактически правителем России, а если царь не согласится, то всеобщее восстание, и он – во главе его [4]. «Фантазер», – так описывает закадровый голос амбиции Гапона. Стать во главе, не важно, с чей стороны, – царя или народа. «Ему удалось то, о чем не могли мечтать вожди революционных партий, вывести на улицы более двухсот тысяч рабочих, вывести под пули, но он знал, на что шел» [1].

Важным в картине является олицетворение образа реки как влияния Гапона на людей. На 32-й минуте фильма [1], с нарастанием революционной ситуации 9 января 1905 г., на экране демонстрируется спокойное течение реки, сопровождающееся церковным хором. В момент расстрела шествия автор фильма отказывается от съемки кровавой сцены,

а вместо нее выбирает показ бурного течения, означающего панику протестующих. После революции Гапон иммигрировал за границу, где его популярность выросла. На Западе его звали в партии, революционные кружки, а на родине рабочие намеревались возвести памятник живому Гапону, что говорит о его незыблемом авторитете.

По возвращении в Россию Гапон отказывается от идей революционных партий. В документальном фильме не раскрываются его намерения, но идея сводится к желанию Гапона создать свою партию, а также, при возможности, «продать всех революционеров за сто тысяч» [1]. Рабочие разочаровались в Гапоне, закадровый голос на тридцать седьмой минуте говорит: «Проиграв на красное, Гапон решил поставить на белое, и свои сто тысяч все-таки получил» [1]. Гапон идет на сотрудничество с «охранкой», она же полиция. Бывшие соратники отворачиваются от него, в том числе рабочий Петров, первым поставивший под сомнение авторитет Гапона. Священник летом 1905 г. признался революционеру П. Рутенбергу о связях с генералами, Гапон призывал его выдать руководителю политического отдела полиции П. Рачковскому «партийную мелочь» за сто тысяч во благо дальнейшей революции.

Деньги и власть – такие причины видят авторы в предательстве Гапона. Рутенберг – лучший друг Гапона и его спаситель от пули 9 января 1905 г. – после их встречи напишет: «Центральному комитету партии социалистов-революционеров, отчет номер один о предательстве Гапона» [5].

Рутенберг, разочаровавшись в вожде, пошел на его убийство. Он намеревался заманить Гапона на дачу. Тот должен был говорить о своих планах, даже не подозревая, что его слышат рабочие, спрятавшиеся в соседней комнате и жаждущие расправы. Рабочие слышали, что Гапону предлагали двадцать пять тысяч за одно дело, а он предлагал провести

четыре. «Я плюю на всех, на партии, на прессу... Как они узнают? Ни доказательств, ни свидетелей у тебя нет» [5]. Режиссер фильма отказывается от актеров и демонстрации сцен, вместо них метафоры и образы. В момент признания Гапона в продажности – на экране стол для игры в покер, где на условной стороне Гапона сильные карты, а именно все «тузы» (символ денег), а на поле Рутенберга – открытый замок от комнаты, в которой сидели рабочие. Режиссер также отказывается от демонстрации кровавой сцены убийства Гапона, вместо нее – уже знакомый образ бурной реки, выполняющей роль олицетворения бедствия, затем она сменяется стоячей водой, символизирующей смерть, так как в ней нет ничего живого. Последние слова диктора возвращают зрителя к начальному образу «взорвавшегося гуся, нафаршированного яблоками». Автор фильма с помощью метафор говорит зрителю, что Гапон не священник, не герой, не спаситель, а только гусь среди ему подобных, вообразивший себя Богом.

Таким образом, авторы «Изловленного ловца» используют метафору как основной инструмент исторической интерпретации. Последовательное применение этого метода репрезентации Георгия Гапона позволяет им выстроить целостный образ, сводящий трагедию личности к патологии характера. Авторы представляют Гапона не революционером, а отступником, чье предательство было продиктовано алчностью и тщеславием. Провокатор, сдавший революцию за деньги, – вот кем предстает Гапон в фильме. Кинолента была встречена высокими оценками от кинокритиков, в 2001 г. удостоена кинопремии «Лавровая ветвь» в категории «Лучший документальный дебют» [6]. Признание ленты критиками подтверждает эффективность такого подхода для создания яркого публицистического высказывания в документальном кино.

Библиографический список

1. Изловленный ловец / реж. Юлий Николин. 2001.
2. *Гапон Г.А.* История моей жизни. М.: Юрайт, 2025. 154 с.
3. Заметка о Георгии Гапоне его учителя толстовца И.М. Трегубова // Освобождение. Париж. 1905. № 66.
4. *Лурье Ф.М.* Гапон и Зубатов // *Лурье Ф.М.* Полицейские и провокаторы [Электронный ресурс]. URL: https://hrono.ru/statii/1900/gapon_zubat.php (дата обращения: 13.10.2025).
5. *Рутенберг П.М.* Убийство Гапона: Записки П.М. Рутенберга [Электронный ресурс]. URL: https://andrewrosdolsky.blogspot.com/2018/01/blog-post_27.html (дата обращения: 15.10.2025).
6. Лавровая ветвь – победители 2001. Лавр. Национальная премия в области игрового кино и телевидения [Электронный ресурс]. URL: <http://lavrdoc.ru/Pobediteli/2001/index.html> (дата обращения: 18.10.2025).

**МАРИЯ ТЕРЕЗИЯ
КАК ПРАВИТЕЛЬНИЦА, ЖЕНА И МАТЬ:
РЕФЛЕКСИИ СОВРЕМЕННОГО СЕРИАЛА**

MARIA THERESA AS RULER, WIFE, AND MOTHER:
REFLECTIONS FROM A MODERN TV SERIES

И.Г. Метлюкова

I.G. Metlyukova

Научный руководитель **Е.С. Меер**
Research adviser **E.S. Meer**

Мария Терезия, правительница, жена и мать, сериал, историко-культурная память.

В статье произведен анализ трех образов австрийской императрицы Марии Терезии, представленных в одноименном сериале, – правительницы, жены и матери. Автор считает, что подобное сочетание является выигрышным для репрезентации.

Maria Theresa, ruler, wife and mother, series, historical and cultural memory.

The article analyzes three images of the Austrian Empress Maria Theresa, presented in the series of the same name: ruler, wife, and mother. The author believes that such a combination is advantageous for representation.

Мария Терезия (1717–1780) – одна из самых значимых фигур европейской истории XVIII в. Она стала единственной женщиной, взошедшей на престол Габсбургской монархии, и сумела удержать власть в условиях, когда идея женщины-правительницы воспринималась с сомнением. В российском едином школьном учебнике по всеобщей истории для 8-го класса она также присутствует. Там представлен краткий политический портрет Марии Терезии, упо-

мянуты отдельные аспекты ее реформаторской деятельности и без особых подробностей описана Война за австрийское наследство [1, с. 44–46, 64]. Сказано о ней и как о жене и матери: она вышла за Франца Стефана по любви и родила от него 16 детей, 6 из которых умерли в детстве [1, с. 65]. При этом в отечественной исторической науке специализированные исследования о Марии Терезии отсутствуют. На русский язык недавно была переведена небольшая монография Г. фон Цвидинка, впервые предлагающая русскому читателю полноценный политический портрет императрицы [2].

Список ресурсов, к которым может обратиться житель нашей страны, чтобы расширить свои представления о Марии Терезии, может быть пополнен за счет кино. Согласно А. Ассман, зафиксированное на визуальном носителе свидетельство сохраняет способность обращаться к будущим поколениям, превращая когда-то живой, ограниченный временными рамками опыт в долговременную культурную память [3, с. 231]. Мини-сериал 2017 г. «Мария Терезия» совместного производства Австрии, Чехии, Словакии, Венгрии, снятый режиссером Робертом Дорнхельмом [4], аналогичным образом не просто воспроизводит исторические сведения, но и формирует устойчивый визуальный и эмоциональный образ австрийской императрицы, доступный различным поколениям. Важно понять, какое представление о Марии Терезии может сложиться у современного зрителя с помощью данного образца историко-культурной памяти. В работе используется историко-системный метод.

В сериале Мария Терезия представлена как правительница, сильно переживающая за свою страну и ее суверенитет. Зрителю показано, как молодая императрица сталкивается с необходимостью отстоять свои права на австрийские земли, поскольку на них появился целый ряд претендентов (Карл Альберт, Фридрих II и др.). Это стало причиной

начала Войны за австрийское наследство (1740–1748). Однако наследство было далеко от идеала: пустая государственная казна, слабо организованная армия, в которой не было ни одного талантливого генерала, большой государственный долг [2, с. 50–51]. В этих условиях Мария Терезия была вынуждена в кратчайшие сроки проявить те качества, которых от нее не ожидала даже собственная знать. Сериал подчеркивает, что, несмотря на отсутствие полноценного политического опыта, она быстро превращается из молодой, уязвимой наследницы в решительную и самостоятельную правительницу. И фон Цвидинек, и режиссер сериала сходятся в одном: Мария Терезия обладала редким качеством личной вовлеченности в государственные дела. Она не дистанцировалась от политики, а воспринимала ее как основную часть своей жизни. Даже ее вспышки тревоги, гнев, слезы подчеркивают не слабость, а степень ответственности за судьбу владений. Она может выслушать совет от приближенных, но все конечные решения всегда оставались за ней. Мария Терезия не была холодной или отстраненной: она активно использовала искренность, энергичность, личное обращение к подданным, чтобы добиться поддержки. Фон Цвидинек в своей книге пишет, что к Марии Терезии любой подданный мог попасть на аудиенцию с просьбой или жалобой. Она каждый раз искренне расстраивалась, если ей не удавалось кому-то помочь [2, с. 74]. К сожалению, данные события не отражены в сериале. Важно отметить, что Мария Терезия воспринимала свои обязанности не формально, а как реальную заботу о благополучии подданных.

В то же время ее политика и государственные решения неразрывно переплетались с личной жизнью. Она влюбилась в супруга Франца Стефана Лотарингского почти с первого взгляда и сохраняла эту любовь на протяжении всей

жизни, несмотря на то, что он сначала не замечал (или не хотел замечать) ее чувств. Для Марии брак – это не просто династическая необходимость, а глубокая эмоциональная привязанность. Супруги частенько ссорились: Франца не устраивало то, что он не имеет доступа к управлению государством и влияния среди австрийской знати и в целом выглядит как «побегушка» своей жены. Они ревновали друг друга: Мария это делала скрыто, тогда как Франц ярко реагировал на малейшее ее внимание к другим. Несмотря на семейные разлады, они всегда приходили друг другу на помощь, старались прислушиваться к мнению и чувствам друг друга. Франц присутствовал на каждом роде Марии, поддерживал ее. Но в сериале показаны только первые четыре ребенка.

Трудно анализировать, какой матерью была Мария Терезия, потому что сериал акцентирует внимание на силе ее характера, политической прозорливости и взаимоотношениях с мужем. Королева предстает как строгая, но любящая мать. Она не особо часто проводила время с детьми из-за интенсивной государственной занятости, однако сцены сериала ясно показывают: она стремилась быть вовлеченной в их воспитание. Особого внимания заслуживает эпизод, в котором умирает маленькая Мария Каролина. Этот момент показан достаточно лаконично, но при этом подчеркивает глубину переживаний супругов. Франц Стефан склоняется над телом ребенка, не скрывая своего горя и слез, тогда как Мария Терезия словно окаменеет от внезапной утраты. Она едва наклоняется, опираясь рукой на живот, и, когда к ней подходят придворные, чтобы поддержать, отстраняется и уходит. Материнская любовь сталкивается с невыносимой утратой, разрывающей ее сердце. Вскоре после смерти дочки у нее рождается мальчик Франц Иосиф. Его появление приносит в ее жизнь свет боли и надежды

одновременно. В одной из самых проникновенных сцен младенец начинает тихо хныкать в своей кроватке. Мария подходит, осторожно гладит его по животу и почти умоляюще спрашивает: «Ты не умрешь? Правда? Ты же не умрешь?» Она берет его на руки, крепко прижимает к себе и нежно целует. В этих фразах звучит страх, что это может повториться вновь, а в глазах у нее надежда, что Господь будет благосклонен к ее сыну.

Таким образом, в глазах зрителей Мария Терезия предстает как мудрая правительница, женщина с железной волей. В ее характере удивительным образом сочетались личная мягкость и государственная твердость, привязанность к семье и необходимость отвечать за огромную многонациональную державу. И управляла она страной куда успешнее, чем многие ее предшественники-мужчины. Кинозрители могут увидеть в ней символ идеальной женщины-лидера, сочетающей силу и человечность. В нынешнюю эпоху, когда идеи равенства полов и личностной самореализации стали важными, образ женщины-правительницы, которая успешно и эффективно управляет огромным государством и при этом остается верной женой и заботливой матерью, вызывает восхищение и сопереживание.

Библиографический список

1. *Мединский В.Р., Чубарьян А.О.* История. Всеобщая история. История Нового времени, XVIII – начало XIX в.: 8-й класс: учебник. М.: Просвещение, 2025. 240 с.
2. *Цвидинек Г. фон.* Мария Терезия. Политический портрет. СПб.: Евразия, 2021. 160 с.
3. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
4. Мария Терезия (Maria Theresia) / реж. Роберт Дорнхельм. 2017.

**ПОНЯТИЕ НЕБЫТИЯ
В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА
«МАСТЕР И МАРГАРИТА»**

**THE NOTION OF NON-EXISTENCE
IN MIKHAIL BULGAKOV'S NOVEL
«THE MASTER AND MARGARITA»**

**М.В. Кудашкин
Е.Н. Викторук**

**M.V. Kudashkin
E.N. Viktoruk**

Небытие, художественная литература, философия, Мастер и Маргарита, Булгаков.

В статье анализируется онтологическая составляющая понятия небытия романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Ставится вопрос места небытия относительно других философских тем романа. Небытие рассматривается с точки зрения философской традиции Парменида и Гегеля.

Non-existence, fiction, philosophy, The Master and Margarita, Bulgakov.

The article analyzes the ontological component of the notion of non-existence in Mikhail Bulgakov's novel "The Master and Margarita". The question of the place of the category of non-existence in relation to other philosophical themes of the novel is raised. Non-existence is considered from the point of view of the philosophical tradition of Parmenides and Hegel.

Художественная литература всегда очаровывала людские души. Художественный текст является выразителем роковой судьбы, счастливых случаев, загадочных убийств, а также философских идей. Поэтическое произведение позволяет раскрыть сложную философскую мысль через ситуации обыденной жизни. Мы как бы «примеряем» метафизические, этические, гносеологические категории, смотрим на них глазами главного героя, пытаемся ответить на экзистенциальные вызовы. Роман М.А. Булгакова

«Мастер и Маргарита» не исключение. Литературоведы признают множественность его смыслов и широкий простор для интерпретаций, в более узких кругах роман называют «гипертекст» [1].

Булгаков в своем тексте обсуждает природу власти и зла, свободы и тирании, место художника в мире, божественное и дьявольское начала в человеке. Затрагиваются даже пять доказательств бытия Бога. Однако в романе присутствует одна, на первый взгляд скрытая, но весьма значительная деталь – категория небытия. В сцене «весеннего бала полнолуния», под конец действия, Фагот выносит голову литератора Берлиоза, отрезанную на Патриарших прудах трамваем. Воланд, обращаясь к голове, произносит: «Вы [Берлиоз] всегда были горячим противником той теории, что по отрезании головы жизнь человека прекращается, он превращается в золу и уходит *в небытие*... Да сбудется же это! Вы уходите *в небытие*, а мне радостно будет... выпить за бытие» [2, с. 286].

Уместно задать вопрос относительно формы высказывания о небытии. Почему Воланд произносит «...и уходит *в небытие*» и «Вы уходите *в небытие*...»? Небытие преподносится сатаной как место, куда можно уйти, как место, куда можно направиться, как место, которое существует. Ведь возможны и другие, более точные варианты: «вас ожидает небытие» или «вас в этом мире больше не будет». Возможно ли то, что Воланд, как обладатель некой высшей силы, знает о существовании небытия? Говоря точнее, знает о существовании небытия как онтологической категории.

Вопрос актуализируется еще и тем, что прямой художественный наследник «Мастера и Маргариты» – роман «Чапаев и Пустота» Виктора Пелевина напрямую раскрывает тему небытия и даже усиливает ее мотивами восточной философии. В ключевой сцене романа, когда главному герою демонстрируют мощь человеческого сознания через представление душевнобольных, его проводник упоминает о некоем «троне».

Этот трон доступен каждому человеку. Возвышающийся над всем миром, он передают взошедшему на него нескончаемую власть. «У каждого из этих людей есть свой собственный трон... Но взойти на него почти невозможно. Потому что он стоит в месте, которого нет... Он находится нигде» [3, с. 282].

То есть небытие существует? Или это всего лишь средство создания художественного образа, или же неточности художественного языка, которые преследуют совсем другие цели? Вопрос о существовании небытия «снял» еще древнегреческий философ Парменид в V в. до н.э. В его поэме «О природе» находим такие строчки: «Ибо то, чего нет, нельзя ни познать (не удастся), / Ни изъяснить» [4, с. 297]. По Пармениду, когда мы о чем-то думаем, наша мысль непременно содержит предмет мысли. Этот предмет может и не существовать в материальном мире, но он обязательно существует в мышлении. Значит, думая о чем-то, мы непременно думаем о чем-то существующем. Подобные размышления исключают возможность небытия, определяемого как «место, которого нет». Ведь если мы способны о нем говорить и думать, то оно есть как минимум в мышлении.

Но небытие еще может быть определено как место, в котором ничего нет. Нечто подобное высказывает Гегель при диалектическом определении «становления». Гегель определяет бытие как чистую абстракцию, наиболее полное множество, в которое входят как все предметы, так и все душевные состояния. Диалектический метод философствования предполагает необходимость существования чего-то, что было бы противоположно бытию, то есть небытия. Однако Гегель использует слово «ничто» [5, с. 179], определяя его как чистое отрицание, наиболее пустое множество, в которое не входит ни одна вещь. В таком случае небытие (ничто) может существовать, но только как противоположность бытию. Но это ли имеет в виду Воланд?

Конечно, с точки зрения двухчастной диалектики мир состоит из единства противоположностей – на каждый тезис найдется соответствующий антитезис. В тексте Булгакова содержится упоминание диалектики при обсуждении природы зла. Во время определения дальнейшей судьбы Мастера сатана отвечает посланнику Бога: «Что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени?» [2, с. 377]. Во вселенной «Мастера и Маргариты» Абсолют един и проявляется себя во всей полноте. Зло существует в мире наравне с добром. С точки зрения текста романа на это нечего ответить, но Воланда все равно называют «старым софистом».

Так что же в итоге? Раскрывая столь сложные темы художественной литературы, не остается ничего, кроме обращения к строгим философским построениям. Небытие не может существовать как полноценная, независимая от бытия субстанция. Но может существовать как антитезис бытия, как нечто противоположное, как компонент целого. Так и в романе Булгакова – Воланд понимает как устроен абсолют. Пушкин как-то сказал: «судьба народа принадлежит поэту». Нам остается лишь согласиться и добавить – осмысление философских концепций тоже принадлежит поэту.

Библиографический список

1. Полка: о главных книгах русской литературы. Т. 3, 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://books.yandex.ru/reader/UvCOBJrD?resource=book> (дата обращения: 15.08.2025).
2. *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита. М.: Э, 2018. 471 с.
3. *Пелевин В.* Чапаев и Пустота. М.: АСТ, Жанровая литература, 2019. 414 с.
4. Памятники философской мысли. Фрагменты ранних греческих философов / изд. подгот. А.В. Лебедев; отв. ред. и авт. вступ. ст. И.Д. Рожанский. М.: Наука, 1989. Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики 575 с.
5. *Гегель Г.В.Ф.* Логика / пер. с нем. Н. Дебольского. М.: АСТ, 2019. 448 с.

**«ИНДИЙСКАЯ ЖАННА Д’АРК»:
ЛАКШМИ БАИ В СОВРЕМЕННОМ
ХУДОЖЕСТВЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ**

“THE INDIAN JOAN OF ARC”:
LAKSHMI BAI IN CONTEMPORARY ART CINEMA

В.А. Гилькова
А.В. Луценко

V.A. Gilkova
A.V. Lutsenko

Научный руководитель **Е.С. Меер**
Research adviser **E.S. Meer**

Индийская Жанна д’Арк, Лакшми Баи, современный художественный кинематограф, культурная память, сипайское восстание.

Статья посвящена изучению образов Лакшми Баи в современных художественных фильмах 2019 г. Авторы определили, что английский фильм акцентирует роль Маникарники как жертвы исторического конфликта, в то время как индийская версия создает многогранный образ богоизбранной спасительницы, воительницы, семейной женщины и просто личности.

Indian Joan of Arc, Lakshmi Bai, art cinema, cultural memory, Sepoy rebellion.

The article is devoted to the study of the images of Lakshmi Bai in contemporary feature films of 2019. The authors determined that the English film emphasizes Manikarnika’s role as a victim of historical conflict, while the Indian version creates a multifaceted image of a divinely chosen savior, a warrior, a family woman, and simply an individual.

В едином российском школьном учебнике по всеобщей истории для 9-го класса в рамках сипайского восстания 1857–1859 гг. представлен образ Лакшми Баи как главной вдохновительницы, героически сражавшейся в кавале-

рийских отрядах и павшей в одном из боев. Весьма символичным является нареkanie княгини Джханси «индийской Жанной д'Арк» [1, с. 229–230]. В качестве домашнего задания обучающимся предлагается подготовить презентацию о ней [1, с. 233]. При этом в отечественной историографии отсутствуют специализированные работы о Лакшми Баи. Ее имя можно обнаружить на страницах книг, посвященных сипайскому восстанию [2, с. 89, 98, 126–130], и пособий по истории Индии [3, с. 307], не более того.

В условиях дефицита ресурсов основой для изучения образа героини могут стать фильмы. Кинематограф является частью функциональной культурной памяти, главное отличие которой, как отмечает А. Ассман, заключается в том, что в нее попадает только то, что общество считает значимым [4, с. 55–57]. В данной статье мы попытаемся сравнить образы героини Лакшми Баи в современном художественном кино Индии и Великобритании. Е.В. Волков и Е.В. Пономарева предлагают три уровня анализа кино как канала трансляции коллективной памяти о прошлом [5, с. 23–24]. В нашей работе будет сделан акцент на кинематографическом уровне.

Источниковую базу исследования составляют две исторические драмы 2019 г. Лента «Маникарника: Королева Джханси» была снята на хинди киностудиями Kairos Kontent Studios и Zee Studios в Индии [6]. Изначально режиссером был Радха Кришна Джагарламуди, но после его ухода со режиссером стала Кангана Ранаут – актриса, сыгравшая в этом же фильме роль Лакшми Баи. Картина «Королева-воин Джханси» произведена двумя британскими киностудиями – Dune Films и Cayenne Pepper Productions [7]. Ее режиссером и продюсером стала индианка Свати Бисе, которая родилась в Бомбее, но во взрослые годы переехала в Великобританию, а затем – в США [8]. Оба фильма были выпущены к 160-летию подавления сипайского восстания.

Британская кинолента предваряется текстовой справкой о том, что в устной традиции сохранились сведения о храброй, мужественной княжне Джханси. Более эпично и воодушевляюще начинается индийский фильм. Зрителю сообщается, что индийская цивилизация, как обладательница богатого культурного наследия, великодушная и гостеприимная, нуждалась в защите от враждебных намерений ее гостей. Поэтому священная индийская земля дает жизнь Маникарнике, девочке, чье имя войдет в историю.

Единственным явным сходством обеих кинолент является показ всей вольности, своенравности и необычности Лакшми Баи. Она умеет ездить верхом на лошади и владеет мечом даже лучше мужчин. Непринятие пострига во вдовы и отказ от церемонии по развеиванию праха покойного мужа говорит о том, что свадебные и семейные традиции были несравнимы с долгом перед Джханси. В фильме «Маникарника...» мы видим также образованность княжны Джханси: она любит библиотеку своего мужа, получает от него книги, о которых мечтала, неоднократно пишет письма и обучает этому своего приемного сына Дамодара Рао. Кинолента пестрит сценами храбрости Рани: укрощение непокорного коня Бадала, стойкость перед бегущим на нее тигром, которого она ранила, выстрелив из лука ради спасения пасущегося козленка. Индийский фильм также более четко показывает момент зарождения конфликта между Лакшми и капитаном Джорджем Гамильтоном-Горданом. Она, в отличие от своего мужа, не склоняет головы перед ним.

Образ народной героини в британском фильме раскрыт недостаточно. Кинолента «Маникарника...» же содержит две сцены, которые показывают справедливое отношение Лакшми Баи к нуждам жителей Джханси, страдающим от англичан (история с привязанными индийцами и бандитом Самгрансинхом, возвращение теленка индийской семье).

Милосердие Лакшми распространяется и на враждебную сторону: она отдала приказ о предоставлении убежища английским женщинам и детям, отчитывала за их убийство сипаев. Что касается образа воительницы, то в обоих фильмах присутствуют сцены обучения индийских женщин владению мечом, где Рани вдохновляет собственным примером, пылкими речами. Но в индийском фильме преобладают боевые сцены и фокус в них принадлежит именно Лакшми Баи, в которых она, подобно сверхъестественному существу, сражает одного за одним, что типично для кинематографа страны.

В британском фильме «кабинетным сценам» с Ост-Индской компанией, королевой и переговорах в английском армейском лагере было уделено очень много внимания. Они, вероятно, направлены на «обеление» англичан в этом конфликте: Виктория неоднократно приказывает покончить с кровопролитием, сэр Хью Роуз всячески оттягивает объявление войны Джханси и не единожды отправляет к Лакшми Баи майора Эллиса, чтобы примириться. Именно в этом фильме в момент битвы при Гвалиоре мы слышим фразу «Она, как Жанна д'Арк!» от генерала Роуза, которая не только подчеркивает признание мужественности Рани и ее умения сражаться, но и европейскую историко-культурную память. Индийцы в своем фильме такой параллели не проводят: для них сопоставление своей истории с западной не является важным.

Киномоленты имеют разные концовки. В британской версии подстреленная Лакшми Баи убегает с поля боя на коне и погружается в озеро, а затем ее тень скачет по пустыне под закадровый голос самой Рани, отсылающей к памяти о борцах за свободу. В индийской – подстреленная Маникарника вступает в полосу огня, не желая быть трофеем для генерала Роуза, а после текстовая справка

уведомляет о результатах восстания для Индии и Великобритании. Обе концовки эпично завершают образ Рани как человека, повлиявшего на сплочение индийского народа, и символ борьбы за независимость.

Таким образом, сравнительный анализ двух кинолент демонстрирует разные подходы к изображению Лакшми Баи. Британский фильм представляет Маникарнику как мужественную жертву исторического конфликта, в то время как индийский создает более разносторонний образ богоизбранной спасительницы, воительницы, семейной женщины и просто личности. Оба фильма сходятся в том, что ее наследие стало олицетворением борьбы за свободу и единство индийского народа.

Библиографический список

1. *Мединский В.Р., Чубарьян А.О.* История. Всеобщая история. История Нового времени, XIX – начало XX в.: 9-й класс: учебник. М.: Просвещение, 2025. 288 с.
2. *Осипов А.М.* Великое восстание в Индии (1857–1859). М.: Учпедгиз, 1957. 143 с.
3. *Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г.* История Индии. 2-е изд. М.: Мысль, 1979. 608 с.
4. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
5. *Волков Е.В., Пономарева Е.В.* Игровое кино как исторический источник для изучения культурной памяти // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 10 (269). С. 22–26.
6. Маникарника: королева Джханси (Manikarnika: The Queen of Jhansi) / реж. Радха Кришна Джагарламуди, Кангана Ранаут. 2019.
7. Королева-Воин Джханси (The Warrior Queen of Jhansi) / реж. Свати Бисе. 2019.
8. Interview Swati Bhise [Электронный ресурс]. URL: <https://narthaki.com/> (дата обращения: 06.11.2025).

**ЦЕННОСТНОЕ НАПОЛНЕНИЕ
МУЗЫКАЛЬНЫХ МЭШАПОВ
В ФИЛЬМЕ «СВОБОДА, РАВЕНСТВО,
КИСЛАЯ КАПУСТА»**

THE VALUE CONTENT OF MUSICAL MASHUPS
IN THE FILM “FREEDOME, EQUALITY, SAUERKRAUT”

**Д.Е. Арискина
Е.И. Орлов
Е.С. Меер**

**D.E. Ariskina
E.I. Orlov
E.S. Meer**

Французская революция, мэшап, киномузыка, Марсельеза, Ça ira.
В статье анализируется ценностное измерение музыкальных мэшапов в комедийном фильме Ж. Янна «Свобода, равенство, кислая капуста» (1985) как объектов культурной памяти. Через сочетание несовместимых музыкальных композиций режиссер делает слышимым конфликт между высокими идеалами свободы и равенства и их воплощением в современном ему обществе середины 80-х гг. XX в.

The French Revolution, mashup, film music, La Marseillaise, Ça ira.
The article analyzes the value dimension of musical mashups in J. Yanne’s comedy film “Liberty, Equality, Sauerkraut” (1985) as objects of cultural memory. Through the combination of incompatible musical compositions, the director makes audible the conflict between the high ideals of freedom and equality and their embodiment in the contemporary society of the mid-1980s.

Французская революция конца XVIII в. находит свое отражение в культурной памяти. Среди множества кинокартин, посвященных данному событию, выделяется комедия Жана Янна «Свобода, равенство, кислая капуста» (1985) [1]. Фильм обеспечивает сохранение прошлого в ироничной и пародийной форме как часть культурного контекста

своего времени. Режиссер применяет специфичный для конца XX в. прием – использование в качестве саундтреков мэшапов. Мэшап-музыка – это музыкальная форма, в которой новая запись осуществляется путем объединения звуковых фрагментов обычно хорошо известных записей популярной музыки путем наложения вокальных дорожек одной записи «поверх» инструментальных дорожек другой [2, с. 147]. В случае вышеуказанного фильма это происходит путем наложения знаковых песен революции на более современные музыкальные композиции. Проблема музыкальных мэшапов в кинокартине ранее поднималась нами в статье, где они упоминаются в рамках символического дискурса о Французской революции [3, с. 130–131]. В данном же исследовании мы рассмотрим дискурс фильма в контексте ценностного наполнения музыкальных мэшапов. Ж. Янн использует как минимум два.

Первый представляет собой смешение текста «Марсельезы» капитана Ж. Руже де Лиля («Боевой песни Рейнской армии»), созданной в Страсбурге и принесенной батальоном марсельских федератов в начале войны в Париж (1792) [4, с. 81–92; 5], и провокационно-веселой мелодии «Адского галопа» (канкана) из французской оперетты «Орфей в аду» (1858) композитора Жака Оффенбаха, созданной при Второй империи [6]. Он используется в эпизоде, пародирующем «Клятву в зале для игры в мяч» (1789), где неожиданно появляется Руже де Лиль и обобщенные левые (социалисты) сочиняют «революционный гимн», чтобы увлечь народ, и расппевают его под произведение Оффенбаха. Последнее само является сатирической пародией на классический миф об Орфее и Эвридике. С одной стороны, его энергичный темп придает идеалам Марсельезы оптимистичный импульс и веру в их осуществление, с другой – его ироничная природа обнажает сатирический подтекст самой борьбы за демократию, которую гимн превозносит.

Во втором случае мы слышим синтез мелодий неофициального гимна революции первых лет «Дело пойдет» (1790), возникшего в связи с Праздником Федерации [4, с. 19–27; 7], и саундтрека популярного американского фильма «Охотники за привидениями» (1984) [8]. Этот мэшап появляется в начале фильма, сопровождая вступительные титры. Использование саундтрека Рея Паркера-младшего показательно: санкюлоты, как и охотники за привидениями, сражаются с фантомами – призрачной проекцией коллективного сознания, символическим конструктом «аристократии». В конце кинокартины мэшап фигурирует снова с измененными словами текста *Ça ira* в исполнении Ж. Янна в виде полноценной песни [9]. В ней режиссер проводит параллель между политической обстановкой во Франции конца XVIII в. и середины 80-х гг. XX в. [9]. Жизнеутверждающий припев «Ah! *Ça ira, ça ira!*» («Ах! Дело пойдет!»), символизирующий веру в победу свободы, трансформируется в ироничное «Ah! *Ça u va, ça u va!*» («Ах! Дело идет!»). Строки «Мы меняем режим, мы выпендриваемся и хвастаемся, мы создаем новое из чего-то старого, мы понимаем, что дела не становятся лучше...» являются скептическим переосмыслением бесконечного политического экспериментирования во Франции. Ж. Янн обвиняет левых в убийстве идеи свободы. Его метафора увядающей от серпа и молота розы – это элегия по умирающему идеалу. Режиссер посвящает композицию Людовику XVI и предлагает зрителю представить себе, что живи король сейчас, он бы сбежал с женой и деньгами на самолете в США, ибо курс американского доллара диктует условия жизни во Франции. Упоминается в критическом контексте и президент Франции (явно социалист Франсуа Миттеран): в отличие от короля, у него есть советники. В последнем куплете Ж. Янн открыто заявляет, что социализм надоел. Перед нами веселая песня с глубоко пессимистичным смыслом: убивают людей идеи, но глупость не убьешь.

Таким образом, путем наложения сакральных для национальной исторической памяти текстов («Марсельеза», «Ça ira») на популярные мелодии («Адский галоп», саундтрек к «Охотникам за привидениями») Ж. Янн создает мощный иронический эффект. Этот прием не просто комедийный, он выполняет важную идеологическую функцию: он низводит пафос революционной борьбы и ее лозунгов до уровня шоу, лишая их героического ореола. Мэшапы в фильме становятся инструментом критического высказывания, через пародию зрителю предлагается взглянуть на историю не как на священный миф, а как на материал для рефлексии, подверженный пересмотру и насмешке в современном культурном контексте. Ценностное содержание этих музыкальных композиций заключается в развенчании революционных идеалов через сатиру, что и составляет основу уникального дискурса данной кинокартины о прошлом. Впрочем, это не означает отказа от революционного наследия.

Библиографический список

1. Свобода, равенство, кислая капуста (Liberté, Égalité, Choucroute) / реж. Жан Янн. 1985.
2. *Антонян К.Г., Соколова Н.А., Левшина О.Н.* Культура мэшап: стратегии апроприации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 8. С.144–151.
3. *Арискина Д.Е., Орлов Е.И.* Французская революция в комедийном фильме «Свобода, равенство и кислая капуста» // Актуальные вопросы истории России и зарубежных стран: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию Великой Победы: в 2 ч. Красноярск, 24–25 апреля 2025 г. [Электронный ресурс] / отв. ред. *И.Н. Ценюга* (ч. 1); *Е.С. Меер* (ч. 2). Красноярск, 2025. С. 129–132.

4. *Тьерсо Ж.* Песни и празднества Французской революции. М.: государственное музыкальное изд-во, 1933 [Электронный ресурс]. URL: https://istmat.org/files/uploads/28833/tiersot-j_chanson_fetes_revolution-francaise.pdf (дата обращения: 17.11.2025).
5. Хлабс (2021). Гимн Франции “La Marseillaise” // YouTube. 22 ноября. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DGQ-PUEL6osY> (дата обращения: 17.11.2025).
6. Music Channel (2021). Жак Оффенбах – «Адский галоп» оперетта «Орфей в аду» (Канкан)/Offenbach Orpheus in the Underworld // YouTube. 25 сентября. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Z2npWT9FRvY> (дата обращения: 17.11.2025).
7. Ingen (2019). “Ça Ira” – French Revolutionary Song // YouTube. 14 июля. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KM1p-JwLfs7I> (дата обращения: 17.11.2025).
8. RayParkerJuniorVEVO (2013). Ray Parker J. – Ghostbusters (Official HD Video) // YouTube. 29 октября. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Fe93CLbHjxQ&list=RDMMFe93CLbHjxQ&start_radio=1 (дата обращения: 17.11.2025).
9. Oferko0 (2012). La troupe du film de Jean Yanne – Ah ça y va (1985) // YouTube. 29 мая. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0f6U6wcinGA> (дата обращения: 17.11.2025).

ДЕТЕРМИНИЗМ И СВОБОДА В ТВОРЧЕСТВЕ PYROKINESIS

DETERMINISM AND FREEDOM
IN THE CREATIVITY OF PYROKINESIS

Т.А. Душин
В.А. Емельянова

T.A. Dushin
V.A. Emelyanova

Научный руководитель **Е.Н. Старовойтова**
Research adviser **E.N. Starovoitova**

Детерминизм, Pyrokinesis, свобода воли, трансгрессия, фатализм.
Статья посвящена анализу представления философской проблемы детерминизма и свободы воли в текстах песен современного автора-исполнителя Pyrokinesis'a.

Determinism, Pyrokinesis, free will, transgression, fatalism.
This article analyzes the representation of the philosophical problem of determinism and free will in the song lyrics of the contemporary Russian artist Andrey Pyrokinesis.

На протяжении всей истории культуры поэзия и песенный жанр выступают взаимосвязанными формами рефлексии над фундаментальными философскими идеями и этическими дилеммами. Даже в рамках бытовых на первый взгляд деталей, упомянутых в художественном тексте, может быть неявно заключена сложная концепция; кроме того, она может быть актуализирована в процессе восприятия произведения. В этом аспекте современное искусство вербальных практик закономерно продолжает данную традицию [1]. Одной из ключевых философских проблем, сохраняющих свою актуальность с Античности до наших дней, является проблема детерминизма и свободы воли.

Целью данного исследования является анализ репрезентации различных аспектов данной проблемы в творчестве современного автора-исполнителя Pyrokinesis.

В творчестве Pyrokinesis'а проблематика детерминизма и свободы воли раскрывается через систему художественных образов и получает различные интерпретации в зависимости от контекста конкретного произведения.

В работе «Отказываю небу» центральным становится мотив свободы воли как акта протеста против внешнего преодоления. Уже в рефрене «Я отказываю небу» заявляется неприятие воли высших сил. Тезис о наличии выбора у человека формулируется четко: «...есть у человека кое-что, и это – выбор» [2]. В философском плане данная позиция обнаруживает сходство с учением Эпикура, который, признавая существование богов и объективных обстоятельств, отрицал их влияние на человеческий выбор, утверждая, что индивид принимает решение самостоятельно [3]. Таким образом, в песне свобода трактуется через призму осознания возможности выбора и принятия ответственности за свои действия в пределах объективных условий.

В тексте песни «Звезды все принадлежат богам (Постскрипtum «Геометрия тьмы»)» доминирует тема предопределенности, выраженная через метафору «звезды все принадлежат богам», где звезды символизируют недостижимый идеал и высшую детерминирующую силу. Однако свобода обнаруживается не в отрицании, а в осознанном принятии этих границ: «Птицам – небеса, рыбе – океан, человеку – смерть, и звезды – богам» [4]. Подобная концепция находит параллели в философии стоицизма. Сенека писал: «...ко всему, что кажется враждебным и тягостным, я отношусь так: богу я не повинуюсь, а соглашаюсь с ним и следую за ним не по необходимости, а от всей души» [5]. Следовательно, свобода интерпретируется как внутреннее согласие с миропорядком, достигаемое через разум.

«Трансгрессивный переход». В данной песне проблематика свободы и предопределения раскрывается через сложный синтез христианской символики и культурного кинематографического кода, а именно архетипа «избранного» на примере Энакина Скайуокера из саги «Звездные войны». Этот образ используется в качестве ключевой метафоры для осмысления тяжелого бремени мессианской судьбы. Энакин, предсказанный как носитель равновесия в Силе, чей путь завершился трагическим переходом на темную сторону, становится для лирического героя проявлением фундаментального вопроса: так ли необходим миру «избранник» и какова цена его предначертанной миссии? Центральным концептом песни является трансгрессия – философско-эстетический акт преодоления границ, запретов и устоявшихся норм. В контексте текста «трансгрессивный переход» символизирует попытку преодоления фундаментальных пределов человеческого существования: между жизнью и смертью, материальным и духовным мирами. Однако ведущим мотивом, структурирующим все произведение, становится рефрен, утверждающий недостижимость этого акта для человека: «Смерти нет, трансгрессивный переход – Не свершить нам с тобой, и не перейти чертог». Эта повторяющаяся формула создает напряженное поле между стремлением к преодолению и осознанием собственной ограниченности. На этом фоне образ Иисуса Христа интерпретируется как единственная сущность, способная совершить подлинный «междупланарный переход» и «позволить совершить его другим – прямо из пустоты, под именем своим». Таким образом, фигура Христа предстает как противоположность Энакину Скайуокеру: если путь последнего демонстрирует трагедию избранности в рамках материального мира, завершающуюся падением, то Христос олицетворяет успешную божественную трансгрессию, открывающую путь к спасе-

нию и духовному преображению для последователей. Данная концепция находит параллели в христианской традиции, где верующий, следуя за Христом, обретает возможность преодоления греховной природы и телесной смерти через акт духовного преображения: «Не все мы умрем, но все изменимся». Следовательно, песня предлагает модель свободы, реализуемой через духовную трансформацию внутри заданного метафизического плана. Свобода воли человека заключается в выборе следования по пути, открытому божественной трансгрессией, что позволяет преодолеть экзистенциальные границы, непреодолимые своими силами [6].

Текст произведения «50 на 50» представляет собой пересмотр идей, заявленных в более раннем творчестве автора, и служит отрицанием тезиса о свободе выбора. С первых строк утверждается тщетность человеческих усилий: «Мне казалось, я что-то мог изменить и что-то сделать, но все это было зря». Осознание собственного бессилия достигает апогея в рефрене «Иногда бывает, что от нас вообще ничего не зависит», который подчеркивает осознание персонажем безысходности. Данная позиция является художественным представлением радикального детерминизма Б. Спинозы, который полагал, что человек лишь воображает себя свободным, не зная причин, детерминирующих его действия [7]. В тексте это выражено через фразу: «жизни людям не принадлежат». Таким образом, в песне не остается места для иллюзии свободы, а воля человека представлена как совокупность неизбежных причинно-следственных связей.

Проведенный анализ песен RyoKinesis'a, расположенных в хронологическом порядке их выпуска, позволяет проследить эволюцию в осмыслении проблемы детерминизма и свободы воли. В рассмотренных работах наблюдается движение от идеи бунтарской свободы-вседозволенности через концепцию свободы как принятия необходимости

и свободы как духовного преображения к позиции радикального детерминизма, отрицающего саму возможность свободного выбора. Важным выводом является то, что художественное творчество не предлагает окончательных ответов на философские вопросы, но выступает мощным инструментом их проблематизации, предоставляя материал для рефлексии и формирования личной позиции.

Библиографический список

1. *Чеснокова М.Г.* Роль поэзии в жизни человека и общества: философский и психологический подход // Гуманитарное пространство. 2023. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-poezii-v-zhizni-cheloveka-i-obshchestva-filosofskiy-i-psihologicheskiy-podhod> (дата обращения: 01.11.2025).
2. Отказываю небу (refuse sky) // Genius [Электронный ресурс]. URL: <https://genius.com/Pyrokinesis-refuse-sky-lyrics> (дата обращения: 02.11.2025).
3. *Эпикур.* Главные мысли / сост., предисл., коммент., К.В. Бандуровского; пер. М.Л. Гаспарова, С.И. Соболевского, Ф.А. Петровского. М.: АСТ, 2023. 224 с.
4. Звезды все принадлежат богам [ПОСТСКРИПТУМ "ГЕОМЕТРИЯ ТЬМЫ"] (SABTG) // Genius [Электронный ресурс]. URL: <https://genius.com/Pyrokinesis-sabtg-lyrics> (дата обращения: 02.11.2025).
5. *Сенека.* Нравственные письма к Луцилию / пер. с лат. С. Ошерова. М.: АСТ, 2025. 640 с.
6. Трансгрессивный переход (transgressive transition) // Genius [Электронный ресурс]. URL: <https://genius.com/Pyrokinesis-transgressive-transition-lyrics> (дата обращения: 02.11.2025).
7. *Спиноза Б.* Этика / пер. с лат. Н. Иванцова. М.: АСТ, 2023. 352 с.

**ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ
АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В РОМАНЕ МАРКА ТВЕНА И ЧАРЛЬЗА ДАДЛИ УОРНЕРА
«ПОЗОЛОЧЕННЫЙ ВЕК»**

THE SPIRITUAL AND MORAL VALUES
OF AMERICAN SOCIETY
IN THE NOVEL “THE GILDED AGE”
BY MARK TWAIN AND CHARLES DUDLEY WARNER

Е.В. Михайлова

E.V. Michailova

Научный руководитель **Е.С. Меер**
Research adviser **E.S. Meer**

М. Твен, Ч.Д. Уорнер, художественная литература, США, «Позолоченный век».

В статье проанализирован комплекс духовно-нравственных ценностей американского общества последней трети XIX в., представленных в романе «Позолоченный век». В качестве характерных для эпохи автор обнаруживает стремление к легкому обогащению, склонность к авантюрным, беспочвенным проектам, пренебрежение образованием, «боготворение» роскошного образа жизни высших слоев.

M. Twain, C.D. Warner, fiction, USA, the Gilded Age.

The article analyzes the complex of spiritual and moral values of American society of the last third of the 19th century, presented in the novel “The Gilded Age”. The author identifies the following as characteristic of the era: a desire for easy enrichment, a penchant for adventurous, groundless projects, a disregard for education, and the “idolization” of the luxurious lifestyle of the upper classes.

Название романа «Позолоченный век» М. Твена и Ч.Д. Уорнера стало нарицательным в американской истории, дав обозначение целой эпохе последней трети

XIX в., когда мощный экономический рост имел своей оборотной стороной кризис духовно-нравственных ценностей [1, с. 299], нашедший отражение в художественном произведении. В связи с этим цель данной статьи – выявление в романе тех духовно-нравственных ценностей американского общества последней трети XIX в., которые были характерны для «позолоченного века». Использовались описательно-повествовательный, историко-генетический и историкотипологический методы.

Труды отечественных исследователей были полезны для работы с романом. М.О. Мендельсон [2] выявил замысел романа, распределение сюжетных линий между авторами. В первом томе «Истории американской литературы» (1971) анализируются основные сюжетные линии романа и дается характеристика описанного исторического периода [1, с. 299–300]. А.М. Зверев раскрыл взаимосвязь персонажей романа с их прототипами – родственниками М. Твена [3, с. 153–154]. В научной литературе много времени уделяется характеристике одних и тех же персонажей, но для понимания полной картины не хватает раскрытия других героев. Роман М. Твена и Ч.Д. Уорнера «Позолоченный век», увидел свет в 1873 г. Нас интересует именно часть М. Твена, так как именно ему достались наиболее «острые» сюжетные линии, обличающие пороки общества [3, с. 152–153].

Раскрывая комплекс духовно-нравственных ценностей эпохи, М. Твен, во-первых, показывает желание обогатиться у бедных и незащищенных слоев общества, которым мысль «легкого обогащения» навязывается со стороны различных авантюристов, пытающихся выгодно «продать» свою идею, чтобы привлечь средства бедняков на исполнение всех грандиозных планов. Важно, что такие идеи подаются как очень простые, не требующие навыков или опыта

в подобных авантюрах, мало кто говорит про огромный риск, в основном нужно только верить в удачу, и ничего более. Бедняки же готовы отдать все, что у них есть, чтобы в будущем обогатить себя и своих детей. Так, Сквайр Хокинс, от природы добрый и сердечный человек, многодетный отец, воспитывающий, помимо своих детей, двух усыновленных, имеет важный изъян. Это невозможность отказаться от предложенных авантур и вера, что удача придет и к нему, на примере других, таких же простых людей, как он. Такой «удачей» для него стала покупка 75 тыс. акров земли в Теннесси, за которую он заплатил свои последние сбережения. Он верил, что в будущем она принесет ему огромное богатство [4, с. 15–16]. Но нужно было подождать какое-то время, платить за землю налоги, оставаясь при этом в полной нищете. Прототипом персонажа выступает Джон Маршалл Клеменс, отец М. Твена [3, с. 153].

Во-вторых, автор, пытаясь показать достоверный образ авантюристов, изображает и тех, кто искренне верит в успех своего дела и в свои бесконечные фантазии. Каждый раз они придумывают новый способ, используют свое обаяние и навыки убеждения и втягивают в неприятности огромное количество людей, включая своих друзей и близких, что приводит всех к разорению. Таковым предстает главный соратник Хокинса и его друг Бирайя Селлерс, именно он предлагает большинство авантур, в итоге которых они оба остаются ни с чем. Так, его проектом был город Наполеон, который, по его словам, должен был стать новым крупным железнодорожным и судоходным центром. На деле это была глухая деревня, названная городом, в которой не было никаких ресурсов и перспектив, а река Колумба, на которой планировали судоходство, была узкой и извилистой и явно не подходила для намеченных целей [4, с. 150–155]. За образом Селлерса скрывался дядя Твена Джеймс Лэмpton [3, с. 156].

В-третьих, общество «позолоченного века» характеризовало то, что образование потеряло значимость в глазах людей, оно казалось «бесполезной тратой времени», всему можно было научиться в процессе. Это можно увидеть на примере соратника Селлерса Генри Брайерли, который зовет своего приятеля Филиппа устроиться инженером в железнодорожном деле, утверждая, что при этом не важно, что последний не отличает паровоз от тачки [4, с.108].

В-четвертых, М. Твен показывает некое «боготворение» роскошного образа жизни высших слоев общества: модных в высшем свете занятий, изысканных манер и разговоров, возможности сорить деньгами направо и налево. Такие люди казались идеалом для тех, кто не только был лишен возможности войти в такое общество, но не мог испытать чувство сытости и финансового благополучия. Идеалом было достичь того же благосостояния и статуса и отречься от своего крайне непривилегированного положения и фамилии, влиться в светское общество, завести нужные знакомства и принять его «правила игры». Примером такого мышления выступает приемная дочь Хокинса Лора. Проведя свою жизнь в провинциальном Хоукае, она использовала все возможности, чтобы выбраться оттуда. Узнав, что ее настоящий отец был состоятельным человеком, она решила покорить Вашингтон, получить статус и уважение. Она создала образ, который был искусственным, подстроенным под аристократические круги. Приспособившись к этому обществу, она взяла за основу его образ жизни, манеры и способы достижения определенных целей. Лора придумала себе образ той, кто «жертвует все свои поместья, чтобы возвысить дух угнетенных и заблудших негров и направить их на путь светлый и праведный» [4, с. 281]. Но в то же время совместно с сенатором Дилуорти она решила использовать доставшиеся ей от приемного отца земли

в Теннесси для создания и продвижения откровенно коррумпированного проекта – университета для негров. Важно было получить огромные средства от правительства США любым способом.

Подводя итоги анализа романа, мы можем констатировать, что главными духовно-нравственными ценностями, определявшими американское общество в период «позолоченного века», с точки зрения М. Твена, были стремление к легкому обогащению, склонность к авантюрным, беспочвенным проектам, пренебрежение образованием, «боготворение» роскошного образа жизни высших слоев.

Библиографический список

1. История американской литературы: учеб. пособие для студентов фак. иностр. яз. пед. ин-тов / под ред. *Н.И. Самохвалова*. М.: Просвещение, 1971. Ч. 1. 344 с.
2. *Мендельсон М.О.* Марк Твен [Электронный ресурс]. URL: <http://s-clemens.ru/books/item/f00/s00/z0000006/index.shtml> (дата обращения: 12.11.2025).
3. *Зверев А.М.* Мир Марка Твена: Очерк жизни и творчества. М.: Дет. лит., 1985. 175 с.
4. *Твен М.* Собрание сочинений: в 12 т. / пер. Н. Галь и Л. Хвостенко; послесл. А. Старцева; коммент. Л. Хвостенко. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 3: Позолоченный век (повесть наших дней). 584 с.

ДОЛГ «ЦАРЯ-ЖРЕЦА» И ЖЕРТВА ИФИГЕНИИ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ДЖ.ДЖ. ФРЭЗЕРА

THE DUTY OF THE “PRIEST-KING”:
THE SACRIFICE OF IPHIGENIA THROUGH THE LENS
OF J.G. FRAZER’S THEORY

М.И. Кубаева

M.I. Kubaeva

Научный руководитель **С.В. Белоусов**
Research advisor **S.V. Belousov**

Дж.Дж. Фрэзер, Ифигения, «царь-жрец», греческая трагедия, архаическая этика, сакральный правитель.

Исследование анализирует этический конфликт в мифе об Агамемноне через теорию «царя-жреца» Дж.Дж. Фрэзера. Греческая трагедия осмысливается как отражение кризиса коллективной морали перед лицом новых гуманистических идеалов.

J.G. Frazer, Iphigenia, “priest-king”, Greek tragedy, archaic ethics, sacral ruler.

This study analyzes the ethical conflict in the myth of Agamemnon through J.G. Frazer’s theory of the “priest-king”. Greek tragedy is conceptualized as a reflection of the crisis of collective morality in the face of new humanistic ideals.

Цикл мифов о проклятом доме Атридов является одним из самых известных сюжетов в греческом культурном наследии. Жизнь Атрида Агамемнона стала источником вдохновения для многих поэтов и драматургов Античности и даже современности. «Вождь золотоносных Микен» предстает злодеем в следующих строках Клетемнестры из трагедии Софокла «Электра»:

«Всех эллинов бездушьем превзошел:
Он в дар богам сестру твою зарезал».

В приведенном отрывке речь идет о жертвоприношении Ифигении. Согласно мифу, когда ахейское войско собралось отплыть к Трое, корабли не смогли покинуть Авлиду из-за отсутствия попутного ветра. Причиной этому посчитали гнев богини Артемиды, оскорбленной Агамемноном. В искупление вины богиня потребовала жизнь его дочери, и царь исполнил это требование [1, с. 452]. В трагедии Агамемнона видят конфликт родительской любви и обязанностей перед народом, символ ничтожности человека перед волей божества. Но попробуем рассмотреть ее под другим углом. Данное исследование предлагает рассмотреть поступок Агамемнона через призму теории Дж.Дж. Фрэзера.

Здесь следует обратиться к концепции «царя-жреца», выдвинутой Фрэзером в его труде «Золотая ветвь: Исследование магии и религии» [2].

Архаическое сознание, по мнению Фрэзера, характеризовалось ощущением глубокой зависимости человека от стихийных сил природы, что порождало чувство уязвимости и незащищенности. В бесконтрольных природных силах люди видели проявление сверхъестественного. Неудивительно, что жрец, чьей задачей было умилостивить непредсказуемое божество, вызывал трепет и уважение. Благодаря этому сакральному статусу жрец не просто становился правителем, а превращался в фигуру, наделенную божественной благодатью [2, с. 18–20]. Таких правителей опасались, их оберегали и нередко даже обожествляли, ведь в глазах подданных именно от воли вождя зависело благополучие народа, а иногда и всего мира [2, с. 221]. Согласно Фрэзеру, в его полномочия входило управление природными стихиями, ветром и солнцем, разливами рек, всем, что могло нарушить аграрный цикл или, наоборот, благоприятствовать ему [2, с. 82–85]. Однако жизнь такого правителя в силу возложенной на него ответственности была связана

со значительными рисками. В случае невыполнения им своих обязанностей, по старости, болезни или по истечении срока правления, его лишали царского титула или предавали смерти, чтобы уберечь от бедствия весь народ [2, с. 334].

Несмотря на это, цари все же находили способ продлить свою жизнь и свое правление. Необходимая жертва просто заменялась равноценной, родственником или ритуальным двойником-правителем. Член царской семьи идеально подходил на роль заместительной жертвы, поскольку, как и сам царь, нес в себе часть божественного [2, с. 373].

Жреческие функции Агамемнона находят отражение в тексте «Илиады». Именно царь становится центральной фигурой во многих ритуальных эпизодах. Поступок Агамемнона, оскорбление жреца Аполлона, служит причиной бедствия, обрушившегося на всех греков в начале произведения, что соответствует описанной Фрэзером модели ответственности правителя за благополучие общины. Позже, для того чтобы прекратить мор, царь руководит ритуалом искупления [3, с. 34]. В песни второй, когда ахейцы готовятся к битве и приносят жертвы своим богам, Агамемнон совершает молитву Зевсу [3, с. 48]. Данный эпизод подчеркивает связь, существующую между верховным богом и царем. Перед поединком Париса с Менелаем Агамемнон призывает Зевса и других богов в свидетели [3, с. 67–68].

Таким образом, анализ «Илиады» подтверждает, что Агамемнон в некоторой мере обладал сакральным статусом и ритуальными обязанностями «царя-жреца». Это позволяет пересмотреть ситуацию в Авлиде не как единственный конфликт с божеством, а как типичный кризис сакральной власти: безветрие становится прямым следствием ритуальной несостоятельности Агамемнона, а его последующие действия – попыткой разрешить этот кризис ритуальным способом.

Для анализа процесса нарушения космической гармонии по вине Агамемнона рассмотрим трагедию Еврипида «Ифигения в Авлиде». Отсутствие попутного ветра, т.е. нарушение баланса природных стихий, в рамках концепции Фрэзера представляет собой следствие ритуальной несостоятельности «царя-жреца», ответственного за климатические изменения и природный порядок в целом.

Так, согласно мифу об Афаманте, его жена Ино, для того чтобы расправиться с детьми от предыдущего брака, подговорила женщин Беотии поджарить посевное зерно и таким образом добиться неурожая. Афамант, став виновником кризиса, был принужден принести в искупительную жертву собственного сына, Фрикса, который, впрочем, впоследствии был спасен (в некоторых версиях мифа Ифигения также не умирает) [4, с. 316]. Подробнее раскрывает эту тему Р. Грейвс, он находит следы этого жертвоприношения в новогоднем празднике дождя, отмечавшемся во время весеннего равноденствия. Согласно Грейвсу, на этом празднике совершалась ритуальная подмена второго порядка, когда сына правителя заменяли бараном [5, с. 251].

Таким образом, в греческой культуре прослеживается повторяемый сюжет, в котором кризис интерпретируется как следствие нарушения космического порядка по вине несостоятельного правителя и требует искупления жертвой его собственного ребенка.

Проведенное исследование позволило рассмотреть миф об Ифигении в новом свете, предложив его интерпретацию через призму теории «царя-жреца» Дж.Дж. Фрэзера. Такая интерпретация позволяет раскрыть глубинный этический конфликт, лежащий в основе мифа об Ифигении. Этот конфликт заключается не в противоречии между родительским чувством и долгом, а в столкновении двух принципиально разных систем морали: архаической, основанной на идее

коллективного выживания и ритуальной ответственности правителя, и более поздней, видящей ценность в каждой человеческой жизни.

С этой точки зрения Агамемнон – не тиран, а правитель, заложник своей сакральной функции. Его решение принести в жертву дочь, каким бы ужасным оно ни казалось с современной точки зрения, в контексте архаической этики было действием, направленным на спасение подданных от гибели, причиной которой стала его собственная ритуальная несостоятельность. Трагедии Софокла и Еврипида запечатлели тот исторический момент, когда эта древняя логика уже переставала быть очевидной, породив тот этический конфликт, который обеспечил сюжету многовековую жизнь [6, с. 361].

Библиографический список

1. *Еврипид*. Трагедии: в 2 т. / пер. И. Анненского; изд. подгот. М.Л. Гаспаров, В.Н. Ярхо. М.: Ладомир; Наука, 1999. Т. 2. 699 с.
2. *Фрэзер Дж.Дж.* Золотая ветвь: исследование магии и религии / пер. М. Рыклина. М.: Эксмо, 2006. 958 с.
3. *Гомер*. Илиада. Одиссея / пер. с др.-греч. Н. Гнедича, В. Жуковского; вст. ст. С. Маркиша; примеч. и словарь С. Ошерова. М.: Эксмо, 2004. 893 с.
4. *Немировский А.И.* Древняя Греция. М.: Мир кн.; Литература, 2004. 495 с.
5. *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции / пер. К. Лукьяненко. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2014. 832 с.
6. *Эсхил, Софокл, Еврипид*. Античная трагедия: сб. / пер. с древнегреч. М.: Эксмо, 2023. 672 с.

ОБ АВТОРАХ

АБДУКАДЫРОВ Манучехр Абдукаюмович – начальник международного отдела, Ангренский университет (Республика Узбекистан); e-mail: slavegun@mail.ru

АБДУХОЛИКОВА Дилдора Абдухолик кизи – студентка 2-го курса, Джизакский государственный педагогический университет (Республика Узбекистан); e-mail: ottesh@mail.ru

АБРАШИНА Ирина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической культуры и спорта, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург); e-mail: polux_iv@mail.ru

АЛЕКСУШИН Глеб Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры маркетинга, логистики и рекламы, Самарский государственный экономический университет; e-mail: gva3@yandex.ru

АЛЯЕВ Андрей Александрович – студент 4-го курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: aljaevandrey17107@gmail.com

АРИСКИНА Дарья Евгеньевна – студентка 4-го курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: ariskina.darya@yandex.ru

БАБЕШКО Никита Игоревич – магистрант 2-го курса, Благовещенский государственный педагогический университет; e-mail: mr.babeshko@inbox.ru

БАЛАКЛЕЕЦ Наталья Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Самарский государственный технический университет; e-mail: bnatalja@mail.ru

БЕЗВИКОННАЯ Елена Владимировна – доктор политических наук, профессор кафедры правоповедения, государственного и муниципального управления, Омский государственный педагогический университет; e-mail: bezvikonnaia@rambler.ru

БЕЛОУСОВ Сергей Владиславович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории и обществознания, Педагогический институт им. В.Г. Белинского Пензенского государственного университета; e-mail: viia@pnzgu.ru

БРЕХНЕВ Ярослав Михайлович – магистрант 2-го курса, Благовещенский государственный педагогический университет; e-mail: y.brekhnev@mail.ru

БРОВКО Владислав Игоревич – магистрант 3-го курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vladisalv117@gmail.com

БУДЕНКОВА Анна Валентиновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: anna_budenkova_@mail.ru

БУРМАКИНА Галина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и экологии человека, Красноярский государственный аграрный университет; e-mail: burmakinagalina@rambler.ru

БУЯРОВ Дмитрий Владимирович – кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории, философии и культурологии, Благовещенский государственный педагогический университет; e-mail: generalhistory@bgpu.ru

ВВЕДЕНСКИЙ Илья Анатольевич – доцент кафедры транспортной логистики, Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова (Санкт-Петербург); e-mail: ivvedensky@yandex.ru

ВИКТОРУК Елена Николаевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии, экономики и права, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: eviktoruk@kspu.ru

ВЛАДИМИРОВА Ирина Андреевна – студентка 5-го курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vladimirovairina23@mail.ru

ВОРОШИЛОВА Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: nv-voroshilova@mail.ru

ВЯЧИСТАЯ Анастасия Васильевна – ассистент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, Национальный исследовательский Томский государственный университет; e-mail: if.tgu@mail.ru

ГАЙДИН Сергей Тихонович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии, Красноярский государственный аграрный университет; e-mail: gaidinsergey@rambler.ru

ГЕРДТ Владислав Владимирович – преподаватель кафедры общественного здоровья и здравоохранения, Красноярский государственный медицинский университет им. профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого; e-mail: golovnev-vlad@mail.ru

ГИЛЬКОВА Виолетта Александровна – студентка 4-го курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: gilkovabogotol@gmail.com

ГРИГОРЬЕВ Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: dmitrijgrigore@yandex.ru

ГРИГОРЬЕВА Людмила Ильинична – доктор философских наук, профессор кафедры философии, Сибирский федеральный университет; e-mail: adonai@bk.ru

ГРИЦАЙ Людмила Александровна – доктор педагогических наук, доцент кафедры теории и истории педагогики, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского; e-mail: usan82@gmail.com

ГРИШИН Никита Александрович – студент 5-го курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: grishinnikita0@gmail.com

ГРОНСКАЯ Анастасия Сергеевна – магистрант 2-го курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: gronskaya2016@mail.ru

ДАНИЛИН Андрей Анатольевич – учитель истории, средняя школа № 161 (Красноярск); e-mail: forvard.danilin@yandex.ru

ДАНИЛОВА Марина Ивановна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина (Краснодар); e-mail: danilova.m@kubsau.ru

ДАЦЫШЕН Владимир Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; лаборатория исторических и социально-экономических исследований Сибири и Центральной Азии федерального исследовательского центра «Красноярский научный центр СО РАН»; Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: dazishen@mail.ru

ДРОЗДОВ Сергей Вячеславович – аспирант 1-го курса, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: sergey_droz dov_99@mail.ru

ДУШИН Тимофей Анатольевич – студент, Сибирский государственный университет науки и технологий им. М.Ф. Решетнева (Красноярск); e-mail: ayisnotwhite@mail.ru

ДЬЯЧЕНКО Денис Сергеевич – магистрант 2-го курса, Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул), e-mail: denis-diachenko01@yandex.ru

ДЬЯЧЕНКО Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул); e-mail: diachenko_nv@altspu.ru

ЕЛИСТРАТОВ Владимир Андреевич – учитель истории и обществознания, Красноярская Мариинская женская гимназия-интернат; e-mail: edu.kmariinka@yandex.ru

ЕМЕЛЬЯНОВА Виктория Алексеевна – студентка, Сибирский государственный университет науки и технологий им. М.Ф. Решетнева (Красноярск); e-mail: ayisnotwhite@mail.ru

ЕРЕМЕЙКИНА Лада Львовна – студентка 3-го курса, Алтайский государственный университет (Барнаул); e-mail: lada.rayskaya2107@mail.ru

ЖАРИКОВА Ирина Евгеньевна – методист, Центр дополнительного образования «Одаренность» (Старый Оскол); e-mail: irinakot91@mail.ru

ЖУЛАНОВ Вадим Андреевич – магистрант 3-го курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; учитель истории и обществознания, средняя школа № 18 (Красноярск); e-mail: zhulanov.2015@inbox.ru

ЗАИКА Александр Леонидович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: zaika_al@mail.ru

ЗАМОСТНАЯ Арина Александровна – студентка 4-го курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: arina.zamostnaya@mail.ru

ЗАЦЕПИНА Маргарита Игоревна – аспирант 1-го курса исторического факультета, ассистент кафедры всеобщей истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: krutilochka@yandex.ru

ЗБЕРОВСКАЯ Елена Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: zberovskaya@mail.ru

ЗЕЙНАЛБДЫЕВА Анна Васильевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина; e-mail: k_upd.belui@mvd.ru

ИЛБИНА Виктория Александровна – студентка 2-го курса, Саратовская государственная юридическая академия;
e-mail: deiljina@yandex.ru

ИЮЛЬСКАЯ Елена Геннадиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва);
e-mail: egijulskaja@pushkin.institute

КАЗАНЦЕВА Олеся Леонидовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права, Алтайский государственный университет (Барнаул);
e-mail: verwaltung@mail.ru

КАМБАРОВА Саида Умаралиевна – студентка 3-го курса, Ферганский государственный университет (Республика Узбекистан);
e-mail: kambarova1615@mail.ru

КАНАЕВ Александр Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: kanaevs@mail.ru

КИСЕЛЕВ Игорь Васильевич – преподаватель-исследователь, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта (Калининград), ya.i-007@yandex.ru

КОЖАНОВА Елизавета Альбертовна – аспирант 2-го курса, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: lizakozhanova8@yandex.ru

КОМЛЕВ Алексей Евгеньевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Саратовская государственная юридическая академия; e-mail: almaskom@mail.ru

КРЫЛОВА Анастасия Сергеевна – курсант 1-го курса факультета подготовки дознавателей, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина;
e-mail: nastenakrylova818@yandex.ru

КУБАЕВА Маргарита Игоревна – студентка 3-го курса Педагогического института им. В.Г. Белинского Пензенского государственного университета;
e-mail: kubaevamargarita@yandex.ru

КУДАШКИН Михаил Витальевич – соискатель, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: m_kudashkin@inbox.ru

КУЗНЕЦОВ Дмитрий Владиславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, философии и культурологии, Благовещенский государственный педагогический университет; e-mail: generalhistory@bgpu.ru

КУЛАКОВ Денис Петрович – магистрант 1-го курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; учитель истории, средняя школа № 13 (Красноярск); e-mail: kulakov.d.p@yandex.ru

ЛАВРЕНОВ Семен Петрович – преподаватель, Красноярский колледж олимпийского резерва;
e-mail: lavrenov.simeon.petrovich@mail.ru

ЛЕБИНА Дарья Николаевна – студентка 3-го курса, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва);
e-mail: dlebina@bk.ru

ЛУЦЕНКО Анастасия Валентиновна – студентка 4-го курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: nastya.lutsenko.04@bk.ru

МАЛАШИНА Татьяна Ивановна – кандидат философских наук, эксперт, Российское культурологическое общество (Москва);
e-mail: malashin@gmail.com

МАМАТКУЛОВ Бекзод Шерзович – доктор философии в области исторических наук, PhD, Университет экономики и педагогики (Республика Узбекистан); e-mail: 1984mamatqulov@gmail.com

МАССОВ Александр Яковлевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет;
e-mail: amassov@gmail.com

МЕЕР Евгения Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: jenumeer13@gmail.com

МЕЗИТ Людмила Эдгаровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: mezit@yandex.ru

МЕТЛЮКОВА Ирина Геннадьевна – студентка 4-го курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: irinametlyukova10.9@mail.ru

МИНЕЕВ Валерий Валерьевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии, экономики и права, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vvmineyev@mail.ru

МИХАЙЛОВА Евгения Вадимовна – студентка 4-го курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: evgeniamichailova74@gmail.com

МОРОЗОВА Евгения Денисовна – студентка 2-го курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: evgesha05032007moroz@gmail.com

МОТЫЛЕВА Ксения Артемовна – студентка 4-го курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: ksenya.moteleva@mail.ru

НАУМОВ Александр Олегович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных организаций и проблем глобального управления, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; e-mail: Naumov@sra.msu.ru

НЕКРАСОВ Павел Борисович – зам. директора по учебно-воспитательной работе, Спортивный лагерь «Луч» (Санкт-Петербург); e-mail: pashka2006a@rambler.ru

НЕЛЮБИН Павел Геннадьевич – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений, Алтайский государственный университет (Барнаул); e-mail: new-wirgil@yandex.ru

НЕФЕДОВ Александр Владимирович – магистрант 2-го курса института истории и международных отношений, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского; младший научный сотрудник, Исторический парк «Моя история» (Саратов); e-mail: sasha.nefedov.2020@mail.ru

ОВСЯННИКОВА Татьяна Николаевна – студентка 5-го курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: tatyanaovsyannikova0903@mail.ru

ОРЛОВ Егор Игоревич – студент 4-го курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: orlow.ori@yandex.ru

ПОЗДНЯКОВ Юрий Олегович – магистрант 1-го курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; педагог дополнительного образования, лицей № 10 (Красноярск); e-mail: moderatorstuurwiel@yandex.ru

РАКИНА Анастасия Евгеньевна – студентка 5-го курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: nrakina96@gmail.com

РИХТЕР Виктория Станиславовна – студентка 2-го курса факультета исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет; e-mail: vikirixter@mail.ru

РОМАНОВА Любовь Николаевна – генеральный директор, Государственный центр народного творчества Красноярского края (Красноярск), romanova1n2017@yandex.ru

РУСАКОВ Михаил Иванович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права, Нижегородская академия МВД России; e-mail: rusakovmikhail@gmail.com

РЫЖКОВА Ольга Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, права, истории и русского языка, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); e-mail: olimp_a49@mail.ru

СЕДЫХ Оксана Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и теории мировой культуры философского факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; e-mail: oksanas@inbox.ru

СКЛЯРЕНКО Никита Сергеевич – аспирант 1-го курса, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; e-mail: nik_sklyarenko@mail.ru

СНИЦКАЯ Анастасия Александровна – студентка 3-го курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: anastasiavorkutovskaa@gmail.com

СТАРОВОЙТОВА Евгения Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и гуманитарных наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. М.Ф. Решетнева (Красноярск); e-mail: jane_star78@mail.ru

СТЕБЛИНСКИЙ Александр Максимович – старший научный сотрудник, Музей-усадьба В.И. Сурикова (Красноярск), stebliinskiy96@mail.ru

СУРОВЦЕВА Мария Викторовна – студентка 5-го курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: surovitseva_261203@mail.ru

ТЕНЯКОВ Андрей Витальевич – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, Армавирский механико-технологический институт;
e-mail: an11298@yandex.ru

ТИМИРЯЕВ Юрий Александрович – аспирант 1-го курса, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;
e-mail: yury.timiryayev@yandex.ru

ТОЛМАЧЕВА Анна Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: tolmacheva@kspu.ru

ТУВАЕВА Анна Сергеевна – курсант 2-го курса факультета подготовки специалистов по расследованию экономических преступлений, Нижегородская академия МВД России;
e-mail: atuwaeva@yandex.ru

УТАЕВА Феруза Холмаматовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории Бухары, Бухарский государственный университет (Республика Узбекистан);
e-mail: dilynoraqurbonova3@gmail.com

ФЕЛИЦЫНА Владислава Олеговна – педагог-организатор, Центр дополнительного образования «Одаренность» (Старый Оскол),
e-mail: v.bazhinova@bk.ru

ФРОЛОВ Иван Викторович – студент 4-го курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: froliyanov16@gmail.com

ХАЗБИЕВА Лилия Ильгизовна – научный сотрудник, Институт развития образования Республики Татарстан (Казань);
e-mail: h.lilechk@mail.ru

ЦЕНЮГА Сергей Николаевич – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: serzen@kspu.ru

ЧАВКИНА Олеся Викторовна – специалист по документационному обеспечению отдела нового приема и содействия трудоустройству обучающихся и выпускников, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: lesya.chavkina@mail.ru

ЧЕРНОВА Лариса Николаевна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского; e-mail: larisachernova@mail.ru

ЧИСТОВ Роман Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: ChistovRS@mail.ru

ЧУРИН Георгий Андреевич – магистрант 1-го курса отделения культурологии философского факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; e-mail: churingeorge1917@gmail.com

ШАРОНОВА Александра Ивановна – соискатель, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: alxndrasharon@gmail.com

ШИРИНКИН Федор Олегович – студент 1-го курса, Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской православной церкви; e-mail: englishmenprod@mail.ru

ШТУМПФ Светлана Петровна – доктор философских наук, профессор кафедры философии, экономики и права, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: stumpf@kspu.ru

ЩЕКОЛДИНА Антонина Владиславовна – студентка 1-го курса, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина (Краснодар), schekoldina_tv@mail.ru

ЭБЕРХАРДТ Марина Валерьевна – старший преподаватель кафедры всеобщей истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: eberhardt_m@mail.ru

ЯКУНИНА Яна Сергеевна – студентка 5-го курса исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: yanohka050607@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 3

Григорьева Л.И. Культурный код России
и традиционные духовно-нравственные ценности 4

Ворошилова Н.В. Изучение региональной культуры
периода Великой Отечественной войны
как средство патриотического воспитания 12

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ФАКТОРА РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Григорьев Д.В. Катон Старший – добродетельный политик
в контексте взглядов Цицерона 17

Чистов Р.С. Социальность и субъектность
как возможность формирования человеческого бытия
и сферы морали 21

Маматкулов Б.Ш. Этические основы религии:
взаимосвязь морали и веры
в историческом и современном контексте 26

Камбарова С.У. Современные философские размышления
о проблемах морали и ценностей в Узбекистане 30

Балаклеец Н.А. Трактовка ценностей
в конструктивистских концепциях международных отношений 33

Алексушин Г.В. Мировые религии как основы для цивилизаций 38

Жарикова И.Е., Фелицына В.О. Проблема взаимодействия
морали и Политики 41

Малашина Т.И. Содержание и особенности
функционирования традиционных ценностей
в современной социокультурной практике 44

<i>Данилова М.И., Щеколдина А.В.</i> Взгляды античных мыслителей на справедливое устройство государства	49
<i>Чурин Г.А.</i> Статус аксиологических объектов у А. Майнонга и Э. Гуссерля	53
<i>Крылова А.С.</i> Трансформация традиционных духовно-нравственных ценностей в условиях цифровизации современного общества.....	57
<i>Ширинкин Ф.О.</i> «Новый атеизм» как виток современного скептицизма	62
<i>Поздняков Ю.О.</i> Мировоззрение гностицизма в современной картине мира.....	66
<i>Кожанова Е.А., Минеев В.В.</i> Социологический опрос как метод анализа конструирования прошлого в коллективном сознании	71
<i>Бровко В.И.</i> Постструктуралистский взгляд на ценности и этический реализм	76
<i>Морозова Е.Д.</i> Моральная оценка деятельности Писистрата у Геродота и Аристотеля	81
<i>Аляев А.А.</i> Морально-этические представления Цицерона о политическом деятеле.....	86
<i>Жуланов В.А.</i> Мораль в эпоху плюрализма: поиск оснований в мире без фундамента	90
<i>Дроздов С.В., Минеев В.В.</i> Семейные отношения как объект управления жизнью	94
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ	
<i>Зберовская Е.Л., Владимирова И.А., Овсянникова Т.Н.</i> Формирование духовно-нравственных ценностей у обучающихся 10–11-х классов при создании мини-проектов по региональной истории.....	99

<i>Лавренев С.П., Елистратов В.А.</i> Возможности учебного предмета «история» для формирования традиционных духовно-нравственных ценностей на уровне основного общего и среднего профессионального образования.....	104
<i>Романова Л.Н., Викторук Е.Н.</i> Формирование духовно-нравственных ценностей как основное направление деятельности Государственного центра народного творчества Красноярского края.....	109
<i>Утаева Ф.Х.</i> Роль текстильной промышленности в формировании профессионально-духовных навыков у молодежи	114
<i>Рыжкова О.В.</i> Коммеморативный учебный проект как инструмент сохранения исторической памяти и духовно-нравственного воспитания студентов педагогического вуза	119
<i>Хазбиева Л.И.</i> Формирование духовно-нравственных ценностей средствами исторического образования: теория и практика	125
<i>Грицай Л.А.</i> Пути актуализации традиционных духовных ценностей в образовательной практике подготовки специалистов	129
<i>Жарикова И.Е.</i> Нравственный смысл исторической правды: основные ценности Нюрнбергского процесса в патриотическом воспитании школьников.....	134
<i>Абдухоликова Д.А.</i> Инновационные педагогические стратегии формирования духовно-нравственных ценностей у младших школьников через системное изучение историко-культурного наследия России	138
<i>Бабешко Н.И.</i> Формирование функциональной грамотности у обучающихся в рамках духовно-нравственного воспитания на уроках истории.....	142
<i>Брехнев Я.М.</i> Элективные курсы по истории Амурской области как фактор духовно-нравственного воспитания школьников.....	147

Туваева А.С. Роль РПЦ в формировании традиционных ценностей курсантов МВД: история преемственности 152

Кулаков Д.П. Использование экспоната «Парта героя» музея «Страна Причалая» (МБОУ СШ № 13 г. Красноярска) при формировании духовно-нравственных ценностей в образовательном процессе 157

Сницкая А.А. Колониальное прошлое в школьной программе Великобритании..... 161

Гришин Н.А. Опыт преодоления проблем технологического суверенитета гуманитарными путями 167

Зацепина М.И. Реализация регионального компонента в вузовском историческом образовании (на примере Гуманитарного института СФУ и исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева)..... 172

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Дацышен В.Г. Сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей русской эмиграции на КВЖД в воспоминаниях «харбинцев» в Австралии и Сибири..... 177

Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. Поведенческие особенности русского населения, проживавшего в Туруханском крае в XIX в. 184

Безвиконная Е.В. Роль традиционных духовно-нравственных ценностей в служебной этике муниципальных служащих 190

Еремейкина Л.Л. Ценности традиционной духовно-правовой культуры России: преемственность идеалов..... 194

Ильина В.А. Эстетика патриотизма: репрезентация национальной идентичности в символических практиках, искусстве и ритуалах 198

<i>Массов А.Я.</i> Роль российской консульской службы в становлении православия в Австралии в конце XIX – начале XX в.....	203
<i>Некрасов П.Б.</i> Становление системы социальной поддержки детей-сирот в век Просвещения	208
<i>Введенский И.А.</i> Г.П. Федотов о милосердии в аксиологии древнерусской культуры	212
<i>Абрашина И.В.</i> Духовно-нравственное воспитание как стратегический приоритет национальной безопасности России	217
<i>Теняков А.В.</i> Женская душа русского народа.....	223
<i>Склярченко Н.С.</i> Социальный конструкт или реабилитация: представление слепоты в контексте советской политики по отношению к инвалидам в 1920-е гг. через призму киножурналов	228
<i>Тимирязев Ю.А.</i> Сохранение духовно-нравственных ценностей через нарративы Великой Отечественной войны в рамках освещения специальной военной операции в эпоху цифровых угроз	233
<i>Лебина Д.Н.</i> «Медный всадник» в свете старообрядческой эсхатологии: к вопросу о религиозно-этической оценке Петра I А.С. Пушкиным	238
<i>Фролов И.В.</i> Воинский долг как нравственная ценность советских солдат – участников военного конфликта в Афганистане (на основе эгоматериалов).....	242
<i>Якунина Я.С.</i> Женщины-героини блокадного Ленинграда: подвиги и моральные дилеммы в условиях голода и страха	247
<i>Ракина А.Е.</i> Агитационный плакат как средство победы «красного» движения в Гражданской войне.....	251
<i>Якунина Я.С.</i> Образ женщины в блокадном Ленинграде: отражение в зарубежной историографии	255

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ
В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

<i>Буденкова А.В.</i> Политика Австралии в области языкового образования: этические аспекты	259
<i>Канаев А.Г.</i> Обычай и право в регулировании семейных имущественных отношений в Кремонской округе в XII в.	265
<i>Чавкина О.В.</i> Преступления против семьи и нравственности в Германии раннего Нового времени (на примере Мюнстера)	270
<i>Гердт В.В.</i> Кельтские этические традиции: понятие чести и верности в средневековой Европе.....	275
<i>Заика А.Л.</i> Встреча двух миров: духовно-нравственные аспекты противостояния аборигенов европейской колонизации в ранней американской истории	279
<i>Абдукадыров М.А.</i> Историко-этические основы государственного управления в политической культуре Центральной Азии: от Амира Темура до современности	284
<i>Киселев И.В.</i> «Vivat Rex» Жака Жерсона: комментарий в контексте университетской власти.....	289
<i>Рихтер В.С.</i> «Ученик. Восхождение Трампа» – попытка очернить перед выборами?	293
<i>Дьяченко Д.С.</i> Традиционные праздники Монголии в контексте сохранения духовно-нравственного наследия	298
<i>Нелюбин П.Г.</i> Христианские дайме: проблемы религиозного оппортунизма.....	303
<i>Нефедов А.В.</i> Этические ценности Реформированной церкви Шотландии (1560–1581).....	306
<i>Мотылева К.А.</i> Между автономией и опекуном: двойственность американской политики в отношении индейцев.....	311

Шаронова А.И. Эволюция нравственных основ образования
в средневековой Европе: от монастыря к университету 317

Замостная А.А. Роль Перл Гиббс
в развитии правозащитной деятельности
коренного населения Австралии 322

Гронская А.С. Джованни Бонавентура
как выразитель моральных ценностей эпохи Средневековья..... 327

ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

Меер Е.С. Идентичности Анны Леонуэнс
в контексте дихотомии «свой/чужой»
в «Английской гувернантке при дворе Сиама»..... 331

Богатов Е.А. К вопросу о понятиях морали
в исторических источниках раннего Средневековья:
эмоциональный фон рассказов о поступках королей
в сочинении Григория Турского «История франков» 336

Стеблинский А.М., Данилин А.А., Ворошилова Н.В.
Изучение истории города Красноярска
с помощью покетмода (книжки-малышки)
на примере пешеходной экскурсии
по памятным местам В.И. Сурикова 341

Суровцева М.В. Крах духовно-нравственных ценностей
как обратная сторона «американской мечты»
в произведениях Т. Драйзера и Ф.С. Фицджеральда 344

Мотылева К.А. Священник, революционер, отступник:
Георгий Гапон в документальном фильме «Изловленный ловец»..... 349

Метлюкова И.Г. Мария Терезия как правительница, жена и мать:
рефлексии современного сериала..... 355

Кудашкин М.В., Викторук Е.Н. Понятие небытия
в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» 360

<i>Гилькова В.А., Луценко А.В.</i> «Индийская Жанна Д'Арк»: Лакшми Баи в современном художественном кинематографе	364
<i>Арискина Д.Е., Орлов Е.И., Меер Е.С.</i> Ценностное наполнение музыкальных мэшэпов в фильме «Свобода, равенство, кислая капуста»	369
<i>Душин Т.А., Емельянова В.А.</i> Детерминизм и свобода в творчестве Руюкинэсис	374
<i>Михайлова Е.В.</i> Духовно-нравственные ценности американского общества в романе Марка Твена и Чарльза Дадли Уорнера «Позолоченный век»	379
<i>Кубаева М.И.</i> Долг «царя-жреца» и жертва Ифигении в свете теории Дж.Дж. Фрэзера	384
Об авторах.....	389

Осенняя научная сессия
«Система педагогического образования –
ресурс развития общества»

ИСТОРИЯ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ.
СЕМЬЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ
И СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Материалы XX Всероссийской научной конференции

Красноярск, 28 ноября 2025 г.

Электронное издание

Редактор *М.А. Исакова*
Корректор *А.П. Малахова*
Верстка *Н.С. Хасанишина*

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Отдел научных исследований и грантовой деятельности КГПУ
им. В.П. Астафьева,
т. 8(391) 217-17-82

Подготовлено к изданию 10.02.26.
Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 25,7